

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: факты и аналитика

East Asia: Facts and Analytics

2019

№2

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)
www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
- Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционный совет: Виноградов А.В., д.полит.н.; Жебин А.З., к.полит.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Мазырин В.М., д.э.н.; Мосяков Д.В., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Уянаев С.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Афонасьева А.В., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кобелев Е.В., к.и.н.; Надточенко Б.Я.; Сафронова Е.И., к.э.н.

Редакция: Аубекирова Е.С.; Богданова А.Н.; Донченко А.И.; Кирюхина И.В.; Потапова В.А.

Отрасли науки:

03.00.00 История. Исторические науки

06.00.00 Экономика. Экономические науки

23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

6.01 History and archaeology

6.05 Other Humanities

Обложка: картина А.И. Донченко в стиле *гохуа*.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “**East Asia: Facts and Analytics**” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru” and Russian Science Citation Index.
- Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics)

Editorial Council: Kistanov Valerii O., DSc (History); Luzianin Sergei G., DSc (History); Mazyrin Vladimir M., DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya., PhD (Philology); Uyanaev Sergei V., PhD (History); Vinogradov Andrey V., DSc (Political Science); Zhebin Aleksandr Z., PhD (Political Science)

Editorial Board: Afonaseva Alina V., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kobelev Evgeni V., PhD (History); Nadtochenko Boris Ya.; Safronova Elena I., PhD (Economics)

Editors Office: Aubekirova Elena S.; Bogdanova Anna N.; Donchenko Anna I.; Kiryukhina Irina V.; Potapova Vera A.

Branch of science (in the Russian Federation):

03.00.00 History

06.00.00 Economics

23.00.00 Comprehensive study of individual countries and regions

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

6.01 History and archaeology

6.05 Other Humanities

The cover: the painting of Donchenko Anna I. in *guohua* style.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors

© IFES RAS

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА 2019, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А.В., Афонасьева А.В., Каменнов П.Б. Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР	6
Жебин А.З. Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты /на англ./	29
Корнеев К.А. Международное энергетическое сотрудничество в регионе Восточной Азии: проблемы и перспективы.....	40
Игнатов А.А. Председательство Японии в «Группе двадцати»: достижения и решения	50
Нелидов В.В. Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения	65
Казаков О.И. Перекрёстный год России и Японии (2018–2019): достижения и неудачи	83
Донченко А.И. Вьетнамская каллиграфия: прошлое и настоящее	98
Новые книги	113

EAST ASIA: FACTS AND ANALYTICS 2019, NO. 2

CONTENTS

Ostrovskii A.V., Afonaseva A.V., Kamennov P.B. Prospects for the development of science, technology and innovation in the PRC	6
Zhebin A.Z. Denuclearization of the Korean Peninsula: forgotten aspects /In English/	29
Korneev K.A. International energy cooperation in East Asian region: problems and perspectives	40
Ignatov A.A. Japan's Presidency in G20: achievements and decisions.....	50
Nelidov V.V. Russian-Japanese bilateral relations: limits of rapprochement	65
Kazakov O.I. Cross-Year of Russia and Japan (2018–2019): achievements and failures	83
Donchenko A.I. The Vietnamese calligraphy: the past and present	98
<i>New books</i>	113

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10008

Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР

А.В. Островский, А.В. Афонасьева, П.Б. Каменнов

Аннотация. В статье рассматривается опыт инновационного развития Китая, в основе которого – создание и реализация на протяжении 40 лет государственной научно-технической политики, включающей долгосрочную и среднесрочную программу развития науки и техники, программы повышения качества науки и подготовки научно-технических кадров, а также повышение финансирования расходов на развитие науки и техники к 2020 г. до 2,2 % ВВП, а к 2030 г. – до 3 % ВВП, что будет означать выход Китая к 2030 г. по данному показателю на 1-е место в мире. Отмечается, что реализация программ базируется на приоритетном развитии национальной фундаментальной науки с использованием мирового опыта в данной сфере и с опорой на механизм государственно-частного партнёрства.

Проанализированы основные положения Дорожной карты научно-технического развития Китая до 2050 г.: 1) опора на внутренние силы и эффективная интеграция глобальных инновационных ресурсов в соответствии с открытостью внешнему миру; 2) объединение талантливых людей и их вовлечение в инновационную деятельность, в соответствии с установкой – все для человека; 3) сочетание основной роли рынка и правительственного макро-регулирования на основе китайских реалий; 4) разделение труда и сотрудничество между основными участниками национальной инновационной системы наряду с углублением реформ; 5) продвижение научно-технических инноваций через инновационный менеджмент наряду с комплексным планированием.

Рассмотрены вопросы поэтапного создания в Китае до 2050 г. всеобъемлющей системы исследования и освоения мирового океана и космоса. Освещены задачи поэтапного создания в Китае до 2030 г. системы государственной и общественной безопасности, охватывающей в пространственном измерении космос, океан, биологию и информационные сети.

Ключевые слова: Китай, инновационное развитие, инновационный потенциал, инновационный бизнес, инновационный менеджмент, государственные программы, государственно-частное партнёрство, информатизация, искусственный интеллект, квантовая связь, квантовый компьютер, национальные центры поддержки талантливых специалистов, конкурентная среда, макро-регулирование, мировой океан и космос, государственная и общественная безопасность.

Авторы:

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru

Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, учёный секретарь, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0003-3573-287X; E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0003-3978-399X; E-mail: kamennov@ifes-ras.ru

Prospects for the development of science, technology and innovation in the PRC

A.V. Ostrovskii, A.V. Afonaseva, P.B. Kamennov

Abstract. The article considers the experience of innovative development of China, which is based on the creation and implementation for 40 years of the state scientific and technical policy, including a long – term and medium-term program for the development of science and technology, programs to improve the quality of science and training of scientific and technical personnel as well as increasing the financing of spending on the development of science and technology by 2020 to 2.2 % of GDP, and by 2030 – to 3 % of GDP, which will mean the exit of China by 2030 on this indicator to the 1st place in the world. It is noted that the implementation of the programs is based on the priority development of the national fundamental science using the world experience in this field and relying on the mechanism of state-private partnership.

The main provisions of the Roadmap for China's scientific and technological development until 2050 are analyzed: 1) reliance on internal forces and effective integration of global innovative resources in accordance with openness to the outside world; 2) the union of talented people and their involvement in innovation, in accordance with the installation – everything is for a person; 3) a combination of the main role of the market and government macro-regulation based on Chinese realities; 4) the division of labor and cooperation between the main participants of the national innovation system along with the deepening of reforms; 5) the promotion of scientific and technological innovation through innovation management along with integrated planning. The issues of the phased creation in China until 2050 of a comprehensive system of research and development of the oceans and outer space are considered. The tasks of the phased creation in China by 2030 of a system of state and public security, covering the spatial dimension of space, the ocean, biology and information networks are highlighted.

Keywords: China, innovative development, innovative potential, innovative business, innovative management, state programs, public-private partnerships, informatization, artificial intelligence, quantum communication, quantum computer, national centers for the support of talented specialists, competitive environment, macro-regulation, global ocean and space, state and public safety.

Authors:

Ostrovskii Andrei V., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Center for Socio-Economic Research of China, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-9248-4222; E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru

Afonaseva Alina V., PhD (Economics), Academic secretary, Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3573-287X; E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru.

Kamennov Pavel B., PhD (Politics), Deputy Head of the Center for Socio-Economic Research of China, Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3978-399X; E-mail: kamennov@ifes-ras.ru

В последнее время в КНР сохраняется быстрое и стабильное развитие экономики. При сравнении результатов социально-экономического развития Китая с такими странами, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от этих стран. В частности, при сравнении Китая и Индии, которые в начале 1980-х гг. находились на одном уровне, Китай в настоящее время по объёму ВВП опережает Индию уже в 5 раз. Экономика России 25 лет тому назад по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время ВВП российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), состоявшем из 14 разделов, была выделена и подтверждена ближайшая основная задача КПК – построение общества «малого благоденствия» (*сяокан шэжуэй*) к 2020 г., которая *может быть реализована только на путях социализма с китайской спецификой*. Были намечены основные задачи развития страны до середины XXI в. Как было заявлено в Отчётном докладе ЦК КПК XIX съезду партии, «с 2020 г. до середины нынешнего века Китай должен пройти два этапа развития. На первом этапе – в 2020–2035 гг. – полностью завершить социалистическую модернизацию на основе построения общества “малого благоденствия”, на втором этапе – с 2035 г. до середины века построить богатую и могучую демократическую цивилизацию и гармоничную прекрасную социалистическую модернизированную державу» [Full text of Xi Jinping's report at the 19th CPC National Congress].

В ходе XIX съезда КПК были намечены основные направления работы в области социально-экономического развития страны. Как отметил в своём докладе Си Цзиньпин, в Китае отказываются от планирования социально-экономического развития по основным цифровым показателям и будут обращать внимание не на количественные, а качественные показатели экономики, в основу которых заложено повышение качества жизни народа. Как отметил в Отчётном докладе Си Цзиньпин, «принципиальные противоречия заложены в разрыве между растущими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством, то есть между несбалансированным и неравномерным развитием и всё растущими потребностями населения» [Full text of Xi Jinping's report at the 19th CPC National Congress].

Быстрое социально-экономическое развитие Китая выражается не только в высоких темпах роста ВВП, промышленности и сельского хозяйства, заметно превышающих среднемировые, но и в новых достижениях науки и техники. Был осуществлён запуск человека в космос, осуществляется создание космической станции «Тяньгун–2» («Небесный дворец–2») и спуск под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 7200 м в Марианской впадине в Тихом океане. За этот период был создан самый быстродействующий суперкомпьютер в мире «Тяньхэ» («Млечный путь») и построена сеть высокоскоростных железных дорог длиной свыше 10 тыс. км, введена в эксплуатацию спутниковая навигационная система «Бэйдоу» («Северная Медведица»).

Технологическое развитие так сильно повлияло на Китай, что Россия его уже не сможет догнать. Ещё в конце 90-х гг. XX в. после письма ряда ведущих академиков о значительном отставании китайской науки от мировой (особенно в сфере нанотехнологий), было принято решение о выделении дополнительных средств на развитие фундаментальной и прикладной науки в КНР и доведении расходов на НИОКР до 2,5 % ВВП Китая. Пока этот показатель не был достигнут – всего 2,12 % вместо запланированных 2,2 %. Вместе с тем

Китай в XXI в. совершил колоссальный рывок в науке и технике, о чём можно судить по росту количества научных работников в стране и росту их зарплат (зарплата профессора может достигать до 20 тыс. долл. в месяц) [China Statistical Abstract 2014, p. 150; China Statistical Abstract 2018, p. 173].

Научные достижения Китая нашли своё конкретное выражение в крайне высокой инновационной активности. По данным Международной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization), Китай значительно опережает все страны мира по количеству принятых патентных заявок, зарегистрированных товарных марок и конструкторских разработок в мире [2030 Zhongguo: Maixiang Gongtong Fuyu, p. 95].

Эти показатели свидетельствуют о том, что Китай уже вышел на лидирующие мировые позиции в области развития науки и инноваций. В мире технологическое развитие приближается к середине 5-го исторически большого цикла (каждый цикл – 50 лет). Три основных инновационных направления в мире: 1) революция в здравоохранении на основе использования генетических методов лечения и биоинформатики; 2) радикальные изменения в природоохранной деятельности; 3) внедрение технологии альтернативной энергетики, снижающие зависимость от углеводородов (в частности, в Китае – солнечная и ветровая энергия, гидротермальные источники).

Опережающие темпы роста затрат на НИОКР в Китае приведут к 2020 г. к существенному сближению его наукоёмкости с развитыми странами мира. В 2020 г. на Китай придётся 20 % мирового объёма НИОКР. В настоящее время по ряду направлений информационно-коммуникационных технологий Китай уже перешёл от догоняющего развития к лидирующему [2030 Zhongguo: Maixiang Gongtong Fuyu, p. 96].

Предполагается, что в рамках глобальной научно-технической революции Китай станет основным игроком на мировом рынке инноваций. Для этого у него есть предпосылки в виде стремительного роста общей численности инженерно-технических и научных работников и большого объёма экспорта высокотехнологичной продукции по сравнению с ведущими странами мира. По прогнозам китайских учёных, в 2030 г. в мире будет насчитываться 15 млн инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн человек (30 %) будут составлять учёные, инженеры и техники из КНР. По затратам на НИОКР, которые составят 3,597 трлн долл. (примерно 3 % мирового ВВП) в 2030 г., большая часть – 93 % всех расходов будет приходиться на США, ЕС, Китай и Японию. В настоящее время рост затрат на НИОКР в КНР имеет своё отражение в резком увеличении экспорта высокотехнологичной продукции. Уже в 2013 г. Китай по объёму экспорта высокотехнологичной продукции (560 млрд долл.) заметно оторвался от идущей на 2-м месте Германии (193,1 млрд долл.) и занимающих 3-е место США (147,8 млрд долл.). Нетрудно предположить, что к 2020 г. Китай упрочит своё лидирующее положение в мире по этому показателю [2030 Zhongguo: Maixiang Gongtong Fuyu, p. 91].

Как показывают статистические данные, в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) доля экономически активного населения начала снижаться, и Китай в ближайшее время будет вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в сельском хозяйстве. Это означает, что *за годы 13-й пятилетки Китай должен будет совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной*

экономики. Только в этом случае в Китае можно будет решить проблему избыточного населения за пределами рабочего возраста (свыше 60 лет) и относительной нехватки природных ресурсов, в частности, энергоресурсов – нефти, природного газа, каменного угля, а также охраны окружающей среды за счёт внедрения новых энергосберегающих технологий. Кроме того, в XXI в. в Китае большое внимание стали уделять развитию нанотехнологий и информационных технологий, и по охвату Интернетом Китай уже занимает лидирующие позиции в мире. В области интернетизации страны Китай идёт вперёд семимильными шагами. Если в 2000 г. доля Китая в мировом производстве компьютеров составила всего 19,2 %, то в 2005 г. – уже 83,5 %. В настоящее время в Китае произошёл взрыв в области информатизации населения. Там уже насчитывается свыше 900 млн интернет-пользователей, в социальной сети *Жэньжэньван* (китайский аналог Facebook) – около 700 млн подписчиков. В Китае действует ряд крупнейших в мире интернет-компаний (такие как Tencent, Alibaba и др.), которые уже лидируют в мире по основным показателям. Объём капитализации лишь одной компании Tencent (Тэнсюнь) составил в феврале 2018 г. свыше 32,4 млрд долл. Все эти достижения в сфере информационных технологий состоялись в последние 10 лет. Таким образом, очевидно, что при такой инфраструктуре связи и телекоммуникаций к 2030 г. КНР вполне может стать информационным инновационным государством, построить самую крупную в мире информационную инфраструктуру и обеспечить самую высокую в мире доступность населения к Интернету.

К 2030 г. Китай по объёму затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, и их доля в ВВП страны достигнет 3 %, а в объёме мировых затрат составит 25 %. К этому моменту Китай также будет держать 1-е место в мире по доле экспорта высокотехнологичной продукции.

На основе проведения исследования основных аспектов инновационной деятельности в КНР в таких сферах, как энергетика и информационные технологии можно будет получить необходимые выводы об их влиянии на социально-экономическое развитие, образование, культуру, повышение уровня и качества жизни населения страны, включая решение проблем нехватки энергоресурсов и охраны окружающей среды.

По мнению руководства КНР, подъём Китая обеспечивается за счёт подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяют большое внимание двум показателям – *удельный вес расходов на образование и расходов на научно-исследовательскую деятельность в ВВП*. На наш взгляд, именно эти меры позволяют Китаю решить основную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в ближайшее десятилетие и обеспечить поступательное движение вперёд экономики страны.

В годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) были выделены основные направления развития науки и техники в области новых и высоких технологий: компьютерные платы и программное обеспечение, технология нового поколения информационных сетей, передовые ЭВМ, биофармацевтика, гражданская авиация, использование спутников и новые материалы. В этот период проводилась большая работа по подготовке программ развития науки и техники на последующие 15 лет, в основу которых было заложено создание собственной инновационной базы как основное направление развития государственной стратегии в области науки и техники.

С 2006 г. развитие науки и техники в КНР осуществлялось в соответствии с принятыми в годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) тремя основными документами правительства КНР

по развитию науки и техники: 1) «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» (2006 г.); 2) «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования реформ и развития образования в 2010–2020 гг.» (2010 г.); 3) «Государственная долгосрочная и среднесрочная программа планирования развития талантов на 2006–2020 гг.» (2010 г.). В случае реализации этих трёх общегосударственных программ к 2020 г. Китай должен войти в ряды стран с экономикой инновационного типа.

В «Государственной программе долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.» указывалось, что необходимо укреплять собственную инновационную базу, снижать зависимость от иностранных достижений в области науки и техники, развивать новые отрасли на основе развития науки и техники, выйти на лидирующие позиции в мире по количеству полученных патентов на изобретения и по количеству опубликованных научных работ и статей. В этом документе для укрепления собственной инновационной базы предусматривалось снижение зависимости от импорта зарубежных технологий, усиление работы по получению прав на интеллектуальную собственность, создание собственных технологических стандартов, поддержка работы предприятий на мировом рынке по установлению мировых технологических стандартов. При этом было выделено три основных направления развития науки и техники в КНР – *энергоресурсы, водные ресурсы и охрана окружающей среды*, так как недостаточное развитие этих трёх сфер в значительной степени сдерживает темпы социально-экономического развития страны. В конечном счёте, в данной программе было намечено 11 важнейших сфер социально-экономического развития страны, 16 основных тем в области науки и техники и 8 основных технологических сфер из 27 передовых мировых технологий [Zhongguo chuangxin zhengce yanjiu baogao, p. 350].

В июне 2017 г. Министерство науки и техники КНР совместно с тремя ведомствами выпустило «Специальный план по национальным фундаментальным исследованиям в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.)», в котором отмечалось, что «Китай будет по-прежнему оказывать стабильную поддержку фундаментальным исследованиям, создавать основу будущего научно-технического развития Китая, реализовывать ряд крупных научно-технических проектов в области фундаментальных исследований, в том числе квантовой связи и квантового компьютера, науки о мозге и исследований в области церебрологии».

Было определено 16 проектов, воплощающих основные тенденции научно-технического развития, которые касаются информатики, биологии и других стратегических отраслей. В каждый из проектов было инвестировано десятки миллиардов юаней и сконцентрированы силы ведущих научно-исследовательских институтов для реализации этих проектов.

Была создана Канцелярия по государственным важным специальным научно-техническим проектам, которая разрабатывает методы реализации этих проектов, утверждает планы их реализации, выдвигает политические установки и рекомендации, контролирует реализацию проектов, разрешает важные проблемы, организует оценку и приёмку. Как отметил министр науки и техники КНР Вань Ган, «важные специальные научно-технические проекты позволяют решать серьёзные актуальные вопросы, возникающие в процессе социально-экономического развития, и являются необходимыми мероприятиями для осуществления государственных стратегических целей» [Ло Цзе, 2018, с. 30].

К одним из таких важных проектов относится «Хэгаоцзи» («Ядерные высокие технологии»), который направлен на создание основных электронных приборов, высококачественных общеупотребительных микросхем и бытовых программных продуктов. Этот проект обеспечивает повышение качества основных потребительских товаров длительного пользования – мобильные телефоны, компьютеры, холодильники, автомобили, которые уже не могут обойтись без микросхем программного обеспечения. В результате проект «Хэгаоцзи» добился заметных успехов в производстве основных электронных компонентов, высококачественных микросхем общего назначения и базового программного обеспечения. В рамках этого проекта разработанные Китаем центральные процессоры (CPU) и системное программное обеспечение уже применяются в важных отраслях в Китае и за рубежом.

В августе 2016 г. правительством КНР была опубликована «Государственная программа научно-технических инноваций на 13-ю пятилетку (2016–2020)». Основной целью программы было обозначено вступление Китая в ряды инновационных стран к 2020 г., выход в первые ряды инновационных стран к 2030 г., стать ведущей в мире державой по научно-техническим инновациям к 2050 г.

На 2030 г. Китай запланировал 15 важных государственных научно-технических проектов. Особое внимание уделяется развитию проектов в сфере квантовой связи, квантового компьютера, науки о мозге и церебологическим исследованиям. Эти проекты должны быть тесно связаны друг с другом в сферах, сосредоточенных в пяти областях – электроника и информатика, передовое производство; энергоресурсы и окружающая среда; биология и здоровье; моря и океаны; небесное пространство. Как отметил профессор университета Цинхуа Ху Аньган, «Программа 2006» символизирует вступление Китая в эпоху научно-технических инноваций 1.0, а новая «Программа 2016» означает продвижение вперёд в эпоху научно-технических инноваций 2.0 [Ло Цзе, 2018, с. 30].

3 января 2018 г. на первом постоянном собрании Госсовета КНР была подчёркнута необходимость усиления поддержки фундаментальных исследований и повышения инновационного потенциала. Помимо государства, отдельные крупные фирмы и предприятия также стали уделять внимание и увеличивать инвестиции в фундаментальные исследования. В частности, в октябре корпорация «Алибаба» официально объявила о создании исследовательской академии DAMO (Discovery, Adventure, Momentum, Outlook), чтобы заниматься исследованиями в области фундаментальных наук и прорывных инноваций. Корпорация «Алибаба» планирует в течение следующих трёх лет инвестировать более 100 млрд юаней (1 трлн руб. по текущему валютному курсу) в научные исследования и разработки [Лу Си, 2018, с. 25].

Также в этот период была опубликована «Дорожная карта развития китайской науки до 2050 г.», в которой было выделено восемь основных направлений:

- 1) Развитие энергоресурсов;
- 2) Новые материалы и «умное» производство;
- 3) Развитие информационной сети;
- 4) Сельское хозяйство и биотехнологии;
- 5) Народонаселение и здравоохранение;
- 6) Развитие системы охраны окружающей среды;
- 7) Исследование космоса и океана;

8) Технологии, обеспечивающие безопасность страны и общества.

В рамках восьми основных направлений выделены 22 основные инициативы в области развития науки и технологий для модернизации Китая, которые были разбиты на пять групп.

1) *Шесть инициатив стратегической важности для повышения конкурентоспособности Китая на мировой арене:*

1. Новые принципы и технологии информационной сети «Post-IP» и их тестирование;
2. «Зелёное» производство высококачественного сырья и материалов;
3. Технология переработки отходов после использований ресурсов;
4. Информационные производственные системы;
5. Использование высокоскоростных компьютеров (10 в 18-й степени операций в секунду);
6. Молекулярное конструирование наследственности животных и растений (изучение геномов).

2) *Семь инициатив стратегической важности для устойчивого развития Китая:*

1. Программа исследования подземных пластов вглубь на 4000 м;
2. Новая система возобновляемых энергетических ресурсов;
3. Глубокая генерация геотермальной энергии;
4. Атомная энергия;
5. Планы по расширению производства морепродуктов;
6. Стволовые клетки и регенерационная медицина;
7. Ранняя диагностика и системное вмешательство при основных хронических заболеваниях.

3) *Две инициативы стратегической важности для национальной и общественной безопасности Китая:*

1. Сеть для понимания ситуации в космическом пространстве;
2. Системы социального контроля и параллельного управления.

4) *Четыре основные научные инициативы для вероятных прорывов в сфере преобразований:*

1. Исследование тёмной материи и тёмной энергии («чёрная дыра»);
2. Управление структурой материи;
3. Искусственная жизнь и синтетическая биология;
4. Механизм фотосинтеза.

5) *Три выявленных инициативы междисциплинарных и глубинных исследований:*

1. Нанотехнологии;
2. Космические исследования и исследования со спутников;
3. Математика и комплексные системы.

Научно-технические инновации с китайской спецификой

Для успешной работы по 22 основным инициативам были предложены *пять принципов развития инноваций в области науки и техники с китайской спецификой*, которые должны быть реализованы до 2050 г. и направлены на стимулирование развития науки и техники в Китае:

- 1) Опора на внутренние силы и эффективная интеграция глобальных инновационных ресурсов в соответствии с открытостью внешнему миру;
- 2) Объединение талантливых людей и их вовлечение в инновационную деятельность, в соответствии с установкой – всё для человека;
- 3) Сочетание основной роли рынка и правительственного макро-регулирующего на основе китайских реалий;
- 4) Разделение труда и сотрудничество между основными участниками национальной инновационной системы наряду с углублением реформ;
- 5) Продвижение научно-технических инноваций через инновационный менеджмент наряду с комплексным планированием.

Авторами была проведена работа по изучению каждого из этих принципов, описанных в «Дорожной карте развития китайской науки до 2050 г.», и дан аналитический комментарий по некоторым из них.

Принцип опоры на внутренние силы и эффективной интеграции глобальных инновационных ресурсов в соответствии с открытостью внешнему миру, по сути, имеет три составляющие.

Во-первых, Китай должен быть открыт всем существующим в мире знаниям и полностью использовать глобальные инновационные ресурсы, которые считаются отправной точкой инновационного роста в КНР. В этой связи важным считается расширение международных научно-технических обменов и сотрудничества, посредством которых Китай сможет получить необходимые ресурсы, в частности, интеллектуальные ресурсы, технологии, управленческий опыт [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 118].

Следует подчеркнуть, что инструменты двустороннего и многостороннего научно-технического сотрудничества Китай начал разрабатывать ещё с конца 1980-х гг., и к 2015 г. мы уже насчитывали пять видов таких инструментов: 1) Программы глобального научно-технического сотрудничества, например, Специальная программа научно-технического сотрудничества Китая, включающая тысячи двусторонних и многосторонних проектов научно-технического сотрудничества Китая с иностранными государствами; 2) Программы регионального сотрудничества, например, китайско-африканский план научно-технического партнёрства, а также Китай – АСЕАН: программа научно-технического партнёрства (2011 г.); 3) национальные научные программы, например, Программы 973 и «Факел» также осуществляют международное сотрудничество и научный обмен; 4) государственные международные инновационные кластеры, которых в КНР к 2015 г. насчитывалось 5 единиц; 5) аккредитованные за рубежом китайские научно-технические организации, задача которых отслеживать перспективные международные научно-технические проекты и рекомендовать их китайским компаниям. Таким образом, Китай в целом уже создал достаточно прочную базу для международного научно-технического сотрудничества практически по всем направлениям научных исследований. Страна уже является активным участником международного научно-технического сотрудничества, лидером в региональном научно-техническом сотрудничестве и влиятельным членом международных научно-технических организаций, что, естественно, повышает её инновационный потенциал [Афонасьева, 2015, с. 57–60].

Во-вторых, в Китае осознают необходимость значительного снижения зависимости КНР от импорта технологий. Ключевые стратегически значимые технологии невозможно

приобрести за границей. Инновационный рост невозможен без опоры на внутренние силы, и именно самостоятельные инновации являются ресурсом международной конкурентоспособности государства. Опора на собственные силы предполагает: запуск 22 научно-технических инициатив стратегической важности, преодоление технических проблем, планирование важных проектов фундаментальных исследований, поддержка инновационных усовершенствований предшествующих технологий, более интенсивное освоение, ассимиляция и воспроизведение привлечённых технологий, улучшение механизма трансфера технологий, интеллектуальных ресурсов и передачи знаний, промышленная коммерциализация научно-технических достижений [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 118].

В-третьих, китайские инновации должны быть конкурентоспособны на международном рынке. Для этого в КНР планируют заняться совершенствованием системы защиты прав интеллектуальной собственности, в том числе, активно участвовать в создании и пересмотре соответствующих международных регламентов. Для повышения международной конкурентоспособности Китай планирует оказывать поддержку высокотехнологичным национальным компаниям, стимулировать появление и развитие крупного китайского инновационного бизнеса, конкурентоспособного на международном рынке. Для повышения комплексной инновационной мощи Китай также будет стимулировать развитие малых и средних инновационных предприятий [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 118].

Принцип объединения талантливых людей и их вовлечения в инновационную деятельность, в соответствии с установкой – всё для человека, должен лечь в основу современного китайского пула талантов, который будет удовлетворять запросы инновационного государства.

Основными направлениями работы в рамках данного принципа должны стать:

Подготовка ведущих учёных со стратегическим мышлением. Для этого планируется создать национальные центры подготовки талантов и усилить охоту за умами выдающихся учёных и инженеров из числа зарубежных китайцев, желающих вернуться в Китай ради карьерных перспектив [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 121].

В Китае уже существуют национальные центры поддержки талантливых специалистов, вернувшихся из-за рубежа, и уже хорошо отработаны минимум два канала привлечения высококвалифицированных специалистов: первый канал – это программы, гранты, бизнес-инкубаторы для вернувшихся из-за рубежа китайских инноваторов, второй канал – это бизнес-форумы и конференции, ярмарки вакансий для зарубежных китайцев в КНР и за границей. Оба канала работают как на уровне всей страны, так и на уровне отдельных провинций [Афонасьева, 2010, с. 87].

Подготовка квалифицированных инженеров для промышленных предприятий. В рамках сотрудничества Академии наук Китая с промышленными предприятиями необходимо организовать подготовку технических специалистов и повышение их квалификации на базе колледжей и исследовательских институтов. Дипломированные специалисты должны быть мотивированы на работу в промышленном секторе экономики. Колледжи и исследовательские институты должны иметь программы стажировок и пост-доков на промышленных предприятиях [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 121].

Воспитание талантливой молодёжи. Планируется ввести разные уровни национальных программ поддержки молодых научно-технических специалистов в соответствии с возрастом и уровнем квалификации участников. Существующие научно-технические программы должны иметь отдельные направления, нацеленные на повышение творческого и инновационного потенциала талантливой молодёжи, на воспитание молодёжи в духе патриотизма и социальной ответственности [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 121].

Углубление реформы образования. Современное образование должно быть ориентировано на грядущие структурные изменения в промышленном секторе и на будущий рынок труда. Система образования должна готовить высококвалифицированных специалистов и инноваторов для модернизации Китая. Только система, закладывающая в учеников установку на обучение на протяжении всей жизни, может отвечать требованиям инновационной экономики [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 121].

Создание конкурентной среды. Конкурсное распределение ресурсов и отбор талантов является наиболее эффективным способом обеспечения социальной справедливости. Следует снять административные барьеры и усилить роль рынка в распределении человеческих ресурсов, развивать конкурсную систему отбора кадров, справедливую и объективную систему заработной платы. При оценке кадров должен применяться индивидуальный подход, учитываться, в первую очередь, конкретные достижения и заслуги специалистов. Для разных отраслей экономики, категорий и уровней квалификации специалистов должна быть своя система оценки кадров. Члены конкурсной комиссии должны также проходить строгий отбор, гарантирующий их квалификацию и беспристрастность. Такая конкурентная среда обеспечит свободное перемещение талантов между регионами, отраслями экономики и организациями, будет содействовать социальной справедливости, формированию научной и рациональной макроструктуры управления человеческими ресурсами [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 122].

Принцип сочетания основной роли рынка и правительственного макро-регулирующего в соответствии с китайскими реалиями. Распределение научно-технических ресурсов в Китае имеет две особенности: диверсифицированный характер инвестиций в научно-технический сектор и закрепление основной роли рынка, а также принципа конкуренции. Взаимосвязь научно-технического прогресса и социально-экономического развития характеризуется наличием стоимостной цепочки инноваций, состоящей из: инициативных исследований, ориентированных фундаментальных исследований, прикладных исследований, развития высоких технологий, усовершенствования процесса производства, маркетинга и управления капиталом. В процессе перехода от одного к другому звену этой цепочки постепенно снижается влияние правительственного регулирования и усиливается роль рынка. Китайская специфика развития этой цепочки будет заключаться в объединении руководящей функции государства с основной ролью рынка. Для обеспечения руководящей функции государства необходимо увеличить правительственные инвестиции в науку и технику, довести их долю в общем объёме инвестиций в исследования и разработки до 40–50 % [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 126]. Однако, статистика 2009–2018 гг. говорит об уменьшении этого показателя с 23 до 20,2 % [China Statistical Yearbook 2010, table 40-20; China Statistical Yearbook 2019, table 20-1], то есть руководящая функция государства к 2018 г. как минимум не усилилась.

При этом центральное правительство должно финансировать стратегические отрасли экономики, ведущие национальные исследовательские институты и университеты. Местные правительства должны финансировать ключевые для конкретного региона отрасли промышленности и научно-технический сектор, интегрировать инновационные ресурсы, создавать условия для развития инновационных кластеров [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 126].

Китайские учёные считают, что любой регион, независимо от его места положения и специализации, должен развиваться по инновационному пути. В 2010 г. в Китае была разработана «Программа основных функциональных районов», согласно которой все регионы КНР были отнесены к одному из четырёх типов: оптимальные, приоритетные, ограниченные и запрещённые [Афонасьева, 2013, с. 206]. Для каждого региона разработана своя стратегия развития. Для приморских районов юга Китая приоритетом должно стать развитие высоких технологий, ключевых для модернизации местной промышленности фундаментальных исследований, а также экономики знаний. Кроме того, необходимо проводить исследования в области ресурсов, защиты окружающей среды, народонаселения и общественного здравоохранения. Северо-восточный и центральный районы должны проводить исследования, отвечающие задачам технической модернизации традиционных отраслей промышленности и фермерских хозяйств. Они также должны развивать высокие технологии и фундаментальные исследования, способствующие развитию экономики знаний. Для западных районов в приоритете должны быть исследования в области экологии и экологической защиты, а также рационального природопользования [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 126–127].

Рынок должен играть ключевую роль в распределении природных ресурсов. Предполагается ускорить формирование инновационно ориентированного рынка, усовершенствовать законодательство, создать благоприятную для развития инноваций финансовую и политическую среду. Важно сформировать общество потребителей инновационных продуктов и услуг, для успешной коммерциализации инновационных разработок [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 127].

Принцип разделения труда и сотрудничества между основными участниками национальной инновационной системы наряду с углублением реформ. Согласно данному принципу инновационная система КНР должна быть ориентирована на развитие технологий, образования, национальной безопасности, региональное развитие, социальную сферу. На первых этапах становления инновационной системы планируется создать техническую инновационную систему и инновационную систему знаний.

В технической инновационной системе ключевую роль играет промышленность. Развитая промышленность способствует коммерциализации инновационных разработок, обеспечивает экономию за счёт масштаба производства. Промышленным предприятиям следует для начала ориентироваться на адаптацию и воспроизведение импортных технологий и повышать свой профессиональный уровень для создания самостоятельных технических инноваций. Техническая инновационная система требует более эффективной финансовой и налоговой системы, гарантий защиты прав интеллектуальной собственности, развития венчурного инвестирования, ускорение трансфера и распространения универсальных технологий, развития новых продуктов и рынков, формирования инновационной среды. Особое значение в этой системе придаётся

партнёрству университетов, исследовательских институтов и промышленных предприятий [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 128].

Инновационная система знаний является сочетанием научных исследований и высшего образования. Научно-исследовательские институты являются ориентиром инновационного развития, их ключевая роль – разработка научно-технических инноваций. Университеты являются фундаментом и платформой инновационного развития, их основная задача – подготовка кадров.

Принцип продвижения научно-технических инноваций через инновационный менеджмент наряду с комплексным планированием. Развитие научно-технических инноваций требует инновационных подходов в управлении наукой и техникой или инновационного менеджмента. Инновационный менеджмент – это системное управление научно-техническим развитием, осуществляемое совместно правительством, промышленностью, университетами, исследовательскими институтами и потребителями инноваций. Ключевая роль регулятора продвижения технологических инноваций и трансфера технологий отводится рынку, где основными игроками являются предприятия.

Макроуправление научно-техническими инновациями должно включать независимые друг от друга стратегическое планирование, формирование научно-технической политики, организацию разделения труда между различными управленческими структурами, контроль реализации научных программ (недопущение дублирований и пересечений научных направлений), распределение ресурсов, консультации и оценки [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 132].

Стратегическое планирование и формирование научно-технической политики должно находиться в компетенции соответствующих структурных подразделений правительства (Госсовета), которые должны быть освобождены от управления индивидуальными проектами. Организацией конкретных научных исследований должны заниматься научно-исследовательские институты, университеты, отраслевые исследовательские центры и предприятия. Распределение инновационных ресурсов должно находиться в ведении государственных финансовых и кадровых служб. На базе Академии наук Китая, Инженерной академии Китая, Академии общественных наук Китая и Ассоциации науки и техники Китая должна быть создана независимая система научно-технических консультаций и оценок планов и проектов в области науки и техники [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 133].

Инновационный менеджмент и комплексное планирование должны снять отраслевые и административные барьеры для продвижения инноваций, на базе существующих научно-исследовательских институтов создать социально ориентированные национальные научно-исследовательские центры, содействовать формированию инновационной культуры – атмосферы академической свободы, вдохновляющей инноваторов и предпринимателей, популяризировать и внедрять инновационные достижения. На Академию наук Китая в этой системе возлагаются обязанности проведения фундаментальных, стратегических, прогностических и систематических научно-технических инновационных исследований, а также строительство восьми базовых и стратегических систем социально-экономического развития для генерации фундаментальных знаний, способных стать локомотивом научно-технического развития Китая до 2050 г. [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 133–134].

Рассмотренные пять китайских принципов развития инноваций в области науки и техники представляют собой идеальные условия для строительства инновационного государства в КНР. Некоторые составляющие этих условий являются уже практически развитыми, например, международное научно-техническое сотрудничество Китая, возвращение из-за рубежа высококвалифицированных специалистов китайского происхождения, определение отдельных стратегий инновационного развития для каждого региона КНР. Некоторые составляющие, как например, усиление руководящей функции государства в инновационном развитии, напротив, имеют отрицательную динамику. В целом, руководствуясь этими принципами, Китаю предстоит ещё 30 лет работать над совершенствованием стратегии инновационного развития.

Система исследования и освоения мирового океана и космоса

При создании всеобъемлющей системы исследования и освоения мирового океана и космоса, ключевой задачей является развитие этой системы в следующих пяти аспектах: 1) исследование и освоение морей; 2) исследование и освоение ресурсов моря; 3) исследование и освоение космоса; 4) создание потенциала развития космических технологий; 5) создание потенциала для широкого использования информации [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050., p. 81]. Этапы создания системы в перспективе до 2050 г. приводятся в табл. 1.

Таблица 1. Характеристика и цели создания расширенной системы Китая по исследованию и освоению мирового океана и космоса в перспективе до 2050 г.

Категория		До 2020 г.	До 2030 г.	До 2050 г.
Исследование и освоение мирового океана	Зона исследований океана	Простирается от западной части Тихого океана до восточной части Индийского океана, а также включает районы, прилегающие к Северному и Южному полюсам	Охватывает Тихий и Индийский океаны	Охватывает мировой океан
	Глубина исследований	Достигает 7000 м в пилотируемом аппарате и 11000 м в беспилотном аппарате с дистанционным управлением	В пилотируемом аппарате – 11000 м; исследование дна океана бурением на глубину до 1000 м	Исследование дна океана бурением на глубину до 2000 м
	Безопасность окружающей среды	Осуществление динамического прогноза в прибрежных районах	Осуществление динамического прогноза в ключевых районах океана и на океанских коммуникациях	Ввод в строй независимой глобальной системы безопасности на море и в океане

	Биологическая безопасность	Осуществление мониторинга ключевых факторов в реальном масштабе времени	Прогнозирование и предупреждение о существенных изменениях в океанской экосистеме	Создание интегрированного режима управления морской экосистемой
	Цифровизация морей	Начальная цифровизация морей и исключительных экономических зон	Завершение цифровизации морских прибрежных районов Китая	Конструирование и завершение цифровизации мирового океана
Исследование и освоение ресурсов морей	Нефтяные, газовые и минеральные ресурсы	Исследование и локация основных районов океана, перспективных для разработки	Масштабная эксплуатация глубоководных залежей нефти и газа; начало опытной коммерческой разработки газового гидрата и залежей руд с морского дна	Довести ежегодный объем производства нефти и газа в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях до 100 млн т
	Биоресурсы	Довести ежегодный объем производства рыбной продукции (включая пресноводную) до 60 млн т; вести эксплуатацию новых морских биоресурсов и увеличить их добавленную стоимость	Увеличить ежегодный объем производства рыбной продукции до 80 млн т, создать новые высокопродуктивные кластеры морской биоиндустрии	Осуществить модернизацию секторов рыбной индустрии и морской биоиндустрии
	Морские химические ресурсы	Осуществить опреснение морской воды и масштабное производство основных химических веществ	Разрешить проблему нехватки свежей воды на островах и осуществить масштабное производство редких химических веществ, включая ядерное топливо	Решить проблему недостаточного водоснабжения прибрежных районов и производить из морской воды безвредным способом рафинированную продукцию с высокой добавленной стоимостью
	Устойчивое развитие прибрежных зон	Создать систему диагностики и улучшения береговой экосистемы	Контролировать ухудшение экосистемы в береговых зонах, планировать и управлять на научной основе ресурсами береговых зон	Осуществлять интегрированное и научно обоснованное управление и устойчивое развитие

Потенциал исследования и освоения космоса	Исследование глубокого космоса	Зонд может достичь планеты Марс	Зонд может достичь планеты Юпитер	Зонд может достичь границ солнечной системы
	Спутники исследования космоса	В основном завершить охват ключевых научных дисциплин по исследованию космоса	Достижение передового мирового уровня	Занять место среди передовых стран в области мировой науки о космосе
Возможности космических технологий	Способность вести наблюдения с высоким пространственным разрешением	Апертура: 2 м, пространственное разрешение: 0,1"	Апертура: 4 м, пространственное разрешение: 0,05"	Апертура: 10 м, пространственное разрешение: 0,01"
	Пилотируемые полёты	Космическая станция с длительным обитанием человека на борту	Высадка человека на Луну и создание базы на Луне	Высадка человека на Марс
	Высокоскоростная космическая коммуникация	Связь спутник – спутник и спутник – Земля со скоростью передачи данных: 25 Гбит/с	Связь спутник – спутник и спутник – Земля со скоростью передачи данных: 30–40 Гбит/с	Связь спутник – спутник и спутник – Земля со скоростью передачи данных: 100 Гбит/с

Источник: [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 81–82].

Показатели, указывающие на целесообразность исследования морей и возможность практического освоения полученных результатов:

Морские залежи нефти, газа и других ресурсов. Морские залежи нефти и газа включают стратегические ресурсы, такие как залежи нефти, находящиеся в открытом море; природный газ, газогидраты, океанские полиметаллические конкреции, кобальтоносные корки, гидротермальный сульфид и береговые пески. Хотя Китай только приступил к исследованию глубоководных залежей нефти и газа, газогидратов и гидротермального сульфида, он вынужден тем не менее использовать любую возможность добычи нефти, газового гидрата и сульфидов из глубоководных залежей и заниматься распределением ресурсов [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 83].

Морские биоресурсы. Морские биоресурсы включают различные морские живые организмы, жизненные материалы и их компоненты, которые являются или могут являться в будущем ценными и полезными для человеческой жизни, такие как органы, ткани, клетки, метаболиты, гены и т. д., и всё, что считается полезным в пищевых продуктах, медицине, биоматериалах, биопродуктах, биоэнергетике и так далее. В 2008 г. общий объём морской продукции достиг 48,9 млн т [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 84].

Морские водные и химические ресурсы. Морские водные и химические ресурсы включают чистую воду и материалы, содержащиеся в морской воде и пригодные для использования человеком, такие как соль, бром, калий, магний, диплоген, уран и так далее. В настоящее время Китай овладел технологией дистилляции воды и способен опреснять 31000 м³ воды в день. Однако техника исследований и разработки редкоземельных

элементов развита недостаточно, не хватает эффективных технологий глубоководных исследований и масштабного освоения глубоководных ресурсов [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 84].

Стабильное развитие прибрежных районов. Прибрежными являются районы, находящиеся между сушей и морем, внутренняя граница которых проходит примерно в 10 км от береговой черты в сторону суши, а внешняя граница – в 10–15 км в сторону моря. Эти районы богаты природными ресурсами, находящимися в сложной и изменчивой среде, и в то же время они являются базой морских исследований и экономического развития, а также районами морских коммуникаций, подверженных частым стихийным бедствиям – штормам, тайфунам и другим. В настоящее время защита прибрежных районов Китая усиливается путём административных и юридических мер. Однако чрезмерно интенсивное развитие этих районов приводит к серьёзным проблемам, связанным с ресурсами и окружающей средой, что наносит серьёзный ущерб их развитию [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 85].

Характеристика возможностей Китая по исследованию и освоению космического пространства. Искусственные спутники земли (ИСЗ) и космические корабли используются для исследований в таких областях, как физика, астрономия, химия, биология, законы которых действуют в околосолнечном пространстве, межпланетном пространстве и во всей Вселенной. Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) США и Европейское космическое агентство (ЕКА) располагают своими сравнительно завершёнными сериями исследовательских ИСЗ. Китай запустил свою первую исследовательскую космическую программу «Double Star Program» (DSP) в начале XXI в. Эта программа представляет собой совместную исследовательскую космическую программу Национальной космической администрации Китая и Европейского космического агентства.

Наиболее важными аспектами программы развития космических технологий до 2050 г. являются следующие. В области космической науки основные усилия должны быть направлены на решение следующих четырёх проблем, имеющих значение для ввода в действие программ исследования и освоения космоса: 1) непосредственное исследование чёрных дыр, тёмной материи, тёмной энергии, гравитационной волны; 2) происхождение и эволюция солнечной системы; 3) влияние солнечной активности на экологию Земли и прогнозирование её изменений; 4) исследование внеземной жизни. В области наблюдения за Землёй предстоит создание технически совершенной системы мониторинга многочисленных параметров, конструирование цифровой научной платформы Земли, а также сетевой платформы системы Земли. В области космических технологий должен быть осуществлён прорыв в следующих шести важных областях: высокая пространственная разрешающая способность, сверхвысокая точность пространственных и временных стандартов, околокосмические полёты, сверхвысокая скорость полётов в глубоком космосе и автономная навигация, высокоскоростная связь в космосе, системы жизнеобеспечения и поддержки деятельности человека в космосе [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 85].

Конкретные шаги в рассматриваемой области заключаются в следующем. Приблизительно к 2020 г. должно быть завершено создание системы научных исследований космоса, базирующейся на сериях исследовательских ИСЗ. Предстоит разработать расширенную систему наблюдений за Землёй, при этом цифровая научная платформа Земли

должна быть связана с сетью национального масштаба внутри Китая. Должны быть осуществлены прорывы в технологиях, обеспечивающих долговременное жизнеобеспечение человека на космической станции, а также создан многоспектрный и многоцелевой телескоп с апертурой 2 м и соответствующей высокоскоростной передачей данных. Предстоит предварительное овладение технологиями автономной астрономической навигации. В космос должны быть отправлены большие высотные воздушные шары с нулевым давлением и стратосферные дирижабли первого поколения. К 2030 г. следует достичь важных научных результатов в области формирования завершённой системы научных исследований космического пространства для получения оригинальных данных исследований, тем самым Китай войдёт в число мировых держав с передовой космической наукой [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 86].

Всеобъемлющая система наблюдения за Землёй должна получить дальнейшее развитие, а цифровая научная платформа Земли должна быть доработана так, чтобы центр полученных данных о пространстве был связан скоростной информационной сетью с потребителями Азии. Одновременно должны быть завершены пилотируемые полёты на Луну, а на её поверхности создана лунная база. Стандарты сверхвысокой точности и временные стандарты должны достичь мирового уровня. Должна быть завершена разработка телескопа, имеющего сверхвысокую разрешающую способность с апертурой 4 м и объективом, работающем в видимом и инфракрасном диапазонах. Предстоит разработка межпланетных зондов для исследования глубокого (дальнего) космоса, осуществление межпланетных полётов, создание высокоточной системы автономной навигации, исследование планет, находящихся по ту сторону Марса. Должны быть осуществлены прорывы в технологиях для создания больших и средних воздушных шаров сверхвысокого давления. Предстоит сооружение станции для воздушных шаров в Антарктике, а также осуществление регулярных пусков ракет с целью комплексных экспериментов [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 6].

К 2050 г. предстоит осуществить прорывы в ответе на такие базовые научные проблемы как Вселенная, Солнечная система, закон о движении материи, происхождение жизни. Должны быть созданы глобальная система высокоскоростной связи, а также система раннего прогнозирования глобальных изменений и масштабных стихийных бедствий на Земле. Предстоят полёты беспилотных космических кораблей за пределы Солнечной системы в межзвёздное пространство. Должен быть создан космический телескоп с апертурой 10 м со сверхвысокой пространственной разрешающей способностью. Получит распространение сверхвысокоскоростная лазерная связь с характеристиками, превосходящими современный уровень на два порядка. В стратосфере на базе воздушных шаров высокого давления должна быть создана станция; одновременно разработаны стратосферные корабли (дирижабли) нового поколения с сетевым приложением для достижения более удобного и эффективного доступа человека в космос [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 86].

В том, что касается дорожной карты Китая по развитию морской науки и технологии, то в этих областях делается акцент, во-первых, на исследовании и освоении морских ресурсов и, во-вторых, на защите и обеспечении безопасности морской среды. Должен быть достигнут прогресс по четырём ключевым направлениям (физический океан, морская геология, морская биология, морская экология) и в развитии трёх основных технологий

(мониторинг моря, морская биология, исследование и освоение морских небиологических ресурсов) с тем, чтобы решить ряд ключевых научных проблем и овладеть некоторыми ключевыми технологиями.

К 2020 г. намечается: существенно улучшить систему морских научных исследований в акваториях китайских морей – Жёлтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского, а также в прилегающих к ним районах; установить мониторинг в трёх измерениях и цифровые системы наблюдения в прибрежных районах и в Западной части Тихого океана; овладеть технологиями использования генных ресурсов морских организмов, аквакультурой, технологиями поддержания рыбных ресурсов и устойчивого рыболовства, а также сортировки и рафинирования биоресурсов, опреснения морской воды, использования морских химических веществ; создать оборудование и технологии подводных экспедиций и глубоководной разведки на залежи нефти, газа и других ресурсов [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 85].

К 2030 г. для определения роли и функций океана в системе Земли создать систему мониторинга ключевых районов в четырёх измерениях и цифрового моделирования для проведения исследований и развития технологий разведки биоресурсов по молекулярному дизайну, предотвращения заболеваний и иммунизации; добиться прогресса в области инноваций и производства морских лекарств, выделения редких морских химических веществ; создать технологии безопасного хранения и транспортировки нефти, газа, природного гидрата и других минералов [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 86].

К 2050 г. в области развития морской науки и технологии войти в число трёх мировых держав, установить интегрированные системы морского мониторинга и динамического цифрового прогнозирования изменений экологии прибрежных районов – для модернизации морского фермерства, а также для осуществления эффективного использования содержащихся в морской воде химических веществ; достичь технической интеграции высокого уровня между безопасным для экологии окружающей среды биопроизводством и использованием генов; создать системы по производству оборудования для изучения и освоения в больших масштабах глубоководных морских ресурсов [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 87].

Система государственной и общественной безопасности. Система государственной и общественной безопасности в пространственном измерении охватывает космос, океан, биологию и информационные сети. Стратегическая цель заключается в способности овладеть и использовать в мирных целях космическое пространство, защитить морскую индустрию, обеспечить безопасность транспортировки морем, предотвратить биологические угрозы жизни людей и экологии; обеспечить безопасность информации и информационных сетей в процессе модернизации Китая и таким образом гарантировать национальные интересы, защитить государственный суверенитет и обеспечить общественную стабильность.

В том, что касается космоса, наиболее важным является: развитие возможности свободного выхода человека в космическое пространство, высокоточного позиционирования и навигации; получение, передача и использование информации; развитие новой гибкой концепции микро-спутников Земли и их формирование. Следует развивать способность транспортировки, обслуживания и технической поддержки в

космосе, овладеть технологиями высокоскоростной модуляции и демодуляции и квантового распределения ключей (квантовое распределение ключей – метод передачи ключа, который использует квантовые явления для обеспечения безопасности связи – прим. авт.). Необходимо иметь способность осуществлять лазерную коммуникацию со скоростью 1000 Мбит/с. К 2030 г. нужно овладеть ключевыми космическими технологиями, основанными на сборе солнечной энергии и её беспроводной передаче [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 89].

В том, что касается обеспечения безопасности в океане, первостепенную важность имеет развитие способности добывания (получения) и передачи информации об окружающей среде, прогнозировании стихийных бедствий, мониторинге внезапных явлений; большое значение имеет разработка цифровой платформы океана, обеспечение обороны в территориальных водах и в океанской экономической зоне Китая. К 2020 г. должен быть осуществлён прорыв в области подводных наблюдений и передачи информации с тем, чтобы создать информационные технологии интеграции информационных данных об океане с данными, полученными от системы дистанционных датчиков на ИСЗ, а также технологии наблюдения за сдвигом океана и технологии долгосрочных наблюдений за океаном. Нужно создать интеллектуализированные оборонные технологии океанского базирования, а также ключевые технологии раннего предупреждения стихийных бедствий и их мониторинга в реальном масштабе времени. К 2030 г. следует предпринять усилия для создания интеллектуализированной многофункциональной информационной системы, охватывающей каждого человека [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 90].

Касаясь вопроса о биобезопасности, следует отметить, что серьёзную угрозу жизни людей и социальной стабильности представляют периодически возникающие вспышки инфекционных болезней; вторжение их различных видов из-за рубежа может представлять немедленную или потенциальную угрозу экологической среде и оказывает негативное влияние на экономическое развитие.

Особую потенциальную опасность, как для отдельных лиц, так и для общества представляют биотерроризм и новые виды биологических агентов. Поэтому в ближайшие десятилетия стратегическое планирование должно быть сконцентрировано на разработке технологий своевременного обнаружения этих угроз, создании новых систем мониторинга появляющихся летальных инфекционных заболеваний, системы оценки, с точки зрения безопасности, применяемых зарубежных средств, новых биологических агентов, новых биотехнологий, а также на разработке новых технологий контроля, противодействия и предотвращения инфекционных заболеваний и биотерроризма. К 2020 г. необходимо достичь значительного прогресса в создании систем контроля и предотвращения возникающих инфекционных заболеваний, а также систем немедленного реагирования на угрозы здоровью общества, создать начальную сеть биологической безопасности нации, состоящую из различных региональных лабораторий по биобезопасности, образующих платформу биобезопасности; выявить возможные механизмы, лежащие в основе кросс-видов патогенов, генетической изменчивости, генерации иммунного ответа и патогенеза, разработать быстродействующие высокочувствительные технологии обнаружения патогена, новые противовирусные лекарства и вакцины, методы оценки воздействия чужеродных видов и генетически-модифицированных организмов на здоровье человека и

окружающую среду; применять новые технологии при разработке методов оценки биобезопасности. К 2030 г. необходимо создать системы раннего предупреждения актов биотерроризма и вторжения чужеродных видов организмов, установить систему оценки безопасности для расследования последствий применения новых биоагентов и новых технологий, добиться существенного продвижения в области технологий противодействия вредным чужеродным видам организмов, возникновения инфекционных болезней от агентов биотерроризма и новых биоагентов, а также – в создании национальных стратегических резервов технологий, лекарств и вакцин для лечения и профилактики заболеваний [Science & Technology in China: A Roadmap to 2050, p. 90].

В области безопасности информационных сетей в связи с непрерывным расширением масштабов их распространения и увеличения скорости передачи информации, действия отдельных лиц или небольших групп лиц, могут приводить к социальным беспорядкам или нанесению ущерба объектам общественной информационной инфраструктуры и даже к организации террористических атак, и в итоге – к деструктивному влиянию их деятельности на общество из-за гибкости и необычности методов воздействия, осуществляемых внезапно и при низких затратах. Поэтому необходимо ускорить строительство системы раннего предупреждения, анализа, мониторинга и экстренного реагирования на подобные ситуации. К 2020 г. будут разработаны коммуникационная структура и архитектура протокола, позволяющие обеспечить безопасность сетей. Кроме того, будут проведены исследования и созданы эффективные методы и технологии анализа общественного мнения и обстановки в сфере безопасности, социальных вычислений и так далее, с тем чтобы предотвратить появление вредного веб-контента; создать электронную платформу для анализа ситуации в сфере безопасности. В первую очередь будет создана система раннего предупреждения и мониторинга для формирования системы управления в экстренной ситуации, связанной с внезапными событиями, исходящими от социальных групп внутри Китая, а также для реагирования на важную зарубежную информацию, касающуюся вопросов безопасности. К 2030 г. будут осуществлены прорывы в ключевых технологиях создания интеллектуализированной сети обеспечения безопасности; создана система выявления и раннего предупреждения негативных ситуаций в обществе, системы контроля, управления и решения экономических и социальных проблем; аналогично будут созданы системы экстренного реагирования для обеспечения безопасности в финансовой, экономической и социальной сферах. Также будет создана система раннего предупреждения, мониторинга и принятия решений в экономической и социальной сферах.

* * *

Главным в китайском опыте инновационного развития для России следует признать выработанную и реализуемую на протяжении 40 лет научно-техническую политику, предусматривающую выработку долгосрочной и среднесрочной программы развития науки и техники, программы повышения качества науки и подготовки научно-технических кадров, а также повышение государственного финансирования развития науки и техники до 2,2 % ВВП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

2030 Чжунго: майсян гунтун фуой : [Китай – 2030: вперед к всеобщей зажиточности] / под ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин: Издательство Китайского Народного университета, 2011. 222 с.

Афонасьева А.В. Инновационное развитие регионов // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М.: Форум, 2013. С. 202–208.

Афонасьева А.В. Международное сотрудничество Китая в научно-технической сфере // Интеграционные процессы в науке в современных условиях. Уфа: Омега Сайнс, 2015. С. 56–62.

Афонасьева А.В. Привлечение квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 86–101.

Ло Цзе. Самое важное в ходе научно-технического развития // Китай. 2018. № 3. С. 29–31.

Лу Си. Фундаментальные исследования – основа инноваций // Китай. 2018. № 3. С. 24–25.

Островский А.В., Каменнов П.Б., Афонасьева А.В. Наука и инновации как фактор социально-экономического развития Китая // Научная и инновационная политика. Россия и Мир. 2011–2012 / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. М.: Наука, 2013. С. 413–428.

Чжунго тунцзи няньцзянь 2010 : [Китайский статистический ежегодник 2010]. Пекин, 2010. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexch.htm> (дата обращения: 01.12.2019).

Чжунго тунцзи няньцзянь 2019 : [Китайский статистический ежегодник 2019]. Пекин, 2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm> (дата обращения: 01.12.2019).

Чжунго тунцзи чжайяо 2014 : [Китайский статистический справочник 2014]. Пекин, 2014.

Чжунго тунцзи чжайяо 2018 : [Китайский статистический справочник 2018]. Пекин, 2018.

Чжунго чуаньсинь чжэнцэ яньцзю баогао : [Доклад об инновационной политике в Китае] / отв. ред. Ма Яо. Пекин, 2011.

Full text of Xi Jinping's report at the 19th CPC National Congress : [Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК] // Синьхуа. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 11.11.2019).

Science & Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences : [Наука и Техника в Китае: Дорожная карта 2050. Главный стратегический доклад Академии наук Китая] / гл. ред. Юнсян Лу. Пекин: Издательство Наука (Пекин) и Шпрингер (Берлин), 2010.

REFERENCES

2030 Zhongguo: Maixiang Gongtong Fuyu [China 2030: towards common prosperity], Hu Angang, Yan Yilong, Wei Xing (ed.), Beijing: Renmin University of China, 2011. (In Chinese).

Afonaseva A.V. (2010). Privlecheniye kvalifitsirovannykh kadrov iz chisla zarubezhnykh kitaytsev dlya raboty v KNR [On the Question of Attracting Qualified Personnel from Overseas Chinese to Work in the PRC], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 5: 86–101. (In Russian).

Afonaseva A.V. (2013). Innovatsionnoye razvitiye regionov [Innovative Development of Regions], in *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2012–2013* [People's

Republic of China: politics, economics, culture. 2012–2013]: 202–208, Moscow: Forum. (In Russian).

Afonaseva A.V. (2015). Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo Kitaya v nauchno-tekhnicheskoy sfere [China's International Cooperation in Science and Technology Sphere], in *Integratsionnyye protsessy v nauke v sovremennykh usloviyakh* [Integration Processes in Science in Modern Conditions]: 56–62. Ufa: Omega Science. (In Russian).

Full text of Xi Jinping's report at the 19th CPC National Congress, *Xinhua*, 3 November 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed: 11 November 2019). (In English).

Lu Xi (2018). Fundamental'nyye issledovaniya – osnova innovatsiy [Basic research – the foundation of innovation], *Kitay*, 3: 24–25. (In Russian).

Luo Jie (2018). Samoye vazhnoye v khode nauchno-tekhnicheskogo razvitiya [The most important thing in the course of scientific and technological development], *Kitay*, 3: 29–31. (In Russian).

Ostrovskii A.V., Kamennov P.B., Afonaseva A.V. (2013). Nauka i innovatsii kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [Science and Innovation as a Factor in China's Socio-Economic Development], in *Nauchnaya i innovatsionnaya politika. Rossiya i Mir. 2011–2012* [Science and Innovation Policy. Russia and World. 2011–2012], Ivanova N.I., Ivanov V.V. (ed.): 413–428. Moscow: Nauka. (In Russian).

Science & Technology in China: A Roadmap to 2050. Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences, Yongxiang Lu (ch. ed.), Beijing: Science Press (Beijing) and Springer (Berling), 2010. (In English).

Zhongguo chuangxin zhengce yanjiu baogao [Report on Innovation Policy in China], Ma Yao (ex. ed.), Beijing, 2011.

Zhongguo tongji nianjian 2010 [China Statistical Yearbook 2010], Beijing, 2010. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexch.htm> (accessed: 01 December 2019). (In Chinese).

Zhongguo tongji nianjian 2019 [China Statistical Yearbook 2019], Beijing, 2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm> (accessed: 01 December 2019). (In Chinese).

Zhongguo tongji zhaiyao 2014 [China Statistical Abstract 2014], Beijing, 2014. (In Chinese).

Zhongguo tongji zhaiyao 2018 [China Statistical Abstract 2018], Beijing, 2018. (In Chinese).

Для цитирования: Островский А.В., Афонасьева А.В., Каменнов П.Б. Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 6–28. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10008

For citation: Ostrovskii A.V., Afonaseva A.V., Kamennov P.B. (2019). Perspektivy razvitiya nauki, tekhniki i innovatsiy v KNR [Prospects for the development of science, technology and innovation in the PRC], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 2: 6–28. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10008

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009

Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты

А.З. Жебин

Аннотация. При обсуждении различных вопросов денуклеаризации Корейского полуострова западные политики и эксперты сосредотачиваются исключительно на поиске путей того, как вынудить КНДР отказаться от её ядерного и ракетного потенциала. Одновременно США пытаются всяческими посулами убедить КНДР перейти в американскую зону безопасности в США. Между тем в совместном заявлении лидеров США и КНДР, принятом по итогам их саммита в июне 2018 г., говорится о денуклеаризации всего полуострова, т. е. не только Северной, но и Южной Кореи. Автор предлагает своё видение именно этих и ряда других, почти не затрагиваемых экспертами, аспектов денуклеаризации Кореи.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Южная Корея, денуклеаризация, безопасность, ядерное оружие, средства доставки ОМУ.

Автор: Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-3060-2390. E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Denuclearization of the Korean Peninsula: forgotten aspects

A.Z. Zhebin

Abstract. When discussing various issues of denuclearization of the Korean Peninsula, Western politicians and experts focus exclusively on finding ways to force the DPRK to abandon its nuclear and missile capabilities. At the same time, the US is employing all the sorts of inducements to persuade the DPRK to move to the American security zone in NEA. Meanwhile, the joint statement of the leaders of the United States and North Korea, adopted at the end of their summit in June 2018 in Singapore, refers to the denuclearization of the entire Peninsula (not only North Korea, but South Korea as well). The author offers his vision of these aspects of denuclearization of Korea, almost untouched by experts.

Keywords: Korean Peninsula, South Korea, denuclearization, security, nuclear weapons, WMD delivery means.

Author: Zhebin Alexander Z., PhD (Politics), Head of the Center for Korean studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-3060-2390. E-mail: alexzheb1948@gmail.com

Introduction

One can hardly deny that the US played a major role in elevating the DPRK nuclear program to the international agenda in the early 1990s. Washington is still trying to claim the role of a representative of the entire international community in solving this problem and at the same time trying to impose its vision of the reasons for its emergence in the world, and which is more important, the ways to solve it, with little regard to opinions and proposals of other participants of the settlement.

The history of the negotiation process on the nuclear problem at the “Six-Party” format (US, China, Russia, Japan, North and South Korea), held in 2003–2008, demonstrated that the United States used the talks not so much to deal with the non-proliferation dossier, but to realize its own geopolitical interests in the region, the essence of which was maintaining the US military and political dominance in East Asia at any cost. Within this framework the US used all means available to achieve the isolation and subsequent collapse of the DPRK. Naturally, such a course could hardly win support from Russia and China.

With the advent of Barak Obama’s “pivot to Asia”, the US major efforts were shifted to “deter” China and make it pursue a policy, that fits into the framework of the US-led world order. Realizing a regime change in the DPRK and unifying the peninsula under Washington’s patronage (thus obtaining the most important bridgehead at the junction of the borders of Russia and China) remains the US ultimate goal in the region.

The approach represents a real, not declamatory US policy toward North Korea, which was epitomized by a well known expert on Korean affairs in the Bush administration Victor Cha. As early as in 2009 he left a very explicit behest to Obama’s team of newcomers in White House: “Keep an eye on the prize: remember that the ultimate prize is not denuclearization but managing an eventual “inheritance” process, where a united Korea (free and democratic) is an engine of peace and economic growth in Asia and a global partner of the US in world affairs” [Cha Victor, 2009].

With the Trump administration access to power certain adjustments were made to this policy. They were caused first of all by the unexpected success of the DPRK nuclear and missile programs, namely by the North’s acquisition of the means of delivery of nuclear weapons to the continental part of the US. Any attempts to eliminate this capability did not guarantee success and therefore were fraught with unpredictable consequences and met with strong objections on the part of the US two main allies in the region – South Korea and Japan, which could suffer most in the event of war.

As a result, the United States was forced once again to try a negotiated solution of the problem. However, the 2018–2019 dialogue (like it happened before) was designed by the US not so much to bring the complete denuclearization of the DPRK (although this goal is not officially abandoned), as to force the country’s unconditional surrender through the US-orchestrated “maximum pressure” campaign. In this atmosphere the US-DPRK negotiations have stalled over how to implement the broadly worded joint statement, approved by D. Trump and Mr. Kim in Singapore in June 2018. By the end of 2019 both sides have resumed mutual accusations sounding increasingly frustrated about negotiations.

Approaches Chosen and Forgotten

The failure of the US-DPRK working level meeting in Stockholm in October 2019 once again demonstrated how far both sides remain from each other on the essence, meaning and scope of the Korean Peninsula denuclearization.

The debate on how to solve the problem of the denuclearization – employing a step by step approach of gradual mutual concessions or concluding the so-called “big deal”, drawn by John Bolton and Mike Pompeo and proposed to Kim Jong-un by the US President Donald Trump at the summit in February 2019 in Hanoi remained at the center of rather heated discussions during 2019. Sometimes it seems that the American side is finally beginning to embrace the opinion of the majority of experts, who have pointed out that the only realistic way in the current circumstances is a gradual, phased process leading toward this goal.

To my mind the two minimum conditions for this progress are the existence of sustainable political will and building mutual trust, which can be achieved only if each party unconditionally fulfils its obligations at each of the agreed stages of denuclearization.

The lack of trust is a major reason, why a “one-time” solution is impossible. This was well understood by the participants of the Six-Party Talks back in 2005, when they agreed to implement the Joint Statement of September 19th in Beijing “in a phased manner in line with the principle of “commitment for commitment, action for action” [Text of N. Korea talks agreement, 2005].

Unfortunately, this principle was not observed later on, which ultimately led to the collapse of the Six-Party Talks. Meanwhile exactly this approach was successfully applied in the process of implementation of the so-called “Iranian deal” since 2015, until on May 8, 2015 the President D. Trump announced the US unilateral withdrawal from the agreement, approved by the UN Security Council by the way.

Thus the disputes about the methods of solution of the nuclear problem of the Korean Peninsula (KPNP), unfolded in 2018–2019 were totally pointless, especially considering the fact that the Joint Statement of September 19, 2005 was approved by all the participants of the Six-Party Talks, including the United States.

If we accept the argument of some American experts and politicians justifying the right of the new US administration to make appropriate (in its opinion) adjustments not only to the US foreign policy, but also to the international agreements, signed by the previous US administration, the conclusion of any long-term agreement with America for any country loses any sense. First of all, this applies to countries, which relations with the United States have been or remain controversial or even hostile and are characterized by a critically low level of mutual trust.

Pyongyang also cannot help but wonder what will happen to possible agreements with the US “after Trump”. The DPRK already has a disappointing experience in this regard. The relations markedly progressed under Bill Clinton and were totally reversed by George W. Bush, who included the DPRK in the so-called “axis of evil” and in Pentagon list of seven countries that could become the objects of the US preemptive nuclear strikes. G. Bush made the motto of his administration’s policy abbreviation A. B. C. (Anything But Clinton approach) – a course that denied everything that was done under B. Clinton. The motto of the incumbent host of the White House could be described by a similar formula – A. B. O., revoking everything, that was done under Obama: the TPP, NAFTA, the

agreement on climate change, the nuclear deal with Iran and etc. Even long-time allies in the military and political blocs – from the Atlantic to the Pacific – are unceremoniously pushed around.

Besides, Pyongyang cannot ignore the extremely poor record of the United States in complying with its international obligations in the field of arms control and reduction, from its unwillingness to ratify the CTBT to its withdrawal from the ABM and INF treaties, as well as its apparent unwillingness to extend the Start III Treaty with Russia, which expires in 2021.

One can expect almost with 100-percentage confidence that if the Democratic party candidate wins the presidential elections in the United States in 2020, his slogan will be A. B. T. – anything, but not what Trump has already done in foreign and domestic policy. It is unlikely that Pyongyang does not keep in mind such an option.

In addition, the Trump administration itself lacks unity on how to deal with the DPRK. The statements on this subject, made by such figures as Vice-President M. Pence and currently fired national security adviser J. Bolton indicate that they are the supporters of a much tougher course toward Pyongyang.

Thus taking into account the above far from complete list of problems, the step-by-step approach is the only realistic one.

Denuclearizing South Korea

When the denuclearization issue is raised, many experts prefer to talk mostly about solving the “North Korean nuclear problem”. Meanwhile, it is highly likely that the scope and degree of denuclearization of the DPRK will depend on reciprocal steps in this sphere in South Korea. One should keep in mind that the joint statement signed on the results of the US and DPRK leaders’ summit in June of 2018 in Singapore calls for denuclearization of not just North Korea, but of the whole Korean Peninsula.

The Russian Foreign Minister Sergey Lavrov paid special attention to this issue at a news conference, following his visit to the United States. He said that “Our US colleagues use the terms “denuclearisation of the DPRK”. This notion is imprecise and inaccurate, since all the agreements are about denuclearizing the Korean Peninsula. These are different things, as you can plainly see” [Lavrov, 2019].

Why is this question important? Firstly, the US was the first to deploy nuclear weapons on the Korean Peninsula, not to mention the fact that during the Korean War the Americans were going to use these weapons against North Korea and even China.

In 1991 President George W. Bush announced that tactical nuclear weapons had been removed from South Korea. Whether this is true or not is a big question. According to the DPRK press reports, nuclear weapons remain on the territory of the Republic of Korea. Various world media outlets reported in the 1970–80s, that there were American nuclear mines in the South near the demilitarized zone between North and South Korea in most of the tank hazardous valleys.

Secondly, South Korea hosts more than 28 000 US troops; its ports are frequently visited by US nuclear aircraft carriers and submarines, and air space – by US strategic bombers (the carriers of nuclear weapons). There are no signs that the US and the ROK are going to abandon the practice.

Recently the deployment of THAAD system was resumed in South Korea. Last week the North Korean news agency reported that the US stockpiled 2,74 million of depleted uranium shells in South Korea [KCNA, 2019].

In addition, South Korea has 25 nuclear reactors operating at atomic power plants. Seoul is seeking to obtain the right to reprocess US fuel for its reactors.

How would the denuclearization of the entire Korean Peninsula be ensured if this practice continues on the part of the United States and South Korea? Given these circumstances, even in the case of complete elimination of all nuclear programs in the DPRK, it would be hardly possible to recognize the Korean Peninsula as having been completely denuclearized.

Therefore, it is important how the denuclearization process will proceed and be monitored not only in North Korea, but also in South Korea. If the organization of intrusive inspections at nuclear facilities in the DPRK is envisaged, it is highly likely that the North Korean side would also like to know what is happening in the South to make sure, that there are no nuclear weapons there, including at US military bases.

It is worth noting that this issue has already been discussed during the events that led to the first nuclear crisis in Korea in 1992–1994. Then the US side agreed that inspections should be carried out in South Korea. How this issue will be dealt currently is a big question that will certainly arise in due time.

Unhappy experience of the 1990s makes the author suspect that it is unlikely to obtain North Korea's consent to access to those underground facilities that are not related to its nuclear and missile programs. This will inevitably raise doubts as to whether all the facilities used for these programs have been declared by the DPRK.

Another topic of future negotiations will be, in my opinion, the problem of curtailing the DPRK missile program. The ban, imposed by the UN Security Council in June of 2009 on any launches “using ballistic technologies”, actually prohibits North Korea not only from launching satellites, but also in general from having missiles, that makes it virtually defenseless in the contemporary world.

Adopting relevant resolutions, the UNSC (for some reasons) ignored the fact that in March 2009 North Korea informed about its accession to the International Space Treaty of 1966 (from March 6, 2009) and the Convention on Registration of Objects Launched into Outer Space of 1974 (from March 10, 2009) [RIA-Novosti, 2009].

Those, who are at least a little versed in North Korean politics and psychology of the leadership of this country, understood that such an approach would certainly be rejected in Pyongyang as the “apogee of double standards” and as another attempt of “big countries” (in different historical periods directing the Koreans how to live) to re-establish over the DPRK something similar to trusteeship. The DPRK has never recognized these limitations and is not going to do so in the future. The stance was reconfirmed by the representative of the DPRK Foreign Ministry on August 6, 2019 [Spokesperson for DPRK Foreign Ministry, 2019].

Under such circumstances, given the constant rivalry between Pyongyang and Seoul and their unwillingness to yield to each other, the missile programs of North and South Korea should have approximately the same limitations, for which it is advisable to consider the DPRK accession to the international missile technology control regime (MTCR).

D. Trump's reaction to the North Korean recent missile launches testified that the US actually gave tacit consent to the DPRK possession of middle and short-range missiles in exchange for

Pyongyang's promise to refrain from testing of ICBM and nuclear weapons [North Korea Fires More Ballistic Missiles, 2019].

As for Japan's concerns in this regard, they look, to put it mildly, unconvincing: why Tokyo can launch spy satellites, that are constantly hanging over the territory of the DPRK, while the North Koreans are totally forbidden to have missiles?

Among major reasons for North Korea to develop nuclear weapons is constantly increasing the gap in terms of conventional armaments between this country on one side, and the US and the ROK on the other. As recent North Korean statements made it clear, Pyongyang will highly likely link his denuclearization steps to limitations on deployment of conventional "offensive military hardware" in the ROK.

"Corresponding Measures"

The DPRK indicated that it will move down the road of denuclearization only if the US takes certain "corresponding measures" in two main spheres – security and sanctions.

A major step in security sphere could be the signing of a document officially proclaiming the end of the Korean War. The main concern of the American side is how the adoption of such a document will impact the presence of US troops in South Korea and generally in East Asia.

Some US experts are even afraid that "President Donald Trump, as he did when he decided to deal directly with Kim, will go for a bold and unconventional move to break the impasse: a proposal to pull US forces out of South Korea in exchange for North Korea's final, complete and verifiable denuclearization. Such a last-gasp attempt to keep diplomacy alive may seem attractive to the impulsive and mercurial Trump, but it would inevitably confront a myriad of daunting negotiating, diplomatic, political and technical problems that would likely strangle the idea in its crib" [Depetris D., 2019].

The opinions of some experts, that at the initial stage of the denuclearization process the North Koreans may be satisfied with the opening of liaison offices, the removal of restrictions on human exchanges and activities of international and humanitarian organizations to provide humanitarian assistance to the DPRK seem to be not very convincing.

The content of "corresponding measures" in the economic field was presented by the DPRK Foreign Minister Lee Yong-ho at a press conference immediately after the unsuccessful conclusion of Hanoi summit. According to him, North Korea insisted on removing of a number of provisions in 5 of 11 UNSC resolutions, that have a negative impact on the economy and people's lives in North Korea. Moreover, at the Hanoi summit the DPRK was ready to be satisfied with this partial lifting of sanctions, given that it would be difficult for the US to take "corresponding steps" in a political or military sphere [Rossiiskaya gazeta, 2019].

Generally, the emphasis made on economic benefits, including lifting of certain sanctions, which the DPRK will get in case it will take visible steps toward denuclearization, seems ill-founded and disregarding past experience of dealing with the country. Moreover, such an approach leads us away from the essence of the problem. For Pyongyang economic gains are not a decisive argument. Soon after the start of the Six-Party Talks, Seoul offered deliveries of the electricity to Pyongyang, equally produced by those two Light Water Reactors (LWR), not constructed by KEDO. The North Koreans have not agreed. The fate of the Agreed Framework and the Leap Day Deal speak in favor of the conclusion.

Paying attention to economic aspects of settlement, nevertheless it is necessary to remember that the nuclear problem was caused, first of all, by the security crisis on the Korean Peninsula. Economic factors matter, too, but security considerations were certainly at the forefront for the DPRK.

For the DPRK, especially after Yugoslavia, Iraq and especially Libya, security is a top priority. Pyongyang is trying to normalize relations with the US, because through achieving the goal it hopes if not to get guarantees of the survival, but at least to reduce the external threat and create conditions, under which it will be much more difficult for the US to use force against the DPRK. Economic inducements and lifting of sanctions are viewed in Pyongyang first of all not as economic benefits but as a proof that the US is serious about abandoning “hostile policy” and building “new relations” with the DPRK.

Meanwhile some people in the US are inclined to put off such normalization after the DPRK satisfies American demands concerning human rights, reduction of conventional armaments, liquidation of stocks of the chemical and bacteriological weapon, export of narcotics and fake dollars. In view of such US position, the negotiations from the DPRK point of view are losing any sense because even full satisfaction of the US demands on non-proliferation issues would not allow Pyongyang to achieve a main objective for the sake of which North Korea has agreed to participate in the talks – normalization of relations with the United States.

Trump’s “Grand Design” for the Korean Peninsula

Some US “think tanks” and scholars were looking for a rather long time for ways and means to radically strengthen the US position in Northeast Asia through the formation of a new system of peace maintenance there, which would allow the US to retain its military presence in the region.

American political scientists and “think tanks” are competing to invent any excuses in order to find reasons for maintaining the US military contingent in the south of the Korean Peninsula in the event of normalization of relations between the two Korean states. Peter Hayes, director of the Nautilus Institute, makes reference to analytical paper compiled in August 2019 by a group of well-known US scholars who believe that “US Forces Korea may shift from being a solely partisan deterrent force in Korea to becoming a pivot deterrent, one that provides reassurance to both Koreas that neither will attack the other and that facilitates communication, cooperation, and collaboration between UNC, UNC allies, and the two Korean military forces to reconfigure their respective forces, and to employ them in constructive ways to support peacemaking and the formation of trust between political and military commanders, rather than preparing for war” [Hayes, 2019].

Recently some American experts explore a possibility of including the DPRK along with the ROK in the US-led future security system, embracing both North and South Korea in case Pyongyang accepts the American script of denuclearization. It would allow the US to establish its control over a unique in a strategic value region of NEA, which is located on a joint of borders of Russia and China. It is assumed that in this situation, the US will act as a guarantor of the security of the entire Korean Peninsula (not only South, but North Korea as well) [McKinney, 2018].

The calculation is that although the DPRK and the PRC have recently improved bilateral relations, Pyongyang nevertheless allegedly perceives China’s rise as “potentially threatening to its own foreign policy autonomy and political independence” [Sokolsky R., Depetris D., 2018].

Consequently, American experts conclude that North Korea may be more receptive to the idea of US-proposed alignment of forces in the region.

According to these calculations, among the tasks of the future “trilateral partnership in the field of security” will be: first, “preventing Chinese domination over the Korean Peninsula” to “allow North and South Korea to determine their own future, either separately or together”; secondly, “managing and defusing the broader Chinese strategic threat to the Asia-Pacific region”, and thirdly, to make Japan feel more comfortable in an environment of inter-Korean détente in order to prevent the resurgence of nationalism and militarism in that country [McKinney, 2018].

As it became quite clear, Trump’s Korean policy “grand design” includes applying “maximum pressure” to the DPRK in order to isolate and weaken the country as much as possible, and then offer to Pyongyang “security guarantees”, adding “prosperity” as a carrot according to Trump’s “receipt”. Perhaps in the hope of winning in this great geopolitical combination there is hidden a secret of such an uncharacteristic for D. Trump complaisance, which he has demonstrated toward the DPRK and its leader even after failure of the summit in Hanoi.

However, the DPRK-China summits on the eve of all top-level talks with the U.S. and South Korea testified that Pyongyang, though not averse to play such games with Washington, is not going to put all eggs into a single basket. While praising Trump, the North Koreans hardly failed to notice the U.S. recent actions concerning events in Venezuela. Pyongyang has enough ground to suspect that the advanced technologies of changing “rogue regimes”, tested in Venezuela, will be used not only in Latin America.

Conclusion

Recent resumption of personal attacks from North Korea’s top diplomats against D. Trump for his calling the DPRK leader Kim Jong-un a ‘Rocket Man’ testified, that the North Koreans harbor no illusions about the US true intentions [First Vice-Foreign Minister of DPRK, 2019].

Pyongyang is also seemingly losing patience with Washington over US obvious unpreparedness to make more concessions by the end of December, 2019, that the North Korean leader Kim Jong-un demanded in April of 2019 [North Korea Threatens, 2019].

At the moment there is quite a delicate balance on the peninsula – the US is trying to “drag” the DPRK into its sphere of influence, promising security assurances and economic prosperity, but China is doing its best under current circumstances to retain North Korea as a friendly buffer state against the US forward-deployed forces in East Asia. Meanwhile, Pyongyang is skillfully using this “draw situation” to further advance its nuclear and missile programs.

Bismarck once noted, that politics is the art of the possible. And to be effective, it must take into account existing realities. The stark reality in the Korean case is that during the last 13 years (since North Korea’s first nuclear test in 2006) the country became de-facto (and according to its constitution – de-jury) a nuclear-missile power. To demand to realize a complete dismantlement of all its nuclear and missile programs from such a country without any meaningful reciprocal steps, satisfying its security and other concerns and after that only to “allow” the country to revive the peaceful components of those programs “from a scratch” looks attractive from propaganda point of view, but politically unrealistic.

The pragmatic approach today (while not abandoning denuclearization as a final goal) is initially to freeze and restrict and later to downsize and eliminate the most destabilizing military

components of North Korea's nuclear and missile programs. As early as in 2017 Susan Rice, the US former national security adviser from 2013 to 2017, called for tolerance and deterrence as major elements of a new policy toward nuclear-armed North Korea [Rice S. 2017]. Today it is crystal clear that any further progress in denuclearizing North Korea could be achieved simultaneously with relevant progress in addressing the DPRK and other regional players' security concerns.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Пхеньян опроверг слова Трампа о причинах провала саммита в Ханое // Российская газета. 01.03.2019. URL: <https://rg.ru/2019/03/01/phenian-oproverg-slova-trampa-o-prichinah-provala-sammita-v-hanoe.html> (дата обращения: 07.12.2019).

КНДР информировала Россию о присоединении к космическим договорам // РИА-Новости. 12.03.2009. URL: <https://ria.ru/politics/20090312/164552456.html> (дата обращения: 08.12.2019).

Cha, Victor. U.S.-Korea Relations: Obama's Korea Inheritance // *Comparative Connections*. October-December 2009. URL: <http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance/> (дата обращения: 09.12.2019).

Depetris D. Troops for Nukes: Should the US Trade Its Forces in South Korea for North Korean Denuclearization? // 38NORTH. 21 November 2019. URL: http://www.jpi.or.kr/eng/regular/policy_view.sky?code=EnOther&id=5365 (дата обращения: 07.12.2019).

First Vice-Foreign Minister of DPRK Choe Son Hui Makes Statement // KCNA. 5 December 2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf> (дата обращения: 10.12.2019).

Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference following his visit to the US, Washington, December 10, 2019 // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 11.12.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3945562?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (дата обращения: 10.12.2019).

Hayes P. Comprehensive Peace and Security Zone in Korea and Northeast Asia // JPI Peacenet: 2019-21, 6 August 2019. URL: http://www.jpi.or.kr/eng/regular/policy_view.sky?code=EnOther&id=5365 (дата обращения: 07.12.2019).

KCNA Commentary on S. Korean Submission to U.S. // KCNA. 29 October 2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf> (дата обращения: 31.10.2019).

McKinney, William. Korea at a Crossroads: Time for a US-ROK-DPRK Strategic Realignment // 38NORTH. 17 September 2018. URL: <https://www.38north.org/2018/09/wmckinne091718> (дата обращения: 08.12.2019).

Morton Halperin, Peter Hayes, Thomas Pickering, Leon Sigal, Philip Yun. From enemies to security partners: pathways to denuclearization in Korea // NAPSNet Policy Forum. 6 July, 2018. URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-policy-forum/from-enemies-to-security-partners-pathways-to-denuclearization-in-korea/> (дата обращения: 07.12.2019).

North Korea Fires More Ballistic Missiles Ahead of U.S.-South Korea Military Drill // The New York Times. 5 August, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/north-korea-missile-launch.html> (дата обращения: 08.12.2019).

North Korea Threatens New 'Dotard' Insults if Trump Revives Name-Calling // The New York Times. 5 December 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/05/world/asia/north-korea-trump-dotard.html> (дата обращения: 08.12.2019).

Rice S. It's Not Too Late on North Korea // The New York Times. 10 August 2017. URL: <https://mobile.nytimes.com/2017/08/10/opinion/susan-rice-trump-north-korea.html> (дата обращения: 07.12.2019).

Spokesperson for DPRK Foreign Ministry Blames UNSC Closed-Door Meeting // KCNA. 2 August 2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf;jsessionid=3B472FA5311C26DDC0845BD98CD00692#this> (дата обращения: 07.12.2019).

Text of N. Korea talks agreement // CNN. September 19, 2005. URL: <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/asiapcf/09/19/korea.north.text/> (дата обращения: 14.07.2019).

REFERENCES

Cha, Victor. (2009). U.S.-Korea Relations: Obama's Korea Inheritance, *Comparative Connections*, October-December 2009. URL: <http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance/> (accessed: 9 December 2019).

Depetris D. (2019). Troops for Nukes: Should the US Trade Its Forces in South Korea for North Korean Denuclearization? *38NORTH*, 21 November 2019. URL: http://www.jpi.or.kr/eng/regular/policy_view.sky?code=EnOther&id=5365 (accessed: 7 December 2019).

First Vice-Foreign Minister of DPRK Choe Son Hui Makes Statement, *KCNA*, 5 December 2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf> (accessed: 10 December 2019).

Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference following his visit to the US, Washington, December 10, 2019, *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, 11 December 2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3945562?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB (accessed: 11 December 2019).

Hayes P. (2019). Comprehensive Peace and Security Zone in Korea and Northeast Asia, *JPI Peacenet*: 2019-21, 6 August 2019. URL: http://www.jpi.or.kr/eng/regular/policy_view.sky?code=EnOther&id=5365 (accessed: 7 December 2019).

KCNA Commentary on S. Korean Submission to U.S., *KCNA*, 29 October 2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf> (accessed: 31 October 2019).

KNDR informirovala Rossii o prisoedinenii k kosmicheskim dogovoram [DPRK informed Russia on accession to space treaties], *RIA-Novosti*, 12 March 2009. URL: <https://ria.ru/politics/20090312/164552456.html> (accessed: 8 December 2019). (In Russian).

McKinney, William. (2018). Korea at a Crossroads: Time for a US-ROK-DPRK Strategic Realignment, *38NORTH*, 17 September 2018. URL: <https://www.38north.org/2018/09/wmckinney091718> (accessed: 8 December 2019).

Morton Halperin, Peter Hayes, Thomas Pickering, Leon Sigal, Philip Yun. (2018). From enemies to security partners: pathways to denuclearization in Korea, *NAPSNet Policy Forum*, 6 July 2018. URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-policy-forum/from-enemies-to-security-partners-pathways-to-denuclearization-in-korea/> (accessed: 7 December 2019).

North Korea Fires More Ballistic Missiles Ahead of U.S.-South Korea Military Drill, *The New York Times*, 5 August 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/north-korea-missile-launch.html> (accessed: 8 December 2019).

North Korea Threatens New ‘Dotard’ Insults if Trump Revives Name-Calling, *The New York Times*, 5 December 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/05/world/asia/north-korea-trump-dotard.html> (accessed: 8 December 2019).

Pheng’yang oproverg slova Trampa o prichinah provala sammita v Hanoie [Pyongyang denied Trump's words about the reasons for the failure of the summit in Hanoi], *Rossiiskaya gazeta*, 1 March 2019. URL: <https://rg.ru/2019/03/01/phenian-oproverg-slova-trampa-o-prichinah-provala-sammita-v-hanoie.html> (accessed: 7 December 2019). (In Russian).

Rice S. (2017). It’s Not Too Late on North Korea, *The New York Times*, 10 August 2017. URL: <https://mobile.nytimes.com/2017/08/10/opinion/susan-rice-trump-north-korea.html> (accessed: 7 December 2019).

Spokesperson for DPRK Foreign Ministry Blames UNSC Closed-Door Meeting, *KCNA*, 2 August 2019. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf;jsessionid=3B472FA5311C26DDC0845BD98CD00692#this> (accessed: 7 December 2019).

Text of N. Korea talks agreement, *CNN*, September 19, 2005. URL: <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/asiapcf/09/19/korea.north.text/> (accessed: 14 July 2019).

Для цитирования: Жебин А.З. Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 29–39. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009

For citation: Zhebin A.Z. (2019). Denuklearizaciya Korejskogo poluostrova: zabytye aspekty [Denuclearization of the Korean Peninsula: forgotten aspects], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 2: 29–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10010

Международное энергетическое сотрудничество в регионе Восточной Азии: проблемы и перспективы

К.А. Корнеев

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития механизмов международного энергетического сотрудничества (МЭС) в Восточной Азии с учётом специфики региона, выраженной в сложном характере межгосударственных контактов и невысоких темпах достижения соглашений о реализации совместных проектов. Тем не менее наблюдается процесс поэтапного формирования общих энергетических рынков, что влечёт за собой появление новых механизмов МЭС, которые могут и должны быть применимы как для крупных игроков (Китай, Япония), так и для стран с меньшими возможностями (Республика Корея, Тайвань). Страны Восточной Азии сталкиваются с необходимостью выстраивания прозрачной и эффективной системы международных отношений в энергетике на уровне правительств, энергетических компаний, организации совместных НИОКР и проведения научно-практических мероприятий.

Ключевые слова: Восточная Азия, международное энергетическое сотрудничество, энергетическая политика, общие энергетические рынки.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: k_korneev@mail.ru

International energy cooperation in East Asian region: problems and perspectives

К.А. Korneev

Abstract. The article discusses the problems of international energy cooperation (IEC) mechanisms development in East Asia, taking into account the specific features of the region, expressed in the complex nature of interstate contacts and low rates of reaching agreements on the implementation of joint projects. Nevertheless, there is a process of gradual formation of common energy markets, which leads to the emergence of new IEC mechanisms that can and should be applicable both for large players (China, Japan) and for countries with less opportunities (Republic of Korea, Taiwan). East Asian countries now encounter the necessity to build a transparent and effective system of international relations in the energy sector at the level of governments, energy companies, and the organization of joint R&D groups, including other scientific and practical activities.

Keywords: East Asian region, international energy cooperation, energy policy, common energy markets.

Author: Korneev Konstantin A., Senior Researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: k_korneev@mail.ru

Введение

Международное энергетическое сотрудничество в Восточной Азии – тема, достаточно хорошо представленная в трудах как отечественных, так и зарубежных учёных. Среди российских исследовательских организаций, внёсших немалый вклад в раскрытие этого направления, можно выделить Институт систем энергетики СО РАН (г. Иркутск), Институт проблем нефти и газа РАН (г. Москва), Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск), Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). Среди иностранных организаций преобладают, естественно, научно-исследовательские институты из стран Восточной Азии. Наиболее значимые в этом списке – Институт экономики энергетики Японии, Институт экономических исследований стран Северо-Восточной Азии (Япония), Институт экономики энергетики Республики Корея, Научно-исследовательский институт электроэнергетики КНР и ряд других.

Основной акцент в работах, выполняемых на базе перечисленных выше организаций, делается на технико-экономическом обосновании проектов создания общих электроэнергетических рынков (например, «Азиатское суперкольцо» и «Гобитек») и газотранспортной инфраструктуры в регионе Восточной Азии. Такой подход обусловлен, прежде всего, практической значимостью предлагаемых проектов для национальных экономик. В настоящей статье будет представлена более широкая классификация и оценка механизмов международного энергетического сотрудничества в регионе Восточной Азии. Также будут выделены основные формы МЭС и рассмотрены перспективы дальнейшего развития этого сотрудничества с учётом экономических и политических рисков.

В связи со стремительными изменениями в области технологий, структуре национальных и международных энергетических рынков, роста социальной и политической значимости энергетики комплексный анализ МЭС выглядит актуальным и своевременным. Представленный в данной статье пример такого анализа может быть полезен для широкого круга специалистов по различным аспектам международного сотрудничества в экономике и энергетике. Методология оценки международного энергетического сотрудничества основывается на анализе его механизмов и принципов, которые включают в себя, например, создание энергетической инфраструктуры, внедрение единых форм правового регулирования отношений, совместные научно-исследовательские работы.

Важным критерием для определения жизнеспособности проектов МЭС является политическая гибкость участников, характеризующаяся наличием таких механизмов управления процессом, которые позволяют своевременно и адекватно реагировать на изменения внутренних и внешних условий. Успех МЭС маловероятен без должного уровня поддержки со стороны высшего руководства стран-участниц, наличия соответствующих ресурсов и развитой системы координации текущей деятельности (иными словами, системы сдержек и противовесов, позволяющих избегать открытого давления влиятельных и крупных участников на остальных) [Van de Graaf T., Sovacool B., 2014].

Восточная Азия в текущий момент является драйвером мирового экономического роста и останется таковой в перспективе. Поэтому для стран региона не теряет актуальности вопрос выработки общего видения долгосрочного развития энергетики, поскольку традиционные задачи обеспечения энергетической безопасности и эффективного использования энергоресурсов дополняются возрастающей необходимостью защиты окружающей

среды с помощью внедрения новых энергетических технологий, разработка которых каждой страной по отдельности требует значительных интеллектуальных и финансовых вложений.

Также необходимо отметить, что сегодня на повестке дня стоит расширение контактов с государствами Восточной Азии как следствие курса правительства России на диверсификацию экономических связей. Страны региона обладают развитыми экономиками, являются предсказуемыми и стабильными партнёрами. Кроме того, интенсификация сотрудничества с Китаем, Японией и Республикой Корея в значительной мере способствует развитию восточных областей России, обладающих внушительными природными богатствами и неосвоенными территориями.

Современное состояние МЭС в регионе Восточной Азии

Следует подчеркнуть, что задача получения окончательной, качественной либо количественной, оценки эффективности МЭС в регионе Восточной Азии в рамках проводимого исследования не ставится. Проблема заключается даже не в том, что такой подход в значительной мере субъективен. Обстоятельства реализации и цели, закладываемые в каждый конкретный проект МЭС его потенциальными участниками, настолько разнообразны, что оценка в однозначных терминах «успех/неудача» не позволяет понять всю ценность уроков, предоставленных анализом теоретического и практического опыта МЭС.

Несмотря на привлекательность такого однозначного суждения, важнее добиться понимания взаимодействия различных элементов МЭС и внешних факторов, которые складываются не только из экономических предпосылок, но вытекают также из общей геополитической ситуации. К сожалению, современное состояние международного сотрудничества в регионе Восточной Азии в области энергетики сложно назвать удовлетворительным. Страны Восточной Азии придерживаются различных подходов к вопросам развития национальных и международных энергетических рынков, что затрудняет достижение взаимовыгодных договорённостей. Однако с конца 1990-х гг., с опорой на аналогичный опыт стран ЕС и НАФТА, а также с учётом собственной специфики, постепенно формировались следующие механизмы МЭС:

1. Создание межгосударственных структур, целью которых являются НИОКР в области текущих проблем энергетики. В качестве примера можно привести Международный форум газопроводов Северо-Восточной Азии (Northeast Asian Gas and Pipeline Forum, NAGPF), организованный в середине 1990-х гг. при деятельном участии научно-исследовательских институтов России, Китая, Японии, Монголии, Республики Корея. Цель Форума – проведение совместных НИР и подготовка общих рекомендаций по развитию газотранспортной инфраструктуры в регионе для правительств и международных организаций [NAGPF, 2019].

2. Создание межправительственных организаций с целью координации усилий при строительстве объектов энергетической инфраструктуры и, в перспективе, совместного управления общими энергетическими рынками. Наиболее успешный пример – Проект газопровода «Транс-АСЕАН» (Trans-ASEAN Gas Pipeline, TAGP). Цель проекта – обеспечение безопасности поставок природного газа в регионе АСЕАН путём интеграции существующих национальных систем газоснабжения в единую региональную газотранспортную сеть. К 2016 г. в рамках TAGP было построено 13 нитей трубопроводов общей длиной 3631 км, и запланировано дальнейшее расширение этой сети с включением

в неё не только географически близкого Китая, но и Республики Корея, а также, при появлении технологических и инвестиционных возможностей, Японии и Тайваня [Shi Xunpeng, 2016].

3. Оценка рисков и барьеров на пути энергетической кооперации в регионе. Такая оценка обеспечивается НИИ всех стран Восточной Азии, однако приоритет отдаётся всё-таки национальным рынкам. Тем не менее экспертное сообщество признаёт международное энергетическое сотрудничество в Восточной Азии перспективным направлением. В качестве ключевых факторов потенциального успеха выделяется необходимость введения единых энергетических стандартов наряду с преодолением политических противоречий, которые остаются серьёзным барьером на пути сотрудничества.

Необходимо отметить, что основным двигателем МЭС по-прежнему являются национальные правительства и другие государственные структуры, обладающие соответствующими полномочиями (характер и уровень которых, впрочем, может различаться от страны к стране), финансовыми и административными ресурсами. Для вовлечения в процесс новых участников, допустим, частных энергетических компаний, необходимо оценивать, насколько прогнозируемые затраты и ожидаемые результаты с точки зрения госструктур соответствуют позициям бизнеса [Попов С.П., 2013].

Совместная работа национальных правительств и частных компаний является хорошим подспорьем для развития механизмов МЭС. Можно использовать преимущества каждого участника, но в то же время не приходится ожидать, что выгоды будут одинаковыми для всех. Это означает, что предлагаемые правительствами проекты сотрудничества должны учитывать интересы энергетического бизнеса, которые далеко не всегда совпадают с интересами органов власти. Госструктуры, помимо получения прибыли и выхода на новые рынки, рассчитывают ещё и на получение нерыночных, например, имиджевых эффектов от энергетического сотрудничества.

В таком случае предполагается, что бизнес выделит необходимые ресурсы в обмен на получение возможности для расширения деловой активности. С другой стороны, энергетический бизнес будет рассчитывать на правительственную поддержку, если предлагаемые им международные проекты развития энергетической инфраструктуры не ведут к быстрому возврату инвестиций, однако находятся в сфере государственных интересов [Aalto P., 2014]. Таким образом, разные способы получения выгоды от проектов МЭС будут проблемой до тех пор, пока сами участники процесса не выработают приемлемые пути её решения.

Основные принципы МЭС в регионе Восточной Азии

Как показывает практика, восточноазиатская политическая культура подразумевает большое количество риторики в выступлениях официальных лиц, поэтому далеко не все анонсированные проекты доходят до стадии реализации. Нельзя сказать, что это какая-то особая черта стран Восточной Азии, однако там она выражена достаточно ярко и проявляет себя постоянно. Так что механизмы международного энергетического сотрудничества могут быть эффективно задействованы только при полном (или хотя бы частичном) сложении нижеследующих факторов.

1. Наличие нескольких участников процесса энергетического сотрудничества. Ключевые роли в МЭС играют национальные правительства и бизнес, связанный с отраслями

энергетики, но есть и другие важные участники. Взаимодействие всех участников между собой формирует среду, необходимую для успешной реализации направлений сотрудничества. К дополнительным участникам могут быть отнесены организации, проводящие НИОКР в области энергетических технологий, средства массовой информации, а также различные некоммерческие структуры, занимающиеся смежными проблемами, например, экологией или развитием комфортной городской среды. Не стоит недооценивать роль, которую играют дополнительные участники. Они обладают рычагами воздействия на общественное мнение в отношении того или иного энергетического проекта, и при определённых обстоятельствах могут воспрепятствовать его осуществлению [Povor S. etc., 2018].

Межгосударственные инфраструктурные проекты в области энергетики достаточно трудоёмки, поэтому наиболее показательны при демонстрации взаимодействия всех участников МЭС. Рассмотренные выше в качестве примеров Проект газопровода «Транс-АСЕАН» (TAGP) и Международный форум газопроводов Северо-Восточной Азии (NAGPF) подтверждают это своей деятельностью. Сотрудничество по TAGP основывается преимущественно на политических позициях региональных правительств и практической заинтересованности бизнеса, однако хорошо продуманная стратегия взаимодействия со СМИ и НКО экологической направленности во многом создала положительный информационный фон вокруг этой структуры [Shi Xunpeng, 2016].

Появление NAGPF, с другой стороны, вызвано интересами энергетического бизнеса, который видит потенциал общего газового рынка в регионе Восточной Азии. Большие запасы природного газа имеются в Восточной Сибири и странах Средней Азии, а центры потребления располагаются в Китае, Японии и Республике Корея. Особых технических проблем с созданием межгосударственной сети трубопроводов нет, остаётся решить проблему привлечения инвестиций и снизить политические риски. Основой деятельности NAGPF является НИОКР, при минимальной поддержке со стороны правительств и энергетических компаний, поэтому научно-исследовательские центры из России, Японии, Китая, Монголии и Республики Корея сотрудничают на равных основаниях. Это формирует устойчивую тенденцию на углубление международной кооперации в научной и экспертной среде, что, в конечном итоге, станет основой для многосторонних переговоров по развитию газовых рынков в СВА [Kazuhiko O'Hashi, 2010].

2. Количественные и качественные изменения в процессе энергетического сотрудничества. Международное сотрудничество в области энергетики – сложный организм, одинаково подверженный взлётам и падениям. Например, процесс может приостановиться, если механизмы достижения целей оказываются неэффективными, или конечные цели сотрудничества перестают соответствовать изменившимся условиям. Чтобы запустить механизмы снова, необходима достаточная политическая воля, которая может касаться не только правового регулирования, но также изменения состава и числа участников МЭС. Если гаранты сотрудничества – национальные правительства – заинтересованы в подобных изменениях, процесс может возобновиться в новых условиях и привести к новым результатам. Если же нет, со временем он может окончательно превратиться в существующий только на бумаге фантом.

Таким образом, эволюция механизмов МЭС происходит как в результате воздействия внешних факторов, так и в случае возникновения внутренних проблем. В любое время

участники МЭС могут столкнуться с подобными обстоятельствами, хотя и в разной степени. Для изменения или уточнения целей сотрудничества иногда недостаточно обычных процедур принятия решений на правительственном уровне. Разветвлённые международные организации, например, Договор энергетической Хартии (ДЭХ) могут использовать специальные возможности, заложенные при создании, которые позволяют в рабочих условиях пересматривать и модернизировать механизмы сотрудничества с последующим обсуждением результатов такого пересмотра на различных конференциях и семинарах [Попов С.П., 2013].

Эти встроенные принципы адаптации к меняющимся условиям важны для устойчивости МЭС, особенно в условиях региона Восточной Азии, где отсутствует общее экономическое пространство наподобие того, что сформировано в рамках ЕС. Периодическая оценка работоспособности действующих механизмов должна составлять неотъемлемую часть МЭС, и участники процесса должны обладать действительными возможностями по продвижению этих изменений на высшем уровне.

3. Успех международного энергетического сотрудничества зависит от эффективности управления его механизмами. Для этого необходимо наличие трёх элементов: вовлечённость представителей органов власти; наличие соответствующего финансирования; эффективная координация работы внутри организации. Недостаток любого из этих трёх элементов может привести к замедлению развития МЭС. Другими словами, оно переходит в такую стадию, которая продолжается неопределённо долго на минимально возможном уровне активности, и для поддержания своего существования не требует ощутимых затрат. Позднее, при изменении внешних обстоятельств или возникновении необходимости, сотрудничество может быть легко восстановлено [Porov S. etc, 2018].

Вовлечение представителей органов власти означает прямое участие правительства (или бизнес-структур с преобладанием госкапитала) и способствует эффективной работе механизмов МЭС. Наличие заинтересованного лидера может помочь в преодолении периодов стагнации, стимулируя участников к более решительным действиям по достижению поставленных целей.

Достаточное обеспечение финансовыми ресурсами также следует из причастности представителей госструктур к процессу МЭС. В странах Восточной Азии это особенно важно, поскольку системы неформальных связей между различными группами влияния исторически достаточно сильны. Одобрение и поддержка влиятельных людей зачастую играют решающую роль в запуске механизмов МЭС и обеспечении их необходимым политическим весом.

Однако для получения необходимых ресурсов любой совместный проект в области энергетики уже в начале своего жизненного цикла должен доказать уникальность целей и механизмов их достижения, обеспечить подробную оценку ожидаемого положительного результата. Более того, для появления устойчивого интереса к проекту требуется эффективная координация между национальными и международными уровнями участия, а также чёткое понимание прав и обязанностей всех участников МЭС, выраженное в совместных декларациях и прочих официальных документах [Aalto P., 2014].

Перспективы МЭС в регионе Восточной Азии

Международное энергетическое сотрудничество является сравнительно новым способом взаимодействия для стран Восточной Азии. Тем не менее уже в течение двух десятилетий с момента окончания азиатского финансового кризиса 1998 г. наблюдается

устойчивый интерес к созданию общих энергетических рынков. Заключаются многосторонние соглашения, совершенствуются способы и методы кооперации. Вместе с тем некоторые области энергетики больше подходят для организации сотрудничества, чем другие.

Например, поскольку потребность в использовании мирного атома будет возрастать, активное международное сотрудничество выглядит особенно полезным для развития ядерной энергетики. Следует, тем не менее, отметить, что недавний лидер в освоении и применении ядерных технологий – Япония – в настоящий момент ведёт политику окончательного отказа от эксплуатации АЭС. Причины общеизвестны – последствия аварии на АЭС «Фукусима-1» и неспособность правительства Абэ изменить негативное общественное мнение в пользу атомной генерации [Tatsujiro Suzuki, 2019]. Судя по всему, страна со временем утратит технологическое лидерство в этой сфере. Также хороший потенциал имеет идея создания совместно контролируемого международного режима в области инвестиций в энергоснабжение по всей его цепочке, от добычи первичных энергоресурсов и до их доставки конечному потребителю.

Необходимо подчеркнуть, что зачастую перспективы МЭС в регионе Восточной Азии оцениваются не слишком оптимистично из-за неразвитости институтов (законодательно-правовая база, контрактная система и т. д.) и недостаточной проработки механизмов сотрудничества. Частично такое происходит вследствие попыток совместить крупный масштаб решаемой энергетической проблемы с ограниченными возможностями тех механизмов, которые в настоящее время доступны участникам процесса сотрудничества. Дополнительные сложности кроются и в противоречии негласных правил международных рынков с национальным законодательством отдельных стран [Aalto P., 2014].

В результате некоторые проекты международного энергетического сотрудничества в регионе Восточной Азии, примеры которых приведены выше, достигают хороших результатов, но имеют ограниченное влияние, а их механизмы проблематично использовать применительно к более широкому кругу участников. Это подтверждается активным ростом количества «мягких» способов сотрудничества, таких как повышение квалификации сотрудников и обмен информацией в рамках круглых столов, семинаров и конференций, при недостатке «твёрдых», например, разработки и внедрения унифицированной законодательно-правовой базы, заключения долгосрочных контрактов по обмену энергетическими технологиями и т. п.

Одним из примеров устойчивой международной кооперации в регионе Восточной Азии может служить Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), созданное в 1989 г. В состав этой организации входит 21 государство, включая все страны Восточной Азии. В экономиках-участницах АТЭС проживает около 40 % мирового населения, на них приходится приблизительно 54 % ВВП и 44 % мировой торговли. АТЭС не имеет устава и жёсткой организационной структуры, однако способствует установлению общего правового поля, которое стимулирует развитие международных рынков и органически дополняется соответствующим законодательством на национальном уровне [АРЕС, 2017]. Возможно, такой формат взаимодействия окажется наиболее подходящим для стран Восточной Азии и позволит в будущем упрочить старые и сформировать новые механизмы МЭС.

Заключение

Следует понимать, что имеется множество способов решения конкретных проблем энергоснабжения и энергосбережения помимо механизмов международного энергетического сотрудничества. Для тех областей энергетики, где есть потенциал эффективного использования таких механизмов, может потребоваться целенаправленное создание специального благоприятствующего правового режима, о внедрении которого в настоящее время в странах Восточной Азии речи не идёт. Например, экономики, достигшие больших успехов в решении проблем энергоснабжения и энергосбережения (преимущественно Япония и Республика Корея), не слишком стремятся делиться своими знаниями и технологиями в этой сфере, что продиктовано, в первую очередь, соображениями внутренней энергетической безопасности.

Также в ближайшей перспективе вряд ли возможно равноправное участие государств региона в каких-либо проектах МЭС. Страны-лидеры, такие как Китай и Япония, принадлежат к разным геополитическим системам, ориентируются на разные социально-экономические стандарты. В плане Китая сейчас уже можно говорить о том, что он сам является геополитической доминантой и проводит достаточно напористую политику не только в акватории Южно-Китайского моря, но и на Корейском полуострове, периодически пересекаясь со сферой интересов Японии, что вызывает понятное недовольство в Токио. Несмотря на общий ресурсодефицитный характер экономик стран Восточной Азии, все они значительно отличаются по структуре энергетических рынков и принципам управления ими, поэтому их взаимная интеграция в процессе МЭС возможна лишь в ограниченном масштабе, в рамках специально подготовленных инициатив.

Недоверие друг к другу присутствует не только на правительственном, но и на бытовом уровне, проистекая из довольно сложной исторической подоплёки взаимоотношений между государствами региона. Целесообразность взаимовыгодного сотрудничества в экономике и энергетике зачастую ставится под сомнение в угоду текущим внутривнутриполитическим проблемам, для разрешения которых образ исторического «недоброжелателя» подходит больше, чем образ хорошего соседа. Возможно, со временем страны Восточной Азии преодолеют противоречия и станут уделять больше времени и средств проектам международного энергетического сотрудничества, ставя во главу угла долгосрочные экономические интересы. Определённые предпосылки для этого всё-таки имеются.

Что касается возможностей для России как экономического и политического партнёра стран Восточной Азии, то тут многое будет зависеть от взвешенного понимания российским руководством процессов, происходящих в регионе. Однозначный выбор приоритетов и союзников сейчас, скорее всего, не приведёт к ожидаемым выгодам в долгосрочной перспективе, поскольку структура и принципы отношений между странами региона могут существенно измениться через 10–15 лет. Несомненно, стоит развивать сотрудничество в высокотехнологичных отраслях, не останавливаясь преимущественно на торговле природными ресурсами. В противном случае влияние России на формирование экономической и энергетической повестки (с точки зрения продвижения собственных интересов) в восточноазиатском регионе будет минимальным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Попов С.П. Институт международного многостороннего сотрудничества в энергетике: практика АТЭС // Энергетическая политика. 2013. № 3. С. 60–70.

Aalto P. Energy market integration and regional institutions in East Asia // *Energy Policy*. 2014. Vol. 74. P. 91–100. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.08.021

APEC Economic Policy Report: Structural Reform and Human Capital Development. Singapore: APEC secretariat. November 2017. 75 p.

Kazuhiko O’Hashi. Activities to Realize Regional Energy and Environmental Security by Northeast Asian Gas & Pipeline Forum (NAGPF) // The Third Japan-Russia Energy and Environment Dialogue. 13.05.2010, Khabarovsk. URL: <https://www.erina.or.jp/wp-content/uploads/2014/10/ohashi.pdf> (дата обращения: 08.11.2019).

Korneev K., Maksakova D., Popov S. Institutional Issues of International Power Grid Development in Northeast Asia // E3S Web of Conferences, January 2018. 10th International Conference “Asian Energy Cooperation”. Irkutsk, 2017. V. 27. DOI: 10.1051/e3sconf/20182701002

NAGPF official web site materials. URL: <http://nagpf.info/> (дата обращения: 11.11.2019).

Shi Xunpeng. ASEAN Power Grid, Trans-ASEAN Gas Pipeline and ASEAN Economic Community: Vision, Plan and the Reality // Shanghai Institute for International Studies. 01.01.2016. URL: <http://www.siis.org.cn/En/Research/1719> (дата обращения: 12.11.2019).

Tatsujiro Suzuki. Nuclear Energy Policy after the Fukushima Nuclear Accident: an Analysis of “Polarized Debate” in Japan // IntechOpen. 06.02.2019. URL: <https://www.intechopen.com/online-first/nuclear-energy-policy-after-the-fukushima-nuclear-accident-an-analysis-of-polarized-debate-in-japan> (дата обращения: 13.11.2019).

Van de Graaf T., Sovacool B. Thinking big: politics, progress and security in the management of Asian and European energy megaprojects // *Energy Policy*. 2014. Vol. 74. P. 16–27. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.06.027

REFERENCES

Aalto P. (2014). Energy market integration and regional institutions in East Asia, *Energy Policy*, Vol. 74: 91–100. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.08.021

APEC Economic Policy Report: Structural Reform and Human Capital Development (2017). Singapore: APEC secretariat.

Kazuhiko O’Hashi. (2010). Activities to Realize Regional Energy and Environmental Security by Northeast Asian Gas & Pipeline Forum (NAGPF). URL: <https://www.erina.or.jp/wp-content/uploads/2014/10/ohashi.pdf> (accessed: 8 November 2019).

Korneev K., Maksakova D., Popov S. (2018). Institutional Issues of International Power Grid Development in Northeast Asia, *E3S Web of Conferences*, 11 January. DOI: 10.1051/e3sconf/20182701002

NAGPF official web site materials. URL: <http://nagpf.info/> (accessed: 11 November 2019).

Popov S. (2013). Institut mezhdunarodnogo mnogostoronnego sotrudnichestva v energetike [Institute for international multilateral cooperation in energy: APEC practice], *Energeticheskaya politika*, No. 3: 60–70. (In Russian).

Shi Xunpeng (2016). ASEAN Power Grid, Trans-ASEAN Gas Pipeline and ASEAN Economic Community: Vision, Plan and the Reality. URL: <http://www.siis.org.cn/En/Research/1719> (accessed: 12 November 2019).

Tatsujiro Suzuki (2019). Nuclear Energy Policy after the Fukushima Nuclear Accident: an Analysis of “Polarized Debate” in Japan. URL: <https://www.intechopen.com/online-first/nuclear-energy-policy-after-the-fukushima-nuclear-accident-an-analysis-of-polarized-debate-in-japan> (accessed: 13 November 2019).

Van de Graaf T., Sovacool B. (2014). Thinking big: politics, progress and security in the management of Asian and European energy megaprojects, *Energy Policy*, Vol. 74: 16–27.

Для цитирования: Корнеев К.А. Международное энергетическое сотрудничество в регионе Восточной Азии: проблемы и перспективы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 40–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10010

For citation: Korneev K.A. (2019). Mezhdunarodnoe energeticheskoe sotrudnichestvo v regione Vostochnoj Azii: problemy i perspektivy [International energy cooperation in East Asian region: problems and perspectives], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2019, 2: 40–49. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10010

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10011

Председательство Японии в «Группе двадцати»: достижения и решения*

А.А. Игнатов

Аннотация. В 2019 г. в Осаке прошёл саммит «Группы двадцати». Основными темами для обсуждения стали содействие инновационному развитию; выполнение обязательств в сфере экологической политики; обеспечение стабильного инклюзивного роста; развитие человеческого потенциала с использованием достижений в сфере ИКТ; повышение качества инфраструктурных инвестиций; построение инклюзивного общества. Японское председательство продемонстрировало высокий уровень отражения национальных приоритетов развития в итоговых документах, а также обеспечило преемственность повестки предыдущих саммитов. Председательство Японии отличается существенной долей функции «принятие решений» в итоговых документах, а также большим количеством согласованных решений, что говорит о востребованности выдвинутых приоритетов и готовности стран «двадцатки» к сотрудничеству. Ожидается, что представленные в ходе председательства инициативы и принятые решения будут успешно реализовываться в рамках последующих председательств.

Ключевые слова: Япония, «Группа двадцати», глобальное управление.

Автор: Игнатов Александр Александрович, младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) РАНХиГС. ORCID: 0000-0001-6740-4454; E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Japan's Presidency in G20: achievements and decisions*

A.A. Ignatov

Abstract. On 28–29 June 2019 the G20 summit took place in Osaka. The main topics for discussion included fostering innovations, implementation of decisions on ecological issues, stable and inclusive growth & employment, promotion of human capital by means of state-of-art technologies, quality investments and building of inclusive society. Japan's presidency demonstrated a high level of representation of national interests and secured succession with achievements of previous presidencies. The analysis on distribution of

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Мониторинг и оценка уровня исполнения обязательств, принятых лидерами на саммитах «Группы двадцати» и БРИКС 2018 года» (2019 г.).

* The study was carried out within the framework of the research work of the state task of the RANEPА «Monitoring and assessment of compliance with commitments, adopted by the leaders at the G20 and BRICS summits in 2018» (2019).

global governance functions shows that Japan's presidency is characterized by a plentitude of concrete decisions, that demonstrates readiness of G20 to work collaboratively. It is expected that approved decisions and initiatives would be actively promoted during next presidencies.

Keywords: Japan, G20, global governance.

Author: Ignatov Alexander A., Associate research fellow, Center for International Institutions Research (CIIR) RANEPА. ORCID: 0000-0001-6740-4454; E-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

Япония является активным участником процесса принятия решений по различным международным вопросам. Статус одной из крупнейших экономик мира обеспечивает Японии членство в одном из важнейших институтов глобального управления – «Группе двадцати». Изначально сфокусированная на финансовых вопросах повестка обсуждения на площадке «Группы двадцати» претерпевает постоянные изменения, отражая наиболее важные тренды мирового развития – влияние цифровой экономики на экономический рост и рынок труда; инклюзивное и устойчивое развитие; новые вызовы безопасности и др. Ведущую роль в формировании повестки «двадцатки» играет страна-председатель, которая меняется по принципу ежегодной ротации согласно введённым в 2003 г. страновым группам [Kharas, Lombardi, 2012]. Таким образом, в повестку «Группы двадцати» наряду с общемировыми вопросами включаются приоритеты и интересы развития принимающей страны.

В 2019 г. Япония впервые стала страной-председателем «Группы двадцати». Саммит «двадцатки» прошёл в Осаке с 28 по 29 июня [G20 Japan 2019]. Встрече лидеров предшествовали встречи на уровне профильных министров [Японское председательство 2019].

Успешность председательства той или иной страны в институте глобального управления определяется с учётом таких факторов, как отражение национальных приоритетов развития страны-председателя в повестке института; поддержание преемственности повестки предыдущих председательств; содержание принятых решений с точки зрения обеспечения баланса интересов стран-партнёров [Игнатов, 2019, с. 90; Ларионова, 2012, с. 8]. Принимаемые документы анализируются с точки зрения распределения функций глобального управления («обсуждение», «принятие решений», «определение направлений деятельности», «выполнение решений») и упоминания основных тем по количеству использованных символов в текстах документов. Высокая доля функции «принятие решений» и «определение направлений деятельности» наряду с высокой представленностью приоритетов председательства в итоговых документах говорит о востребованности повестки и создаёт опору для дальнейшего сотрудничества.

Настоящая статья посвящена оценке результатов председательства Японии в «Группе двадцати» с учётом указанных выше параметров. В первом разделе исследуются ключевые особенности экономики Японии, которые определяют характер продвигаемой страной повестки в рамках «Группы двадцати». Второй раздел статьи посвящён анализу принятых в ходе министерских встреч и саммита в Осаке решений. В заключении представлены выводы относительно успешности японского председательства в «двадцатке» согласно указанным параметрам.

Ключевые особенности японской экономики

Япония занимает одно из ведущих мест в современной глобальной экономике, удерживая позицию в первой пятёрке стран по уровню ВВП, уступая только США, Китаю и Индии. Несмотря на значительный размер экономики, темпы экономического роста Японии в течение последних десятилетий остаются сравнительно низкими в силу наличия нескольких сдерживающих факторов: долгосрочное влияние «финансового пузыря» начала 1990-х гг., замедление темпов роста на зарубежных рынках, снижение потребительского спроса из-за повышения ставки налога на потребление [Pars, 2018, с. 433–434], дефляция национальной валюты и значительный объём государственного долга [Орусова, 2018, с. 431], растущий дефицит по внешнеторговым расчётам [Шевченко, 2017, с. 146].

Ряд препятствий для роста создаёт демографическая ситуация в Японии. Ожидается, что в ближайшие десятилетия средний возраст населения страны продолжит увеличиваться, что приведёт к росту нагрузки на бюджет, уменьшению количества доступной рабочей силы и налоговых поступлений [Орусова, 2018, с. 431].

С учётом данных факторов, ожидания в отношении долгосрочных перспектив развития японской экономики носят сдержанный характер. Аналитики PwC выдвинули прогноз, согласно которому показатель роста экономики Японии не превысит отметки в 1–2 % в год. На этом фоне возрастают негативные ожидания в отношении инвестиционной привлекательности страны – прогнозируется снижение притока иностранных инвестиций [The Long View].

Японская экономика обладает рядом преимуществ, среди которых обычно выделяют высокие показатели внедрения цифровых технологий в национальное хозяйство, высокий показатель индекса человеческого развития, низкий уровень тарифных ограничений (диаграмма 1), устойчивое финансовое положение [S&P raises Japan's...].

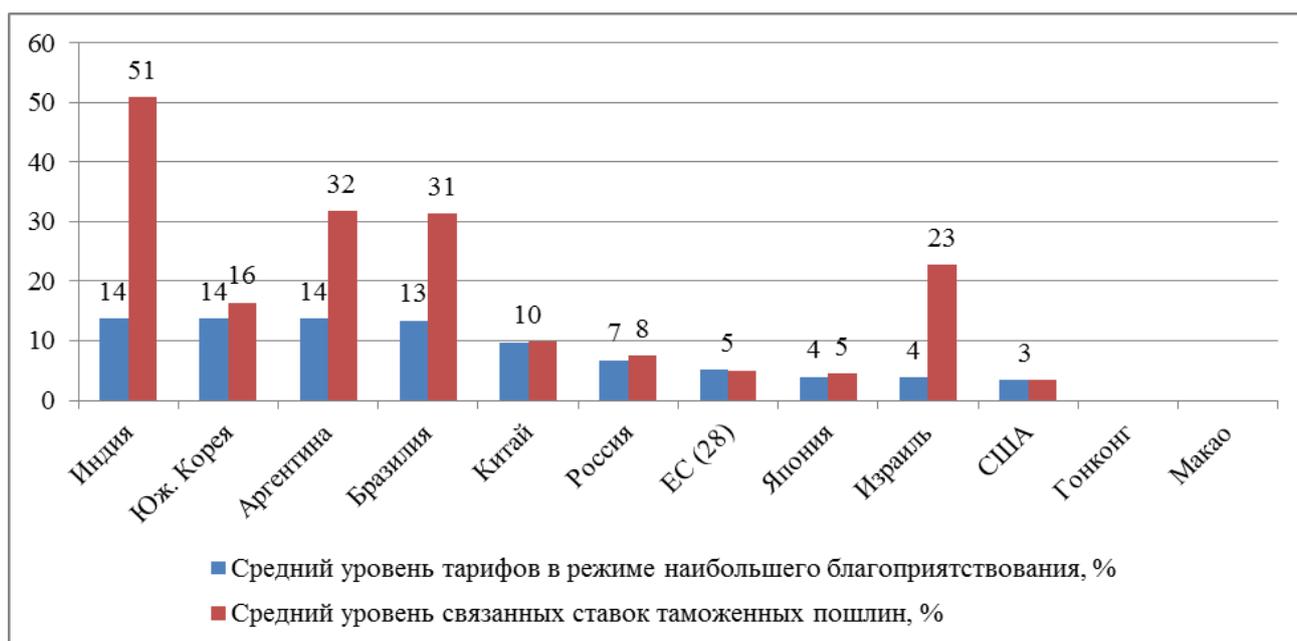

Диаграмма 1. Средние текущие показатели тарифных ограничений.

Источник: составлено автором по данным Всемирной торговой организации (ВТО).

Япония демонстрирует один из самых высоких в мире показателей «цифровизации» экономики согласно методологии ОЭСР (диаграмма 2). Исходя из результатов анализа данных, собранных и представленных ОЭСР, следует, что в Японии созданы условия, позволяющие максимизировать ожидаемые выгоды от цифрового развития.

Описанные риски и преимущества японской экономики находят своё выражение в стратегических документах, закрепляющих долгосрочные приоритеты развития Японии. Основным документом Японии в сфере долгосрочного развития является «Стратегия восстановления Японии» (Japan Revitalization Strategy), принятая в 2012 г. и актуальная по настоящий момент с учётом серии правок и дополнений [Japan Revitalization Strategy]. Авторы стратегии основываются на том, что эффективное стимулирование экономического роста японской экономики возможно при условии преодоления дефляции, увеличения бюджетных расходов на инфраструктурные и научные проекты. Особое внимание в рамках Стратегии уделяется вопросам экологической политики с точки зрения соблюдения принципов устойчивого роста, а также преодолению долгосрочных последствий землетрясения 2011 г. «Абэномика» хорошо показала себя на ранних этапах реализации, позволив разогнать инфляцию до целевых значений (2 % в год), ускорить промышленный рост и создать новые рабочие места, однако после впечатляющих итогов 2013–2014 гг. поступательный рост замедлился. Правительство Абэ Синдзо решило искать источники долгосрочного роста в развитии человеческого потенциала и использовании достижений т. н. «четвёртой промышленной революции» [Орусова, 2018, с. 432–433]. Одновременно с этим был взят курс на трансформацию трудовой политики, выраженный, например, в постепенном отказе от системы пожизненного найма в интересах повышения эффективности управления трудовыми ресурсами и вовлечения на рынок труда женщин, молодежи и людей пенсионного возраста [Тимонина, 2014, с. 92]

В контексте анализа приоритетов Японии, нельзя не упомянуть о роли и стратегии Японии в качестве международного донора. Активное вовлечение Японии в международную сеть содействия развитию может быть объяснено особенностями внешнеполитических приоритетов страны. Действующая Стратегия национальной безопасности Японии [Japan's Security Policy] рассматривает содействие международному развитию в качестве одной из мер по поддержке мира и безопасности в интересах региональной и межрегиональной стабильности. Политика Японии по поддержке международного развития направлена на развитие здравоохранения, борьбу с последствиями природных катастроф, укрепление гендерного равенства [Игнатов, Михневич и др., 2019, с. 170]. Необходимо отметить, что японский бизнес также принимает неформальное участие в реализации названных приоритетов международного развития на базе принципов корпоративной социальной ответственности [Тимонина, 2019, с. 185].

Таким образом, приоритетами японского руководства являются развитие человеческих ресурсов в связке с возможностями, которые открывает совершенствование цифровых технологий для смягчения последствий экономических и социальных трансформаций. То, каким образом данный тезис трансформируется в решения, принятые по итогам министерских встреч и саммита в Осаке, будет рассмотрено в следующем разделе настоящей работы.

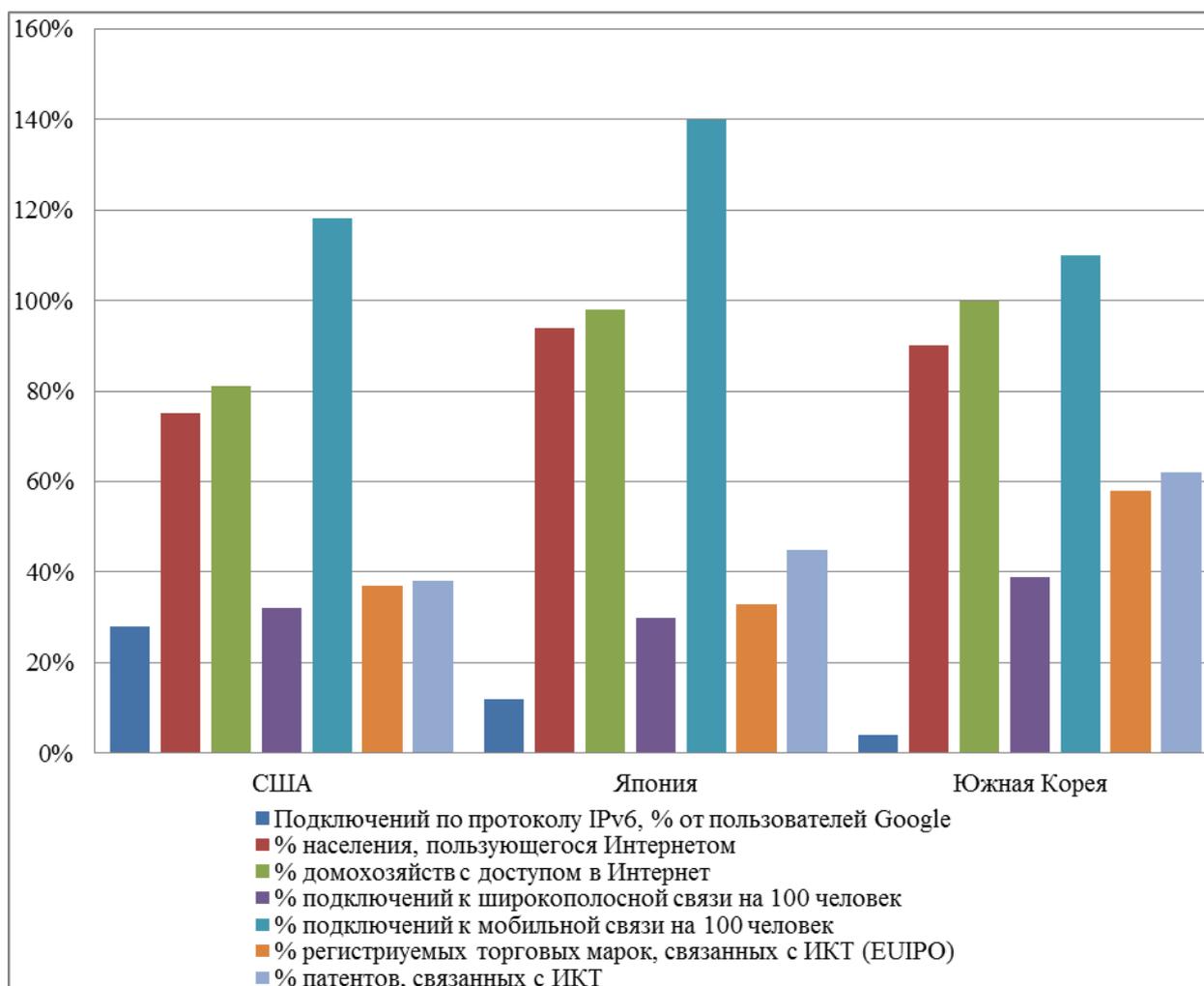

Диаграмма 2. Сравнительные показатели внедрения цифровых технологий в ряде стран ОЭСР (Япония, Республика Корея) и США.

Источник: составлено автором на базе документа [OECD, 2018].

Министерские встречи и саммит «Группы двадцати» в Осаке: ключевые решения

Японское председательство в «Группе двадцати» официально стартовало 1 января 2019 г. после окончания периода председательства Аргентины. Список приоритетов первого председательства Японии в «Группе двадцати» включает семь направлений: содействие свободной торговле; развитие инклюзивного общества на базе возможностей, создаваемых научно-техническим прогрессом, в интересах всех граждан; развитие инфраструктуры для международного развития; экономический рост и роль здравоохранения в его поддержании; адаптация к изменению климата; смягчение негативных экономических последствий старения населения; а также имплементация Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. [Japan's Priority...]. Заявленные приоритеты определили характер обсуждения и содержание итоговых документов, принятых министрами и лидерами стран «Группы двадцати».

Повестка председательства Японии в отношении вопросов международной торговли продемонстрировала преемственность с прошлыми председательствами. Одним из основных вопросов для обсуждения на встрече министров торговли в Цукубе стало продвижение реформы ВТО, в пользу которой министры и лидеры «двадцатки» высказываются в течение

многих лет. В итоговой декларации встречи министры стран «Группы двадцати» также подтвердили своё стремление создать «открытую, справедливую, недискриминационную, прозрачную, стабильную и прогнозируемую систему для торговли и инвестиций» [G20 Ministerial Statement on...]. Реформа Организации, а также соблюдение принципов свободы международной торговли вошли в список решений (обязательств¹), закреплённых в Осакской декларации лидеров стран «Группы двадцати» [G20 Osaka Leaders' Declaration].

Влияние цифровизации на экономику и общество в рамках японского председательства обсуждалось преимущественно в ходе встречи министров цифровой экономики в Цукубе. Министры приняли совместную Декларацию, в которой были обозначены приоритеты обеспечения свободного обмена информацией, развития технологий искусственного интеллекта, внедрения цифровых инноваций в работу государственных органов и др. [G20 Ministerial Statement on...].

Приоритеты «Группы двадцати» в вопросах развития искусственного интеллекта (ИИ) в интересах человека были зафиксированы в Приложении к Декларации министров цифровой экономики и торговли [G20 AI Principles]. Развитие данных технологий должно отвечать критериям содействия устойчивому развитию и снижения неравенства, должно согласовываться с принципами верховенства права, правами человека и демократическими ценностями, недискриминационности и безопасности личной информации и частной жизни. Министры также призвали государственные органы содействовать привлечению частных инвестиций в узкоспециализированные и междисциплинарные исследования для преодоления социальных, правовых, этических и политических проблем, связанных с внедрением технологий ИИ.

Ряд важных решений в цифровой сфере был принят на саммите в Осаке. Лидеры «двадцатки» согласовали совместное заявление о борьбе с использованием Интернета для осуществления экстремистской и террористической деятельности, в которой была отмечена высокая важность международного сотрудничества в решении вопросов, связанных с управлением Интернетом [G20 Osaka Leaders' Statement on Prevention...]. На саммите была также принята краткая Декларация по вопросам цифровой экономики, ключевым пунктом которой стал запуск «Осацкого трека» для содействия прогрессу в рамках переговоров на платформе ВТО по вопросам электронной торговли [Osaka Declaration...].

Вопросы качественного развития инфраструктуры традиционно входят в «ядро» повестки «Группы двадцати». Наиболее содержательное обсуждение проходило на уровне министров финансов и глав центральных банков, которые в течение рассматриваемого периода провели три встречи (одну из них – на уровне заместителей министров). По итогам основной встречи в данном формате в Фукуоке были представлены Принципы «Группы двадцати» по инвестициям в качественную инфраструктуру [Principles for Quality...]: инфраструктурные проекты ещё на стадии разработки должны учитывать экологическое и социальное воздействие, оказываемое в ходе их реализации, содействовать устойчивому росту, учитывать возможные природные и иные риски.

Вопросы повышения устойчивости инфраструктуры к природным рискам обсуждались на встрече министров окружающей среды в Каруидзаве. Министры одобрили принятие

¹ Подробнее о методологии выявления и оценки уровня исполнения обязательств неформальных институтов глобального управления см. [Kirton et al., 2016].

Программы действий по адаптации и устойчивой инфраструктуре [G20 Action Agenda on Adaptation...], ставшей результатом работы Рабочей группы по климатической устойчивости, инициированной в ходе председательства Германии в 2017 г. Программа опирается на применение комплексного, экосистемного подхода к стратегическому планированию для целей адаптации, снижения риска природных катастроф и устойчивого развития.

Проблематика здравоохранения в рамках японского председательства рассматривалась с точки зрения влияния политики в области общественного здоровья на экономический рост и перехода данного понятия в разряд глобальных общественных благ. На встрече министров финансов и глав центральных банков стран «Группы двадцати» в Фукуоке был представлен документ «Общее понимание “Группы двадцати” важности универсального охвата медициной в развивающихся странах» [G20 Shared Understanding on the Importance...]. Министры и главы ЦБ «двадцатки» выдвинули ряд рекомендаций для расширения охвата населения услугами здравоохранения, среди которых: активное содействие привлечению ресурсов частного сектора; снижение издержек финансирования здравоохранения; принятие мер для повышения готовности систем различного уровня для противодействия пандемическим угрозам и т. п.

Тематика адаптации к последствиям изменения климата получила всестороннее развитие во время японского председательства, что выражается, прежде всего, в доле дискурса, посвящённого данной тематике, которая достигла 50 % (диаграмма 3). Программа действий в сфере климатической политики обсуждалась на встрече министров энергетики и окружающей среды в Каруидзаве. Министры представили Инновационный план действий «Группы двадцати» по переходу к устойчивой энергетике и сохранению окружающей среды для устойчивого роста [G20 Karuizawa Innovation Action Plan...]. Согласно Плану, приоритетными направлениями являются наращивание многостороннего обмена опытом и технологиями; привлечение инвестиций в проекты из области развития; улучшение качества деловой среды для распространения инновационных технологий.

На саммите в Осаке данный аспект рассматривался преимущественно в контексте выполнения условий Парижского соглашения по климату и сложностей, вызванных желанием США выйти из состава стран-участников соглашения. В итоге обсуждения лидеры «Группы двадцати» приняли обязательство о выполнении поставленных целей по снижению выбросов парниковых газов [G20 Osaka Leaders' Declaration].

Как было определено ранее, тематика экономических последствий старения населения является актуальной для Японии. Наиболее полно вопросы, связанные со старением населения, обсуждались на уровне министров финансов и глав ЦБ «двадцатки». Министры представили Приоритеты «Группы двадцати» в отношении старения населения и финансовой включенности [G20 Fukuoka Policy...], которые направлены на повышение уровня финансовой и цифровой грамотности пожилых людей, обеспечения их беспрепятственным доступом к потребительским услугам, защитой от мошенников и т. п.

Содействие реализации Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. также вошло в список приоритетов японского председательства. В ходе встречи министров энергетики и окружающей среды в Каруидзаве был представлен Рамочный документ о реализации действий по борьбе с морским пластиковым мусором, который включает рекомендуемые направления добровольных действий стран «двадцатки» по реализации Плана действий «Группы двадцати» по морскому мусору 2017 г. [G20 Action Plan on Marine Litter].

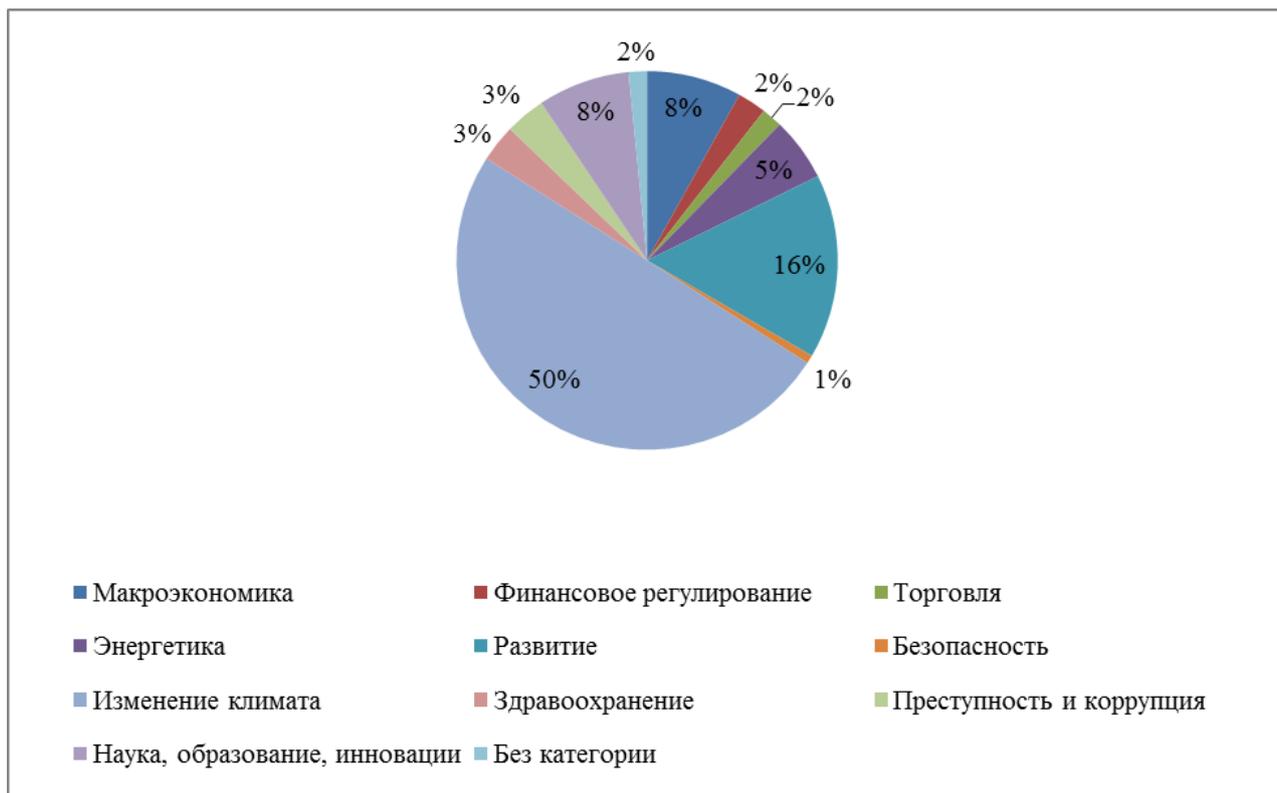

Диаграмма 3. Доли отдельных вопросов в текстах документов, принятых в ходе председательства Японии в «Группе двадцати», % от общего количества символов.
 Источник: составлено автором на базе исследований ЦИМИ.

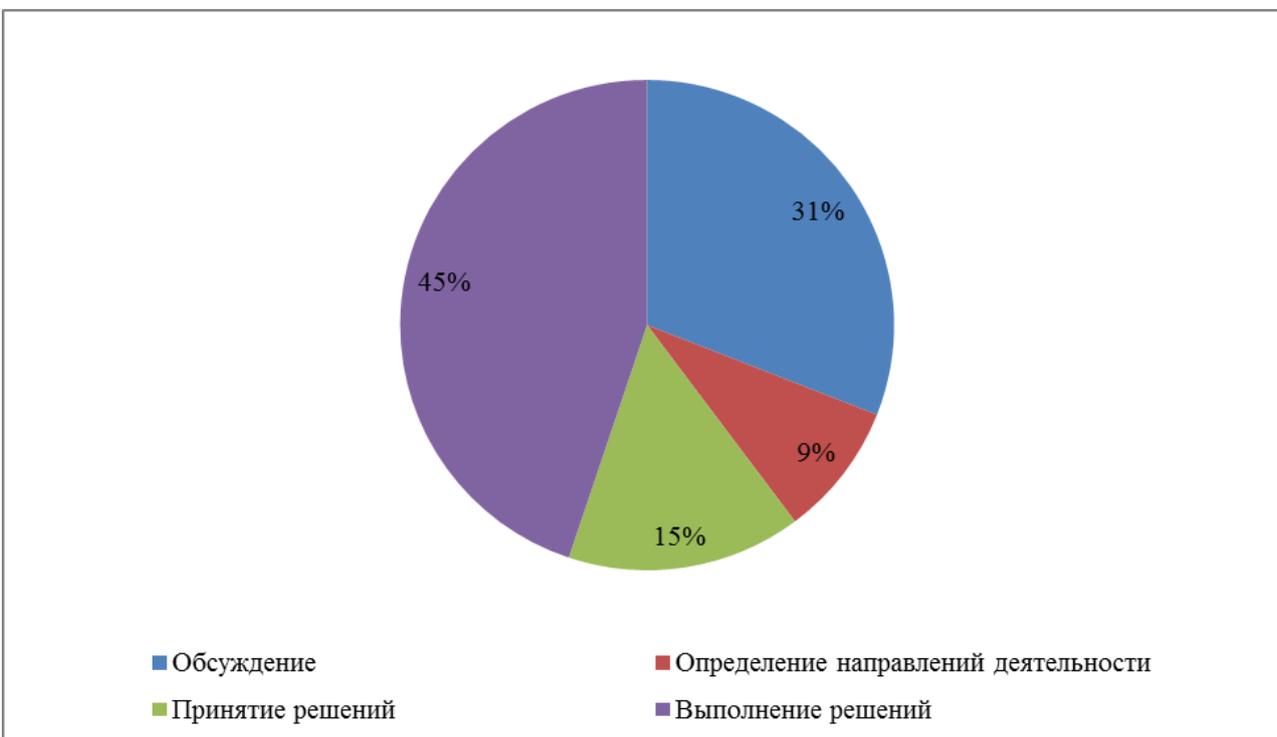

Диаграмма 4. Доли функций глобального управления в текстах документов, принятых в ходе председательства Японии в «Группе двадцати», % от общего количества символов.
 Источник: составлено автором на базе исследований ЦИМИ.

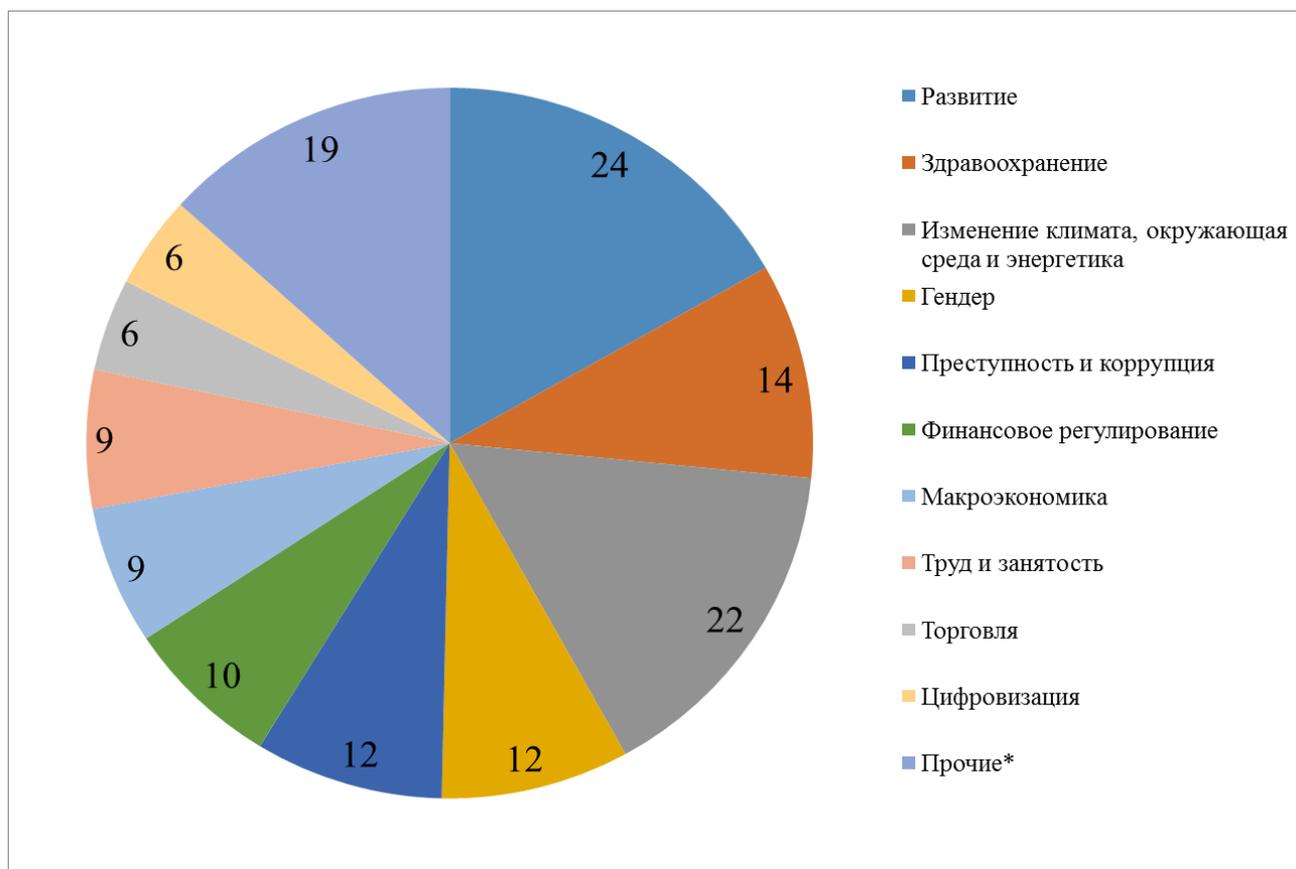

Диаграмма 5. Распределение обязательств «Группы двадцати», принятых на саммите в Осаке, по сферам.

*) терроризм; права человека; реформа международных финансовых институтов (МФИ); продовольствие и сельское хозяйство; инфраструктура.

Источник: составлено автором на базе исследований ЦИМИ.

Необходимо отметить несколько моментов относительно особенностей показателей упоминаний отдельных вопросов в текстах принятых документов японского председательства. Как уже было сказано ранее, наиболее востребованной стала тематика изменения климата, экологической политики и энергетика, доля которых суммарно составила 55 % от суммы символов всех рассмотренных документов, что значительно превосходит показатели прошлых председательств. Значительная доля дискурса (16 %) была отведена вопросам развития, что приблизительно равно среднему показателю предыдущих саммитов. Относительно низкие для «двадцатки» показатели пришлось на долю вопросов экономического развития (8 %), финансового регулирования (2 %) и торговли (2 %). Низкая заинтересованность «двадцатки» в принятии решений в сфере торговой политики обусловлена ростом протекционизма и отсутствием реального прогресса в реформировании ВТО. Относительно низкая доля вопросов макроэкономической политики объясняется смещением приоритетов глобальной повестки с достижения конкретных показателей роста на соблюдение принципов устойчивого развития. Низкий показатель доли вопросов финансового регулирования в дискурсе отражает всё более очевидную склонность «двадцатки» делегировать решение данных вопросов специализированным институтам (Базельский комитет по финансовому надзору, Совет финансовой стабильности и др.) [Ларионова, Колмар, 2018].

«Группа двадцати» добилась значительных результатов в деле согласования конкретных решений. Хотя доля функции «принятие решений» составила не более 15 % (диаграмма 4), всего по итогам председательства Японии были согласованы 143 конкретных обязательства², что является значимым достижением с учётом непродолжительного периода подготовки мероприятий председательства (диаграмма 5). «Двадцатка» пришла к консенсусу относительно совместных действий, связанных с реализацией ЦУР, включая вопросы содействия развитию – по данному направлению было согласовано 24 обязательства. Как и в случае с вопросами энергетической политики и изменения климата (22 обязательства), принятие конкретных решений и сравнительно частое упоминание в текстах итоговых документов говорит о востребованности заявленной повестки и обеспечивает твёрдую основу для сотрудничества в будущем.

Заключение

Проведённый анализ заявленных приоритетов председательства Японии, полноты отражения данных приоритетов в документах, принятых в ходе председательства, а также прогресса страны-председателя в обеспечении преемственности достижений более ранних председательств, говорит о том, что первое японское председительство в «Группе двадцати» прошло успешно.

Приоритеты председательства преобладают среди тем в текстах итоговых документов, что говорит о заинтересованности членов «двадцатки» в обсуждении и принятии решений по данному вопросу. О востребованности заявленных приоритетов говорит и значительная доля функции «принятие решений» в отношении распределения функций глобального управления наряду с общим количеством согласованных решений.

Япония в качестве страны-председателя добилась соблюдения преемственности решений и достижений предыдущих саммитов, а также расширила повестку «двадцатки» по наиболее востребованным направлениям. На полях запланированных встреч в рамках японского председательства вновь обсуждались инициативы немецкого председательства 2017 г., в частности, принятие совместных усилий странами «двадцатки» по борьбе с морским мусором. Значительное развитие получила цифровая повестка, для чего были заложены предпосылки в ходе председательства Аргентины.

Тем не менее нельзя не отметить отсутствие существенного прогресса в деле продвижения реформы ВТО. Лидеры «Группы двадцати» в итоговой Декларации саммита в Осаке ограничились достаточно общей формулировкой о необходимости продвижения проектов реформ Организации, фактически отложив данный вопрос «на будущее».

Исходя из высокой оценки текущей успешности рассматриваемого председательства, можно обоснованно ожидать не только высоких показателей уровня исполнения принятых обязательств, но и дальнейшего интенсивного развития заявленных инициатив в рамках последующих председательств.

² 138 из них – Декларация саммита лидеров «Группы двадцати» в Осаке, 5 – Заявление лидеров стран «Группы двадцати» по предотвращению использования Интернета для осуществления экстремистской и террористической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Игнатов А.А. Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше механизмов и меньше конкретных решений // Вестник РУДН, серия: Международные отношения. 2019. № 1. С. 89–99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99

Игнатов А.А., Михневич С.В., Попова И.М., Сафонкина Е.А., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10

Ларионова М.В. Модель обеспечения баланса реальных и прогнозируемых внешних условий и национальных приоритетов для формирования предложений к повестке дня «Двадцатки», «Восьмёрки» и БРИКС // Вестник международных организаций. 2012. № 4 (39), С. 7–17.

Ларионова М.В., Колмар О.И. Ханчжоуский консенсус: наследие для Китая, «Группы двадцати» и мира // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 3. С. 53–72.

Орусова О.В. Опыт разработки и реализации стратегии социально-экономического развития Японии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. С. 430–435.

Тимонина И.Л. Уровень социально-экономического развития Японии в международных сравнениях и новый вектор экономической стратегии // Восточная аналитика. 2014. № 4. С. 87–105.

Тимонина И.Л. Япония – «страны Юга»: эволюция экономических отношений // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. № 2. С. 172–186.

Шевченко Д.А. Современное состояние и модернизация экономики Японии // Вестник университета (Государственный университет управления). 2017. № 12. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-12-144-149

Японское председательство 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/gruppa-dvadsati/dokumenty-gruppy-dvadsati/yaponskoe-predsedatelstvo-2019> (дата обращения: 07.11.2019).

Action Agenda on Adaptation and Resilient Infrastructure // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/images/G20_Action_Agenda_Adaptation.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

Communique G20 Ministerial Meeting on Energy Transitions and Global Environment for Sustainable Growth // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/images/2019-energy-environment-communique.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Action Plan on Marine Litter // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-g20-marine-litter-en.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

G20 AI Principles // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/G20_AI_Principles.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Fukuoka Policy Priorities on Aging and Financial Inclusion // Министерство иностранных дел Японии. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/annex3_4.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Japan 2019. URL: <https://www.japan.go.jp/g20japan/> (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Karuizawa Innovation Action Plan on Energy Transitions and Global Environment for Sustainable Growth // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/images/G20_Karuizawa_Innovation_Action_Plan.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Osaka Leaders' Declaration // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/eng/images/CIIR/G20/2019/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Osaka Leaders' Statement on Preventing Exploitation of the Internet for Terrorism and Violent Extremism Conducive to Terrorism (VECT) // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloads/G20_OSAKA_LEADERS_STATEMENT_ON_PREVENTING_EXPLOITATION_OF_THE_INTERNET_FOR_TERRORISM.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

G20 Shared Understanding on the Importance of UHC Financing in Developing Countries // Министерство иностранных дел Японии. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/annex8_1.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

Japan Revitalization Strategy // Правительство Японии. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/honbunEN.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

Japan's Priority Agenda for its G20 Osaka Summit 2019. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/181201-kirton-osaka-priorities.html> (дата обращения: 01.08.2019).

Japan's Security Policy // Министерство иностранных дел Японии. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (дата обращения: 01.08.2019).

Kharas H., Lombardi D. The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance // Brookings Institutions, 2012. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/biblio/kharas-lombardi.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

Kirton J. et al. Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments, 2016. URL: <http://www.g7.utoronto.ca/compliance/compliance-coding-manual-2016.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

OECD. Key Issues for Digital Transformation in the G20. 2018. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

Osaka Declaration on Digital Economy // Центр исследований международных институтов РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloads/OSAKA_DECLARATION_ON_DIGITAL_ECONOMY_eng.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

Parc J. Why has Japan's economy been staggering? A competitiveness perspective // Competitiveness Review: an International Business Journal, 2018. Vol. 28 (4).

Principles for Quality Infrastructure Investment // Министерство иностранных дел Японии. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/annex6_1.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

S&P raises Japan's credit outlook to positive. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/S-P-raises-Japan-s-credit-outlook-to-positive> (дата обращения: 01.08.2019).

The Long View. How will the global economic order change by 2050? // PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

REFERENCES

Action Agenda on Adaptation and Resilient Infrastructure, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/images/G20_Action_Agenda_Adaptation.pdf (accessed: 1 August 2019).

Communique G20 Ministerial Meeting on Energy Transitions and Global Environment for Sustainable Growth, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: <https://www.ranepa.ru/images/2019-energy-environment-communique.pdf> (accessed: 1 August 2019).

G20 Action Plan on Marine Litter, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-g20-marine-litter-en.pdf> (accessed: 1 August 2019).

G20 AI Principles, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/G20_AI_Principles.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Fukuoka Policy Priorities on Aging and Financial Inclusion, *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/annex3_4.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Japan 2019. URL: <https://www.japan.go.jp/g20japan/> (accessed: 1 August 2019).

G20 Karuizawa Innovation Action Plan on Energy Transitions and Global Environment for Sustainable Growth, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/images/G20_Karuizawa_Innovation_Action_Plan.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Osaka Leaders' Declaration, *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/eng/images/CIIR/G20/2019/FINAL_G20_Osaka_Leaders_Declaration.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Osaka Leaders' Statement on Preventing Exploitation of the Internet for Terrorism and Violent Extremism Conducive to Terrorism (VECT), *Center for International Institutions Research* (CIIR) RANEPА. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/G20_OSAKA_LEADERS_STATEMENT_ON_PREVENTING_EXPLOITATION_OF_THE_INTERNET_FOR_TERRORISM.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Principles for Quality Infrastructure Investment, *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/annex6_1.pdf (accessed: 1 August 2019).

G20 Shared Understanding on the Importance of UHC Financing in Developing Countries, *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mof.go.jp/english/international_policy/convention/g20/annex8_1.pdf (accessed: 1 August 2019).

Ignatov A., Mikhnevich S., Popova I., Safonkina E., Sakharov A., Shelepov A. (2019). Leading Donors' Approaches to SDGs Implementation, *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1: 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10 (In Russian).

Ignatov A.A. (2019). BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions, *Vestnik RUDN. International Relations*. No 1: 89–99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99 (In Russian).

Japan Revitalization Strategy, *Government of Japan*. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/honbunEN.pdf> (accessed: 1 November 2019).

Japan's Priority Agenda for its G20 Osaka Summit 2019. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/181201-kirton-osaka-priorities.html> (accessed: 1 August 2019).

Japan's Security Policy, *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000081.html (accessed: 1 November 2019).

Japanese Presidency 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/eng/ciir-ranepa/research-areas/g20/documents/g20-japanese-presidency-2019> (accessed: 7 November 2019).

Kharas H., Lombardi D. (2012). The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance, Brookings Institutions. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/biblio/kharas-lombardi.pdf> (accessed: 1 August 2019).

Kirton J. et al. (2016). Compliance Coding Manual for International Institutional Commitments. URL: <http://www.g7.utoronto.ca/compliance/compliance-coding-manual-2016.pdf> (accessed: 1 August 2019).

Larionova M.V. (2012). Model' obespecheniya balansa real'nyh i prognoziruemyh vneshnih uslovij i nacional'nyh prioritetov dlya formirovaniya predlozhenij k povestke dnya «Dvadcatki», «Vos'merki» i BRIKS, *International Organisations Research Journal*, vol. 7, no 4: 7–17. (In Russian).

Larionova M.V., Kolmar O.I. (2017). The Hangzhou Consensus: Legacy for China, G20 and the World, *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 3: 53–72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53 (In Russian).

OECD (2018). Key Issues for Digital Transformation in the G20. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (accessed: 1 August 2019).

Orusova O.V. (2018). Opyt razrabotki i realizacii strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii [Experience of development and implementation of a strategy of socio-economic development of Japan], *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*: 430–435. (In Russian).

Osaka Declaration on Digital Economy, *Center for International Institutions Research (CIIR) RANEPa*. URL: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/OSAKA_DECLARATION_ON_DIGITAL_ECONOMY_eng.pdf (accessed: 1 August 2019).

Parc J. (2018). Why has Japan's economy been staggering? A competitiveness perspective, *Competitiveness Review: an International Business Journal*, vol. 28 (4).

S&P raises Japan's credit outlook to positive. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/S-P-raises-Japan-s-credit-outlook-to-positive> (accessed: 1 August 2019).

Shevchenko D.A. (2017). Modern status and modernization of the Japan economy, *Vestnik universiteta*. No 12: 144–149. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-12-144-149 (In Russian).

The Long View. How will the global economic order change by 2050? URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> (accessed: 1 August 2019).

Timonina I.L. (2014). Uroven' social'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii v mezhdunarodnyh sravneniyah i novyj vektor ekonomicheskoy strategii [The level of socio and economic development of Japan in international comparisons and a new vector of economic strategy], *Eastern Analytic*. No 4: 87–105. (In Russian).

Timonina I.L. (2019). Yaponiya – “strany Yuga”: evolyutsiya ekonomicheskikh otnosheniy [Japan – “Global South”: the evolution of economic relations], *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost*. No 2: 172–186. (In Russian).

Для цитирования: Игнатов А.А. Председательство Японии в «Группе двадцати»: достижения и решения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 50–64. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10011

For citation: Ignatov A.A. (2019). Predsedatel'stvo Yaponii v “Gruppe dvadcati”: dostizheniya i resheniya [Japan's Presidency in G20: achievements and decisions], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 2: 50–64. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10011

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012

Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения*

В.В. Нелидов

Аннотация. В статье даётся оценка состоянию российско-японских отношений на современном этапе и анализируются причины того, что, несмотря на активный политический диалог на высшем уровне, особенно интенсифицировавшийся с 2016 г., сторонам так и не удалось существенно продвинуться в деле заключения мирного договора. Отмечается, что, помимо несовместимости позиций по вопросу территориального размежевания, к этим причинам относятся – разница в подходах к ключевым международно-политическим вопросам, слабая степень экономической взаимозависимости, а также ряд факторов субъективного и внутривнутриполитического характера.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, внешняя политика, территориальные споры, Абэ Синдзо, «поворот на Восток».

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Russian-Japanese bilateral relations: limits of rapprochement*

V.V. Nelidov

Abstract. The article evaluates the current state of Russian-Japanese relations and analyzes the reasons why, despite the active top-level political dialogue, which particularly intensified since 2016, the two nations failed to achieve substantial progress in concluding the peace treaty. The author notes that, besides the incompatibility of the countries' positions regarding the issue of territorial delimitation, these reasons also include the difference in their approaches regarding key international political issues, low degree of economic interdependence, as well as several subjective and domestic political factors.

Keywords: Japan, Russian-Japanese relations, foreign policy, territorial disputes, Abe Shinzo, “pivot to the East”.

Author: Nelidov Vladimir V., PhD (History), lecturer of the Department of Asian and African Studies, MGIMO University, research fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142 «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)»).

* This work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00142 “Multifactor analysis of the ‘Turn to the East’ in Russian Foreign Policy (achievements, problems, and prospects)”.

С тех пор как в первой половине 2010-х гг. идея «поворота на Восток» начала активно обсуждаться в российских политических и академических кругах, развитие отношений с Японией воспринималось в качестве одного из ключевых элементов этого поворота. Япония продолжает оставаться одной из ведущих экономик мира, и неудивительно, что именно на сотрудничество с Японией возлагались значительные надежды в плане развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока, а также российской экономики в целом. Благоприятным фактором представлялось и то, что премьер-министр Японии Абэ Синдзо, возглавляющий японское правительство с 2012 г., провозгласил развитие отношений с Россией и заключение российско-японского мирного договора одним из своих внешнеполитических приоритетов. И во многом благодаря проявленной руководством обеих стран политической воле диалог Москвы и Токио в последние годы заметно активизировался.

Тем не менее, несмотря на все радужные ожидания, которыми сопровождалось это дипломатическое сближение, по состоянию на конец 2019 г. прорыва в отношениях Москвы и Токио так и не произошло, а перспективы заключения мирного договора остаются по-прежнему туманными. Это делает особенно актуальными следующие вопросы: как можно, в целом, оценить достижения этого российско-японского сближения? Какие факторы оказывают сдерживающее влияние на него, определяя тем самым его пределы? Как можно оценить перспективы российско-японских связей с учётом этих факторов? Именно этим вопросам и посвящена настоящая статья.

При этом следует отметить, что актуальные вопросы двусторонних российско-японских отношений активно обсуждаются в отечественной научной литературе. Так, нельзя не упомянуть работу «Российско-японские отношения в формате параллельной истории» [Российско-японские отношения..., 2015], которая, несмотря на свою в целом историческую ориентацию, затрагивает также и текущее состояние отношений двух стран. Комплексный анализ вопросов российско-японских отношений содержится также в подготовленных Российским советом по международным делам (РСМД) аналитических материалах «Современные российско-японские отношения и перспективы их развития» [Современные российско-японские отношения..., 2012] и «Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе» [Перспективы развития российско-японских отношений..., 2019]. Помимо этого, текущее состояние отношений двух стран в своих публикациях рассматривали Д.В. Стрельцов [Стрельцов, 2016; Стрельцов, 2017], А.Н. Панов [Панов, 2019], В.О. Кистанов [Кистанов, 2015; Кистанов, 2017], О.И. Казаков [Казаков, 2016]. В то же самое время, хотя в некоторых из этих работ и предпринимается попытка вычленить факторы, обуславливающие заинтересованность сторон в сотрудничестве (напр.: [Стрельцов, 2017]), противоположному аспекту, а именно тем факторам, которые налагают ограничения на возможности сближения двух стран, подчас уделяется меньше внимания. Данная статья предпринимает попытку заполнить этот пробел.

16 декабря 2012 г. в Японии прошли выборы в нижнюю палату парламента, ознаменовавшиеся сокрушительным поражением правящей на тот момент Демократической партии Японии (ДПЯ), пришедшей к власти за три года до этого, в 2009 г. К власти вернулись Либерально-демократическая партия (ЛДП) и её младший партнёр по коалиции, партия Комэйто. 26 декабря 2012 г. ЛДП и Комэйто сформировали правительство, которое возглавил председатель ЛДП Абэ Синдзо, уже имевший опыт работы премьер-министром в 2006–2007 гг.

С самого начала работы правительства С. Абэ отношениям с Россией стало уделяться значительное внимание. В апреле 2013 г. состоялся его визит в Россию, что стало первым за 10 лет официальным визитом в нашу страну главы японского правительства. За этим последовали поездки С. Абэ в Россию в сентябре 2013 г. и феврале 2014 г. Однако наметившееся было сближение было прервано разразившимися в начале 2014 г. событиями в Крыму и на Украине. Япония присоединилась к странам Запада, начавшим кампанию санкционного давления на Россию. Впрочем, введённые Японией санкции были, по оценкам экспертов [Перспективы развития российско-японских отношений..., 2019, с. 12], ограниченными и существенно менее болезненными, чем меры, применённые против России государствами Западной Европы и США.

Полномасштабное сближение, выразившееся, прежде всего, в активизации контактов между лидерами двух стран, наметилось лишь в 2016 г. Важным рубежом стал неофициальный визит С. Абэ в Россию и его встреча с В. Путиным в Сочи 6 мая 2016 г. Примечательно, что эта поездка, оказавшаяся с точки зрения России важной дипломатической победой в деле преодоления последствий украинского кризиса, состоялась даже несмотря на то, что президент США Б. Обама советовал своему японскому коллеге не встречаться с российским лидером [Abe breaks ranks with Obama..., 2016].

Среди результатов встречи в Сочи было то, что С. Абэ предложил российской стороне так называемый План экономического сотрудничества из восьми пунктов. Этот план, включающий в себя сотрудничество в области здравоохранения и развития городской среды, поддержку связей на уровне малого и среднего бизнеса, сотрудничество в области энергетики, поощрение диверсификации российской промышленности, развитие российского Дальнего Востока, научно-техническую кооперацию и гуманитарные обмены, до сих пор является основой стратегии японской стороны в сфере экономического сотрудничества с Россией [Тай ро гайко:...].

15–16 декабря 2016 г. состоялся ответный визит В. Путина в Японию, причём первый раунд российско-японских переговоров прошёл в Нагато – родном городе С. Абэ. По итогам визита было подписано значительное количество соглашений, касающихся экономического сотрудничества двух стран. Стороны подтвердили свою решимость заключить мирный договор и приступить с этой целью к осуществлению совместной хозяйственной деятельности на Южных Курильских островах.

Тем не менее в январе 2019 г., то есть более чем через два года после достижения договорённости о совместной экономической деятельности, после очередной встречи со своим японским визави, В. Путин отмечал лишь, что «проясняется конкретный путь» к этой деятельности. Что же касается ситуации с переговорами по мирному договору, то здесь российский лидер подчёркивал, что «впереди длительная кропотливая работа по формированию условий для выхода на взаимоприемлемые решения» [Заявления для прессы по итогам переговоров..., 2019]. За последующие несколько месяцев ситуация не претерпела изменений: после очередной встречи лидеров, состоявшейся в сентябре 2019 г. на полях Восточного экономического форума во Владивостоке, помощник российского президента Ю. Ушаков в ответ на вопросы журналистов о результатах обсуждения проблемы мирного договора ответил: «Всё примерно в том же состоянии. Условлено, что те форматы, которые работают, будут продолжаться» [Путин и Абэ обсудили ..., 2019].

Иными словами, несмотря на многочисленные контакты лидеров (встреча во Владивостоке в сентябре 2019 г. стала для В. Путина и С. Абэ уже 27-й [СМИ: в правительстве Японии..., 2019]), по состоянию на конец 2019 г. очевидного прогресса нет. Ни по проблеме мирного договора, ни даже по вопросу совместной экономической деятельности на Южных Курилах.

Безусловно, сводить политический диалог двух стран только к переговорам на высшем уровне или обсуждению проблемы мирного договора было бы неверно. Поддерживаются связи в формате «два плюс два» (между министрами иностранных дел и обороны двух стран), развивается сотрудничество между парламентами двух стран и представителями региональных властей. Однако общий вывод, к которому приводит рассмотрение итогов контактов двух стран за последние годы, заключается в том, что прорывных результатов на политическом направлении достигнуто не было.

Аналогичным образом, ограниченным остаётся и прогресс в торгово-экономической сфере. Товарооборот за январь-июль 2019 г. (наиболее свежие данные на момент написания данной статьи) составил 11,4 млрд долл. США. Это составило лишь 3,1 % общего оборота внешней торговли Российской Федерации, и по этому показателю Япония уступает не только Китаю (16 %), но даже Республике Корея (3,9 %). Более того, по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. товарооборот с Японией даже сократился (11,3 млрд долл. против 11,7 млрд долл.) за счёт падения объёма российского экспорта в Японию (6,3 млрд долл. против 6,8 млрд долл.) [Итоги внешней торговли...], хотя, если сравнивать показатели 2017 и 2018 гг., то здесь российско-японский товарооборот продемонстрировал рост на 17 % (с 21,3 млрд долл. в 2018 г. против 18,2 млрд долл. в 2017 г.) [Внешняя торговля России...].

Конечно, нельзя забывать и о культурно-гуманитарном сотрудничестве двух стран. В 2018–2019 гг. прошёл перекрёстный год Японии в России и России в Японии, в рамках которого состоялось большое количество мероприятий, позволивших россиянам и японцам ближе познакомиться с культурой своего соседа. По данным японской стороны, в России количество таких мероприятий составило 609, ареной для их проведения стали 59 российских городов, а посетили их более 1,6 млн россиян [Посольство Японии в России]. Кроме того, на прошедшей 29 июня 2019 г. церемонии закрытия перекрёстных годов России и Японии было объявлено о намерении сторон воплотить в жизнь новый проект – Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов [Церемония закрытия перекрёстных годов...], который должен пройти с 2020 по 2021 гг. Тем не менее, даже признавая всю важность и необходимость подобных мероприятий, приходится признать, что непосредственного и решающего влияния на другие сферы отношений – политическую и экономическую – они, к сожалению, оказать не в состоянии.

Указанные проблемы делают особенно актуальной задачу выяснения и анализа тех факторов, которые оказывают сдерживающее влияние на развитие японо-российских связей или, иными словами, которые устанавливают пределы сближения России и Японии в текущих международно-политических условиях.

Наиболее очевидным, хотя, возможно, и не самым фундаментальным фактором, сдерживающим развитие российско-японских отношений, остаётся то, что по-прежнему не просматривается взаимоприемлемой позиции по вопросу территориального размежевания и заключения мирного договора. В этом смысле можно сказать, что поставленная в марте 2012 г.

В. Путиным задача добиться по территориальному вопросу «приемлемого компромисса или чего-то вроде “хикивакэ” [термин из дзюдо, означающий «ничья» – прим. авт.]» остаётся невыполненной.

Позиция японской стороны, выраженная, к примеру, в речи С. Абэ 11 сентября 2019 г., посвящённой формированию его нового кабинета, заключается в том, что территориальную проблему не следует передавать следующему поколению. Японский премьер в очередной раз подчеркнул, что полон решимости «своей рукой поставить точку» в этом вопросе [Абэ найкаку...]. Но предложение российского лидера заключить мирный договор до конца 2018 г. без предварительных условий, сделанное им в сентябре 2018 г. на Восточном экономическом форуме, было отвергнуто японской стороной. При этом выступивший с официальным заявлением генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга подчеркнул, что намерение Японии остаётся прежним: заключить мирный договор только после решения вопроса принадлежности четырёх северных островов (то есть Шикотана, Итурупа, Кунашира и гряды Хабомаи) [Дзэнтэй наси..., 2018], и эта же позиция продолжает быть отражённой в актуальных по состоянию на конец 2019 г. публикациях японского внешнеполитического ведомства [Нихон но рё:до..., 2016].

Это, в свою очередь, вызывает категорическое неприятие российской стороны: по словам российского министра иностранных дел С. Лаврова, требования японской стороны о возврате островов, которые Япония считает своими «северными территориями», противоречат итогам Второй мировой войны и японским обязательствам по Уставу ООН и потому неприемлемы для Москвы [Лавров: требования Японии..., 2019].

При этом и российские, и японские представители соблюдают осторожность в высказываниях, что даёт почву для рассуждений о возможности компромиссного решения. Так, в процитированных заявлениях японской стороны говорится лишь о «решении вопроса принадлежности», а не о безусловной передаче именно четырёх островов. Кроме того, то, что в ноябре 2018 г. лидеры стран подчеркнули свою решимость активизировать переговоры на основе советско-японской Совместной декларации 1956 г. [Путин и Абэ активизируют переговоры..., 2018], дало повод для предположений, что статья 9 этого документа, согласно которой остров Шикотан и гряда Хабомаи должны быть переданы Японии после заключения мирного договора, могла бы стать основой для компромиссного решения. Однако даже такой, компромиссный вариант пока, по всей видимости, находится вне пределов досягаемости. Российская сторона хотя и указывает на Совместную декларацию как на основу для переговоров, тем не менее воздерживается от однозначного признания возможности каких-либо территориальных уступок, в то время как японская позиция, как было сказано выше, в общем и целом сводится к тому, что решение территориального вопроса должно быть не результатом (как это следует из текста Совместной декларации), а предпосылкой заключения мирного договора между странами.

Впрочем, конкретной и очевидной проблемой отсутствия мирного договора сложности в отношениях Москвы и Токио далеко не исчерпываются. Едва ли не важнее оказываются разногласия более общего характера, обусловленные несоответствием позиций сторон по целому ряду важнейших международно-политических вопросов. Наиболее очевидный пример тому – принципиально разные взгляды России и Японии на их отношения с Соединёнными Штатами. Санкционное давление на Россию и то, что «российская угроза» подчас служит инструментом внутривосточной борьбы в американских властных кругах,

особенно в преддверии президентских выборов 2020 г., практически сводят на нет перспективы существенного улучшения отношений Москвы и Вашингтона в ближайшей перспективе. И, наоборот, для Токио США остаются ключевым внешнеполитическим партнёром, а японо-американский военно-политический союз по-прежнему является основой всей стратегии Японии в сфере национальной безопасности.

Так и не оправдались опасения, что США пойдут на свёртывание своих обязательств по отношению к Японии, основанные на звучавших в период предвыборной кампании 2016 г. заявлениях Д. Трампа, критиковавшего асимметричность японо-американского военного сотрудничества [Transcript: Donald Trump..., 2016]. В этом смысле уместно вспомнить, что адресованный Японии призыв брать на себя больше ответственности за обеспечение собственной безопасности содержался ещё в японо-американском договоре 1951 г., подписанном одновременно с Сан-Францисским мирным договором. Исторические же примеры, подобные провозглашению в 1969 г. президентом США Р. Никсоном его «Гуамской доктрины», согласно которой союзникам США следует нести основную ответственность за обеспечение своей безопасности [Address to the Nation...], позволяют говорить о том, что подобная ситуация, при которой США настаивают, чтобы Токио играл более активную роль в военной сфере, прозрачно намекая, что в противном случае предоставляемые ими гарантии могут быть пересмотрены, является не столько свидетельством кризиса в японо-американских отношениях, сколько нормальным их состоянием.

В этих условиях следует реально оценивать и значимость российско-японских связей в области безопасности, к которым относятся встречи в формате «два плюс два», а также обмены и совместные учения оборонных и силовых ведомств (как, например, состоявшиеся в сентябре 2019 г. на Сахалине совместные учения российских пограничников и японского Управления береговой охраны [Пограничники России и Японии...]). Подобные мероприятия, проводимые в масштабах гораздо меньших, чем японо-американское военное сотрудничество, ни в коем случае не являются свидетельством возможной переориентации Японии на сотрудничество с Россией в военно-политической сфере.

Другим примером дистанции в восприятии Москвой и Токио важных международно-политических проблем являются их разногласия относительно того, как следует оценивать роль Китая в современном мире. Япония относится к росту экономического и политического влияния КНР на мировой арене настороженно. Среди причин тому – территориальные претензии Пекина на контролируемые Японией острова Сэнкаку (кит. – Дяоюйдао), а также опасения Японии в связи с попытками КНР установить контроль над значительной частью акватории Южно-Китайского моря. В последнем случае, хотя Токио и не является непосредственной стороной спора, изменение статус-кво в этом регионе также может сильно повлиять на японские национальные интересы в силу значимости этого региона как одного из важнейших океанских транспортных путей.

В результате в «Руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2019 ф.г.¹», одном из ключевых программных документов японской военной политики, утверждённом в декабре 2018 г. Советом безопасности и кабинетом министров Японии, действиям КНР даётся однозначно жёсткая оценка: «Китай пытается в одностороннем порядке и, опираясь на силу, изменить статус-кво, исходя при этом из своих утверждений,

¹ Ф.г. – «финансовый год», в Японии продолжается с 1 апреля до 31 марта.

несовместимых с существующим мировым порядком» [Хэйсэй 31 нэндо..., с. 5]. И именно в контексте «сдерживания» Китая следует оценивать военно-политические инициативы Токио, такие как «Четырёхсторонний диалог безопасности» (Quad) Японии, США, Австралии и Индии, инициатива создания которого была выдвинута С. Абэ ещё в период его первого премьерского срока, а также качественную трансформацию потенциала Сил самообороны Японии – к примеру, планы переоборудования кораблей-вертолётоносцев типа «Идзумо» под использование в качестве авианосцев с американскими самолётами F-35B [Тю:ки бо:эйрёку, с. 9].

Россия, в свою очередь, поддерживает с КНР отношения стратегического партнёрства, развивая сотрудничество по всем направлениям, включая военно-политическое, и считает «сдерживание» Китая не только деструктивным и вредным, но и невозможным [Путин заявил о невозможности сдерживания Китая, 2019]. Неудивительно, что позиция отдельных представителей японской стороны, полагающих, что сближение Токио и Москвы может быть своего рода противовесом «угрозе со стороны Китая» [Abe Aide Katsuyuki Kawai..., 2019], вызывает однозначно негативную реакцию со стороны Москвы [Лавров осудил призыв..., 2019].

Есть определённая ирония в том, что относительно возможных геостратегических последствий сближения России и Японии с обеих сторон звучали очень сходные предположения, что это сближение якобы сможет «оттянуть» другую сторону от её приоритетного партнёра – Россию от Китая и Японию от США соответственно. Однако и в том, и в другом случае подобные ожидания так и не воплотились в жизнь. В силу того, что для каждой из сторон уже существующие отношения – российско-китайское стратегическое партнёрство с одной стороны и японо-американский союз с другой – занимают однозначно более высокое место в иерархии внешнеполитических целей, нежели возможное сближение с Японией или Россией соответственно.

Между приоритетами России и Японии в сфере многостороннего сотрудничества также есть определённые разногласия, во многом обусловленные уже отмеченной выше разницей в их отношении к США и Китаю, и перспектив преодоления этих разногласий также пока не просматривается. Идея «свободной и открытой Индо-Пацифики», которой уделяется большое значение во внешнеполитической риторике Токио и Вашингтона, встречает критику со стороны Москвы. По словам российского министра иностранных дел С. Лаврова, это «искусственно насаждаемая концепция», которую «американцы вместе с Японией, Австралией <...> стали продвигать с очевидным контекстом сдерживания Китая», которая нацелена на вовлечение в это сдерживание Индии и которая подрывает место АСЕАН в архитектуре международного сотрудничества [Выступление и ответы на вопросы..., 2019].

Также не встречает энтузиазма у Москвы другая ключевая для японской (и американской) внешней политики идея – «порядок, основанный на правилах» (rules-based order). В опубликованной в сентябре 2019 г. статье «Мир на перепутье и система международных отношений будущего» С. Лавров охарактеризовал эту концепцию как прикрытие для политики стран Запада, нацеленной на то, чтобы «подменить универсально согласованные международно-правовые инструменты и механизмы узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок» [Лавров, 2019].

В свою очередь, Япония практически не проявляет интереса к многосторонним инициативам России. Показательно, что в «Синей книге дипломатии Японии» за 2019 г., публикации МИД Японии, в которой подробно рассматриваются вопросы международной ситуации и внешней политики Токио, БРИКС упоминается лишь единожды, и то лишь в контексте пассажа о том, что Россия пытается повысить свою роль в многополярном мире, используя этот и другие многосторонние форматы [Diplomatic Bluebook 2019, с. 134–135]. Евразийская же интеграция вообще и Евразийский экономический союз в частности, являющиеся для Российской Федерации важными приоритетами её внешней политики, в этой публикации не упоминаются вовсе.

Помимо разницы в политических и стратегических приоритетах, существенным сдерживающим фактором развития отношений России и Японии выступает то, что страны так и не стали друг для друга незаменимыми партнёрами в экономической сфере. Российский экспорт в Японию по-прежнему состоит главным образом из товаров с низкой долей добавленной стоимости, которые Япония в большинстве случаев может получить и у других поставщиков и колебания цен на которые в значительной степени и определяют рост или снижение показателей двустороннего товарооборота. Так, к основным группам товаров, которые Россия поставляет в Японию, относятся минеральное топливо (76,1 % экспорта России в Японию в 2018 г.), металлы и изделия из них (7,7 %), драгоценные металлы и камни (5,6 %), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (3,9 %). При этом доля машин, оборудования и транспортных средств составила в 2018 г. лишь 1,2 % российского экспорта, при том что в 2017 г. этот показатель был равен 2,1 %. Напротив, российский импорт из Японии состоит, главным образом, из машин, оборудования и транспортных средств – 80,2 % в 2018 г. [Торговля между Россией и Японией в 2018 г., 2019].

Более того, даже в сфере поставок углеводородов Россия не является для Японии приоритетным партнёром: по состоянию на 2017 ф.г. Россия была на пятом месте среди стран-поставщиков нефти в Японию, занимая долю в 5,6 % поставок и уступая Саудовской Аравии (39,7 %), ОАЭ (25,1 %), Катару (7,5 %) и Кувейту (7 %) [Нихон но гэнсою...]. Сходная ситуация вырисовывается с экспортом в Японию сжиженного природного газа (СПГ): здесь в тот же период Россия также занимала 5 место с долей в 7,7 %, уступая Австралии (32,3 %), Малайзии (16,8 %), Катару (11,2 %) и Индонезии (8,2 %), причём российская доля в поставках СПГ в Японию даже немного уменьшилась по сравнению с периодом 2012–2016 ф.г. (тогда она стабильно занимала четвёртое место, обеспечивая больше 8 % поставок) [Нихон но экика...].

Наконец, остаётся ограниченным и инвестиционное сотрудничество двух стран. По состоянию на 1 апреля 2019 г. накопленные прямые инвестиции японских компаний в Россию составили 2,2 млрд долл. – лишь около 0,5 % общего объёма прямых иностранных инвестиций в Россию. Это уступает показателю не только Китая (4,4 млрд долл. с учётом показателя Гонконга), но и Южной Кореи (3,1 млрд долл.)².

Конечно, в том, что касается торгово-экономического сотрудничества, велика роль объективных экономических факторов и, прежде всего, сложившейся структуры российской и японской экономик. Однако если говорить о факторах, ограничивающих развитие российско-японских отношений по всему спектру, то следует признать, что негативное

² Рассчитано по данным [Прямые инвестиции в Российскую Федерацию..., 2019].

влияние на них оказывает целый ряд причин более субъективного характера, связанных со спецификой процесса принятия решений в японском внешнеполитическом механизме, личным фактором, а также ситуацией на японской внутривластной арене.

Японская внешняя политика часто оценивается как инерционная и испытывающая существенные трудности в том, чтобы реагировать на новые вызовы и условия, особенно когда это требует отказа от устоявшихся практик и подходов. Здесь играют свою роль и специфика отношений между дипломатическим аппаратом и политической властью, и особенности политической системы страны в целом. Даже несмотря на то, что С. Абэ обладает в японском политическом мире гораздо более сильными позициями, чем многие из его предшественников³, он всё равно вынужден учитывать мнение внутривластных фракций, от поддержки которых зависит. В совокупности с низким уровнем интереса избирателей к внешнеполитическим вопросам это, по существу, завело японского лидера в ловушку: по-настоящему решительные и необходимые шаги на российском направлении, которые потребовали бы от Японии значительных уступок, могут оказаться для него политически нецелесообразными и даже невозможными, но и отказ от налаживания связей с Москвой означал бы для него «потерю лица».

Существенную роль в складывании подобной патовой ситуации сыграл личный фактор. С. Абэ сделал налаживание отношений с Россией и заключение мирного договора одним из главных пунктов своей политической программы во многом потому, что к той же цели стремился и его отец, видный деятель ЛДП и министр иностранных дел Японии в 1982–1986 гг. Абэ Синтаро [Dying Father's Dream..., 2018]. Кроме того, большое влияние на политику японского премьера в отношении России оказывает один из его главных советников по отношениям с Россией Судзуки Мунэо, подчёркивающий свои тесные связи с российской стороной и настаивающий на том, что Япония вполне может добиться постепенного решения территориального вопроса, сначала получив от России острова Хабомаи и Шикотан, а после этого продолжив переговоры о судьбе Кунашира и Итурупа [Brown, 2019].

Однако большие сложности для С. Абэ на пути достижения какого бы то ни было реалистичного решения территориального вопроса создадут как позиция электората по этой проблеме, так и текущая политическая ситуация в Японии в целом. По данным проведённого газетой «Никкэй симбун» в ноябре 2018 г. опроса общественного мнения, относительно того, допустимо ли заключение мирного договора до решения территориального вопроса, мнения японцев разделились: 43 % респондентов одобрили такой вариант, а 45 % выступили против. На вопрос же, как именно должна быть решена территориальная проблема, 46 % респондентов ответили, что согласны с тем, чтобы Япония сначала получила от России острова Хабомаи и Шикотан, и только после этого – Кунашир и Итуруп. Тех, кто был уверен, что требовать следует передачи всех четырёх островов сразу, было 28 %. Но лишь 5 % японцев ответили, что они согласны с тем, чтобы Япония ограничилась Хабомаи и Шикотаном [Хоппо рё:до..., 2018]. Таким образом, даже вариант «двух островов», который основан на буквальном следовании статье 9 Совместной декларации и который можно считать гипотетически максимально возможной уступкой с российской стороны, поддержки среди японских избирателей практически не имеет.

³ Более подробно см. [Mulgan, 2018].

По состоянию на конец 2019 г. положение правительства Абэ Синдзо осложняет и целый ряд внутривластных факторов, не связанных с отношениями с Россией. Неоднозначными остаются перспективы конституционной реформы – ещё одного ключевого пункта в политической программе премьера. По итогам выборов в палату советников в июле 2019 г. силы, выступающие за пересмотр конституции, потеряли в ней квалифицированное большинство. Даже партнёр ЛДП по коалиции, партия Комэйто, хотя и не отрицает возможности конституционной реформы в принципе, фактически выступает против продвигаемых правящей партией поправок в «мирную» 9 статью основного закона, согласно которым в нём должно быть прописано существование Сил самообороны [Abe clears decks for debate..., 2019]. Кроме того, дополнительным политическим балластом для С. Абэ стало повышение с 1 октября 2019 г. ставки налога на потребление с 8 до 10 %. Как свидетельствует опрос, проведённый в сентябре, то есть за несколько недель до повышения налога, лишь чуть больше половины японцев (52 %) выразили согласие с этой мерой, в то время как 42 % выступили против [Сё:хидзэй дзо:дзэй..., 2019].

Наконец, для решения проблемы мирного договора у нынешнего японского премьера, скорее всего, уже попросту не остаётся времени. В 2017 г. ЛДП изменила свои внутренние правила, допустив пребывание в должности председателя партии до трёх трёхлетних сроков подряд. Благодаря этому С. Абэ смог переизбраться на этот пост в сентябре 2018 г. Это даёт ему возможность оставаться главой партии и премьер-министром до 2021 г. – если, конечно, в результате какой-либо сложно вообразимой сейчас ситуации ЛДП не потеряет власть или если чрезвычайные обстоятельства не вынудят его уйти в отставку до этого. Что же касается возможности четвёртого срока, что позволило бы ему остаться на посту и после 2021 г., то, хотя такая идея была озвучена некоторыми партийными лидерами, она отвергается самим С. Абэ [Abe rules out fourth term..., 2019]. В результате на данный момент для достижения компромисса с Россией у нынешнего японского премьера остаётся менее двух лет. А его преемник вынужден будет начинать строительство отношений с Россией практически с чистого листа, особенно учитывая, что нынешнее сближение между странами, как было показано выше, строится в значительной степени на диалоге между лидерами.

Указанные выше факторы позволяют говорить о том, что, несмотря на политический диалог между Россией и Японией, активно развивающийся с 2016 г. и во многом опирающийся на личные контакты между В. Путиным и С. Абэ, объективные предпосылки для достижения цели заключения мирного договора были весьма зыбкими с самого начала. Ограниченность экономических связей, разногласия по ключевым международным вопросам, неготовность общественного мнения к компромиссным решениям ожидаемо перевесили благие намерения лидеров. Конечно, подобный вывод ни в коем случае не должен вести к нормативному заключению о бесперспективности российско-японских политических связей вообще или диалога о заключении мирного договора в частности. Но объективное понимание всего спектра сложностей, с которыми сталкиваются стороны, необходимо для реалистичной оценки перспектив этого диалога, тем более что завышенные ожидания в данной ситуации могут сыграть только контрпродуктивную роль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Внешняя торговля России в 2016–2018 гг. (по данным ФТС России) // Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown/ (дата обращения: 15.10.2019).

Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Российско-вьетнамской конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Посольство Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам. 25.02.2019. URL: https://vietnam.mid.ru/glavnaa/-/asset_publisher/8bS1GZM3UyQH/content/vystuplenie-i-otvety-na-voprosy-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-rossijsko-v-etnamskoj-konferencii-mezdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-v (дата обращения: 15.10.2019).

Заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 22.01.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/JP/events/59714> (дата обращения: 16.10.2019).

Итоги внешней торговли с основными странами. Январь-июль 2019 г. // ФТС России. URL: http://customs.ru/storage/document/document_statistics_file/2019-09/10/5YqM/WEB_UTSA_09.xls (дата обращения: 15.10.2019).

Казаков О.И. О «хикивакэ» в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2016. № 1. С. 47–58. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00006

Кистанов В.О. Россия и Япония: актуальные проблемы отношений // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 7–26.

Кистанов В.О. Треугольник Россия – Япония – Китай во внешней политике Абэ: территориальный аспект // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 55–67.

Лавров осудил призыв советника Абэ к США о поддержке переговоров по мирному договору // Интерфакс. 14.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/646074> (дата обращения: 15.10.2019).

Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 20.09.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Mir-na-perepute-i-sistema-mezdunarodnykh-otnoshenii-buduschego-20198> (дата обращения: 15.10.2019).

Лавров: требования Японии о возврате «северных территорий» противоречат Уставу ООН // ТАСС. 16.01.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6004351> (дата обращения: 15.10.2019).

Панов А.Н. Советско-японская совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50/2019 / А.Н. Панов, Д.В. Стрельцов, А.А. Киреева, В.В. Нелидов ; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 44 с.

Пограничники России и Японии завершили морские учения на юге Сахалина // РИА Новости. 04.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190904/1558283896.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Посольство Японии в России. Год Японии в России. Отчёт о мероприятиях 2018–2019 гг. // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/japan2018/ru/report/index.html> (дата обращения: 12.10.2019).

Прямые инвестиции в Российскую Федерацию. Остатки по инструментам и странам-партнёрам (по принципу направленности) // ЦБ РФ. 05.09.2019. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/10-dir_inv.xlsx (дата обращения: 14.10.2019).

Путин заявил о невозможности сдерживания Китая // РИА Новости. 03.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191003/1559414248.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Путин и Абэ активизируют переговоры на основе декларации 1956 года // РИА новости. 14.11.2018. URL: <https://ria.ru/20181114/1532786816.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Путин и Абэ обсудили вопросы мирного договора и Курильских островов // РИА Новости. 05.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190905/1558329381.html> (дата обращения: 16.10.2019).

Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ; МГИМО (У) МИД РФ, Ассоциация японоведов. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.

СМИ: в правительстве Японии позитивно оценили итоги переговоров Абэ и Путина // ТАСС. 06.09.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6851719> (дата обращения: 16.10.2019).

Современные российско-японские отношения и перспективы их развития / А.Н. Панов (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2012. 32 с.

Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях // Московский центр Карнеги. 2016. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016–2017 гг. // Ежегодник Япония. 2017. № 46. С. 26–44.

Торговля между Россией и Японией в 2018 г. // Внешняя Торговля России. 09.02.2019. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-yaponiyev-2018-g/> (дата обращения: 15.10.2019).

Церемония закрытия перекрёстных годов России и Японии // Президент России. 29.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60858> (дата обращения: 14.10.2019).

Abe aide Katsuyuki Kawai seeks U.S. support for Japan's peace talks with Russia // The Japan Times. 09.01.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/09/national/politics-diplomacy/abe-aide-seeks-u-s-support-japans-peace-talks-russia/> (дата обращения: 15.10.2019).

Abe breaks ranks with Obama by visiting Putin // The Japan Times. 06.05.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/05/06/national/abe-breaks-ranks-obama-meeting-putin-russia/> (дата обращения: 16.10.2019).

Abe clears decks for debate on amending Japan's Constitution // The Japan Times. 03.10.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/10/03/national/politics-diplomacy/abe-clears-decks-debate-amending-constitution/> (дата обращения: 15.10.2019).

Abe rules out fourth term as head of Japan's LDP amid talk of tweaking rules to allow another run // The Japan Times. 14.03.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/03/14/national/politics-diplomacy/abe-rules-fourth-term-head-japans-ldp-amid-talk-tweaking-rules-allow-another-run/> (дата обращения: 15.10.2019).

Address to the Nation on the War in Vietnam. November 3, 1969 // Richard Nixon Foundation. URL: <https://www.nixonfoundation.org/2017/09/address-nation-war-vietnam-november-3-1969/> (дата обращения: 15.10.2019).

Brown J. Japan-Russia Relations and the Miraculous Revival of Suzuki Muneo // Japan Focus. 15.09.2019. URL: <https://apjff.org/2019/18/Brown.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Diplomatic Bluebook 2019. Japanese Diplomacy and International Situation in 2018 // Ministry of Foreign Affairs, Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000515910.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

Dying Father's Dream Drives Abe to Seek Peace on Putin's Terms // Bloomberg. 21.12.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-20/dying-father-s-dream-drives-abe-to-see-peace-on-putin-s-terms> (дата обращения: 15.10.2019).

Mulgan A.G. The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive. London: Routledge, 2018. 116 с.

Transcript: Donald Trump Expounds on His Foreign Policy Views // The New York Times. 26.03.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/03/27/us/politics/donald-trump-transcript.html?_r=1 (дата обращения: 14.10.2019).

Абэ найкаку со:ридайдзин кисякайкэн : [Пресс-конференция премьер-министра Абэ] // Канцелярия премьер-министра Японии. 11.09.2019. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/0911kaiken.html (дата обращения: 15.10.2019).

Дзэнтэй наси хэйва дзё:яку. Пу:тин си но тэйан о хитэй. Суга Ёсихидэ камбо:тё:кан «Хоппо: ёнто: но кидзоку кайкэцу ситэ тэйкэцу» : [Мирный договор без предварительных условий. Предложение Путина отвергнуто, генеральный секретарь кабинета Суга Ёсихидэ подчеркнул, что «договор будет заключён после решения вопроса принадлежности четырёх северных островов] // The Sankei News. 12.09.2018. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/180912/pl1809120014-n1.html> (дата обращения: 16.10.2019).

Нихон но гэнсою юню: айтэоку дзё:и 10 ка коку но суйи : [Динамика 10 ведущих стран-экспортёров сырой нефти в Японию] // Таможня Японии. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_2.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

Нихон но рё:до о мэгуру дзё:сэй. Хоппо: рё:до : [Ситуация по вопросу территории Японии. Северные территории] // МИД Японии. 06.04.2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/index.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Нихон но экика тэннэн гасу юню: айтэоку дзё:и 10 ка коку но суйи : [Динамика 10 ведущих стран-экспортёров сжиженного природного газа в Японию] // Таможня Японии. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_3.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

Сё:хидзэй дзо:дзэй ни сансэй 52 %, сякай хосё:хи «тайсаку га хицуё:» 85 % : [52 % – согласны с повышением налога на потребление, 85 % – считают, что «необходимы меры» по вопросу о расходах на социальное обеспечение] // Нихон кэйдзай симбун. 13.09.2019. URL:

<https://www.nikkei.com/article/DGXMZO49770560T10C19A9EA2000/> (дата обращения: 15.10.2019).

Тай ро гайко: но кихонтэки на кангаэката : [Базовая позиция по вопросу об отношениях с Россией] // МИД Японии. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000044685.pdf> (дата обращения: 16.10.2019).

Тю:ки бо:эйрёку сэйби кэйкаку (хэйсэй 31 нэндо – хэйсэй 35 нэндо) : [Среднесрочный план развития оборонного потенциала (2019–2023 ф.г.)] // Министерство обороны Японии. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

Хоппо: рё:до 2 то: сэнко: 46 %, 2 то: дакэ хэнкан ва 5 % ёрон тё:са : [По результатам опроса общественного мнения, 46 % – выступают за то, чтобы сначала вернуть два острова Северных территорий, 5 % – согласны с возвращением только двух островов] // Нихон кэйдзай симбун. 25.11.2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO38162370V21C18A1PE8000/> (дата обращения: 15.10.2019).

Хэйсэй 31 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко: : [Руководящие принципы программы национальной обороны на период с 2019 ф.г.] // Министерство обороны Японии. URL: <https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

REFERENCES

Bloomberg. (2018). Dying Father's Dream Drives Abe to Seek Peace on Putin's Terms, 21 December. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-20/dying-father-s-dream-drives-abe-to-seek-peace-on-putin-s-terms> (accessed: 15 October 2019).

Brown, J. (2019). Japan-Russia Relations and the Miraculous Revival of Suzuki Muneo, *Japan Focus*, 15 September. URL: <https://apjjf.org/2019/18/Brown.html> (accessed: 15 October 2019).

Embassy of Japan in Russia. God Yaponii v Rossii. Otchet o meropriyatiyakh 2018–2019 gg. [Year of Japan in Russia. Report about Events, 2018–2019]. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/japan2018/ru/report/index.html> (accessed: 12 October 2019). (In Russian).

Embassy of Russia in Vietnam. (2019). Vystupeniye i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova na Rossiysko-v'yetnamskoy konferentsii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» [Speech and Answers to Questions by Russia's Foreign Minister S.V. Lavrov at the Russian-Vietnamese Conference of the Valdai International Discussion Club], 25 February. URL: https://vietnam.mid.ru/glavnaa/-/asset_publisher/8bS1GZM3UyQH/content/vystuplenie-i-otvety-na-voprosy-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-rossijsko-v-etnamskoj-konferencii-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-v (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Federal Customs Service of Russia. Itogi vneshney trgovli s osnovnymi stranami. Yanvar'-iyul' 2019 g. [Results of Foreign Trade with Key Countries. January-July 2019]. URL: http://customs.ru/storage/document/document_statistics_file/2019-09/10/5YqM/WEB_UTSA_09.xls (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Interfaks. (2019). Lavrov osudil prizyv sovetnika Abe k SShA o podderzhke peregovorov po mirnomu dogovoru [Lavrov Condemned Abe Aide's Call to USA to Support the Peace Treaty

Talks], 14 January. URL: <https://www.interfax.ru/russia/646074> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Japan Customs. Nihon no ekika tennen gasu yunyū aitekoku jōi 10 ka koku no suii [The Dynamic of 10 Leading Liquefied Natural Gas Exporter Countries to Japan]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_3.pdf (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Japan Customs. Nihon no gensoyu yunyū aitekoku jōi 10 ka koku no suii [The Dynamic of 10 Leading Crude Oil Exporter Countries to Japan]. URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_2.pdf (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Kazakov, O.I. (2016). O «khikivake» v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [«Hikiwake» in Russian-Japanese Relations: Both Sides No Gain], *Japanese Studies in Russia*, 1: 47–58. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00006

Kistanov, V.O. (2015). Treugol'nik Rossiya-Yaponiya-Kitay vo vneshney politike Abe: territorial'nyy aspekt [The Russia-Japan-China Triangle in the Abe Foreign Policy: Territorial Aspect], in *Rossiyskoye yaponovedeniye segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanology Today: On the 20th Anniversary of the Association of Japanologists], Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2017). Rossiya i Yaponiya: aktual'nyye problemy otnosheniy [Russia and Japan: Urgent Problems of the Relations], *Actual Problems of Modern Japan*, 31: 7–26. (In Russian).

Lavrov, S.V. (2019). Mir na pereput'ye i sistema mezhdunarodnykh otnosheniy budushchego [World at a Crossroads and a System of International Relations for the Future], *Russia in Global Affairs*, 20 September. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh-otnoshenii-budushchego-20198> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Ministry of Defense of Japan . Chūki b ōeiryoku seibi keika ku (Heisei 31 nendo – Heisei 35 nendo) [Medium Term Defense Program (FY 2019 – FY 2023)]. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35.pdf (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Ministry of Defense of Japan . Heisei 31 nendo ikō ni kakawaru bōei keikaku no taikō [National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond]. URL: <https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218.pdf> (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Ministry of Foreign Affairs of Japan . (2016). Nihon no ryōdo wo meguru jōsei . Hoppō ryōdo [Situation Concerning Japan's Territory. Northern Territories], 6 April. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/index.html> (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2019). Diplomatic Bluebook 2019. Japanese Diplomacy and International Situation in 2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000515910.pdf> (accessed: 15 October 2019).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. Tai ro gaikō no kihonteki na kangaekata [Basic Position on Relations with Russia]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000044685.pdf> (accessed: 16 October 2019). (In Japanese).

Mulgan, A.G. (2018). *The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive*, London: Routledge.

Nihon Keizai Shimbun. (2018). Hoppō ryōdo 2 tō senkō 46 %, 2 tō dake henkan wa 5 % yoron chōsa [According to a Poll, 46 % Support Returning the Two Islands of the Northern Territories First, 5 % Support the Return of Only Two Islands], 25 November. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO38162370V21C18A1PE8000/> (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Nihon Keizai Shimbun . (2019). Shōhizei zōzei ni sansei 52 %, shakai hoshōhi “taisaku ga hitsuyo” 85 % [52 % Support the Consumption Tax Increase, 85 % Believe that “Measures Are Necessary” Concerning the Issue of Social Welfare Expenses], 13 September. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO49770560T10C19A9EA2000/> (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

Panov, A.N., et al. (2012). *Sovremennyye rossiysko-yaponskiye otnosheniya i perspektivy ikh razvitiya* [Contemporary Russo-Japanese Relations and the Prospects of their Development], Moscow: Spetskniga. (In Russian).

Panov, A.N., et al. (2019). *Perspektivy razvitiya rossiysko-yaponskikh otnosheniy na novom etape: rabochaya tetrad' № 50/2019* [The Prospects of Development of Russo-Japanese Relations at the New Stage: Working Paper No 50/2019], Moscow: NP RSMD. (In Russian).

Panov, A.N. (2019). *Sovetsko-yaponskaya sovместnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nelegkaya sud'ba posle ratifikatsii* [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: A Difficult Path to Signing, a Hard Destiny after the Ratification], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2: 63–94. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Portal of Foreign Economic Information. *Vneshnyaya trgovlya Rossii v 2016–2018 gg. (po dannym FTS Rossii)* [Foreign Trade of Russia in 2016-2018 (based on the date of the Federal Customs Service of Russia)]. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown/ (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

President of Russia. (2019). *Tseremoniya zakrytiya perekrestnykh godov Rossii i Yaponii* [Ceremony of Closing the Mutual Years of Russia and Japan], 29 June. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60858> (accessed: 14 October 2019). (In Russian).

President of Russia. (2019). *Zayavleniya dlya pressy po itogam peregovorov s Prem'yer-ministrom Yaponii Sindzo Abe* [Press Statements After the Talks with the Prime Minister of Japan Shinzo Abe], 22 January. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/JP/events/59714> (accessed: 16 October 2019). (In Russian).

Prime Minister's Office of Japan. (2019). *Abe naikaku sōridaijin kishakaiken* [Press Conference of Prime Minister Abe], 11 September. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2019/0911kaiken.html (accessed: 15 October 2019). (In Japanese).

RIA Novosti. (2018). *Putin i Abe aktiviziruyut peregovory na osnove deklaratsii 1956 goda* [Putin and Abe Will Speed Up Negotiations Based on the 1956 Declaration], 14 November. URL: <https://ria.ru/20181114/1532786816.html> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

RIA Novosti. (2019). *Pogranichniki Rossii i Yaponii zavershili morskoye ucheniya na yuge Sakhalina* [Border Guards of Russia and Japan Finished Sea Drill in the South of Sakhalin], 4 September. URL: <https://ria.ru/20190904/1558283896.html> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

RIA Novosti. (2019). Putin i Abe obsudili voprosy mirnogo dogovora i Kuril'skikh ostrovov [Putin and Abe Discussed the Issues of the Peace Treaty and the Kuril Islands], 5 September. URL: <https://ria.ru/20190905/1558329381.html> (accessed: 16 October 2019). (In Russian).

RIA Novosti. (2019). Putin zayavil o nevozmozhnosti sderzhivaniya Kitaya [Putin Stated the Impossibility of Containment of China], 3 October. URL: <https://ria.ru/20191003/1559414248.html> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Richard Nixon Foundation. Address to the Nation on the War in Vietnam. November 3, 1969. URL: <https://www.nixonfoundation.org/2017/09/address-nation-war-vietnam-november-3-1969/> (accessed: 15 October 2019).

Russian Foreign Trade. (2019). Torgovlya mezhdru Rossiiyey i Yaponiyey v 2018 g. [Trade between Russia and Japan in 2018], 9 February. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdru-rossiye-i-yaponiye-v-2018-g/> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Streltsov, D.V. (2016). Voprosy istoricheskogo proshlogo v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [Issues of Historical Past in Russian-Japanese Relations], Carnegie Moscow Center. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

Streltsov, D.V. (2017). Rossiysko-yaponskiy politicheskiy dialog v 2016–2017 gg. [Russian-Japanese Political Dialogue in 2016–2017], *Yearbook Japan*, 46: 26–44. (In Russian).

TASS. (2019). Lavrov: trebovaniya YAponii o vozvrate "severnykh territoriy" protivorechat Ustavu OON [Lavrov: Japan's Demands to Return the «Northern Territories» Contradict the UN Charter], 16 January. URL: <https://tass.ru/politika/6004351> (accessed: 15 October 2019). (In Russian).

TASS. (2019). SMI: v pravitel'stve YAponii pozitivno otsenili itogi peregovorov Abe i Putina [Media: The Japanese Government Positively Evaluated the Results of Talks of Abe and Putin], 6 September. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6851719> (accessed: 16 October 2019). (In Russian).

The Central Bank of the Russian Federation. (2019). Pryamyie investitsii v Rossiyskuyu Federatsiyu. Ostatki po instrumentam i stranam-partneram (po printsipu napravlenosti) [Direct investment in the Russian Federation. Positions by Instrument and Partner Country (Directional Principle)], 5 September. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/10-dir_inv.xlsx (accessed: 14 October 2019). (In Russian).

The Japan Times. (2016). Abe breaks ranks with Obama by visiting Putin, 6 May. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/05/06/national/abe-breaks-ranks-obama-meeting-putin-russia/> (accessed: 16 October 2019).

The Japan Times. (2019). Abe aide Katsuyuki Kawai seeks U.S. support for Japan's peace talks with Russia, 9 January. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/01/09/national/politics-diplomacy/abe-aide-seeks-u-s-support-japans-peace-talks-russia/> (accessed: 15 October 2019).

The Japan Times. (2019). Abe clears decks for debate on amending Japan's Constitution, 3 October. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/10/03/national/politics-diplomacy/abe-clears-decks-debate-amending-constitution/> (accessed: 15 October 2019).

The Japan Times. (2019). Abe rules out fourth term as head of Japan's LDP amid talk of tweaking rules to allow another run, 14 March. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/03/14/national/politics-diplomacy/abe-rules-fourth-term-head-japans-ldp-amid-talk-tweaking-rules-allow-another-run/> (accessed: 15 October 2019).

The New York Times. (2016). Transcript: Donald Trump Expounds on His Foreign Policy Views, 26 March. URL: https://www.nytimes.com/2016/03/27/us/politics/donald-trump-transcript.html?_r=1 (accessed: 14 October 2019).

The Sankei News. (2018). Zentei nashi heiwa jōyaku . Pūchin shi no teian wo hitei . Suga Yoshihide kanbōchōk an “Hoppō yontō no kizoku kaiketsu shite teiketsu” [Peace Treaty without Preliminary Conditions. Mr. Putin’s Proposal Rejected. Chief Cabinet Secretary Suga Yoshihide States that “Peace Treaty Will Be Concluded after the Issue of the Four Northern Islands Is Resolved], 12 September. URL: <https://www.sankei.com/politics/news/180912/pl1809120014-n1.html> (accessed: 16 October 2019). (In Japanese).

Torkunov, A.V., and M. Iokibe (ed.) (2015). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v formate parallel’noy istorii : kollektivnaya monografiya [Russo-Japanese Relations in the Format of Parallel History: A Collective Monograph], Moscow: MGIMO University. (In Russian).

Для цитирования: Нелидов В.В. Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 65–82. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012

For citation: Nelidov V.V. (2019). Rossijsko-yaponskie dvustoronnie otnosheniya: predely sbliženiya [Russian-Japanese bilateral relations: limits of rapprochement], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 2: 65–82. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10013

Перекрёстный год России и Японии (2018–2019): достижения и неудачи

О.И. Казаков

Аннотация. В статье анализируется прошедший впервые в двусторонних отношениях в 2018–2019 гг. Перекрёстный год России и Японии, который включал Год России в Японии и Год Японии в России. Этот межгосударственный проект, призванный улучшить атмосферу в отношениях между народами двух стран, стал значимым культурным событием в жизни россиян и японцев. Серия японских мероприятий в России немного улучшила отношение россиян к Японии на фоне её территориальных притязаний на «северные территории» – южные Курильские острова. В то же время политические ожидания японских политиков на подвижки в решении территориальной проблемы не оправдались. Однако Перекрёстный год заложил в формате «мягкой силы» основу дальнейшего развития двусторонних отношений на уровне народной дипломатии – «корней травы», а также способствовал открытию в 2020 г. нового межгосударственного проекта по улучшению взаимодействия между регионами России и Японии.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, перекрёстный год, народная дипломатия, «корни травы», «мягкая сила», культурные связи, территориальная проблема.

Автор: Казаков Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Cross-Year of Russia and Japan (2018–2019): achievements and failures

O.I. Kazakov

Abstract. Bilateral relations between Russia and Japan in the course of 2018–2019 Russian-Japanese Cross-Year are analyzed in the article. The said International Project, aimed at improving relations between the peoples of both nations involves the Year of Russia in Japan, and the Year of Japan in Russia. For both countries the Project has turned into a very meaningful cultural event. Several Japanese social events have improved the attitude of Russian public towards Japan despite the latter's territorial claims for the “Northern Territories” (the Kurile Islands). In the meantime the expectations of the Japanese politicians for the progress in solution of the territorial problem have not been justified. On the other hand, the Russian-Japanese Cross-Year has provided a “soft power” basis for the further development of bilateral relations and cultural links on the level of “grass roots” or “people's diplomacy”. It has also contributed into a start of a new bilateral Project aimed at improving mutual cooperation between certain regions of Russia and Japan.

Keywords: Japan, Russian-Japanese relations, Cross-Year, people's diplomacy, "grass roots", "soft power", cultural links, territorial issue.

Author: *Kazakov Oleg I.*, Head of Scientometrics and Information Technology Dept., Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Введение

Решение о проведении Перекрёстного года России и Японии было принято в декабре 2016 г. во время двухдневного визита президента России В.В. Путина в Японию, когда он провёл серию встреч с премьер-министром Японии Абэ Синдзо, другими официальными лицами, бизнес-элитой страны. Первый раунд российско-японских переговоров состоялся 15 декабря в Нагато – родном городе С. Абэ. 16 декабря в Токио лидеры двух стран продолжили консультации в расширенном формате. На прошедшей по результатам визита пресс-конференции В.В. Путин сказал: «Особое значение для развития тесных партнёрских отношений между Россией и Японией имеет сотрудничество в гуманитарной сфере, контакты между людьми, культурные, научные и образовательные обмены. Ежегодно организуются форумы ректоров вузов. В июне (2016 г. – *О.К.*) в Японии открылся одиннадцатый Фестиваль российской культуры. Убеждён, укреплению связей в этих сферах будет содействовать и проведение в 2017 г. фестиваля "Русские сезоны в Японии", а в 2018 г. – "перекрёстных годов" двух стран. Безусловно, мы с господином Премьер-министром будем уделять этому направлению нужное внимание» [Президент России, 16.12.2019].

16 декабря 2016 г. в г. Токио был подписан на японском и русском языках Меморандум о взаимопонимании между Правительством Японии и Правительством Российской Федерации относительно проведения Года Японии в России и Года России в Японии.

Политической особенностью является то, что идею Перекрёстного года России предложила Япония, и Кремль с этим проектом согласился. Очевидно, что проект взаимовыгоден для двух стран, поэтому в дальнейшем в своей реализации он не испытывал каких-либо препятствий политического характера.

В то же время, как представляется, Россия видела в этом проекте возможность улучшить отношения с Японией на фоне попыток изоляции России с помощью санкций со стороны ряда стран. Тем более что Япония входит в клуб G7, в котором остальные страны занимают более жёсткую позицию по вопросам антироссийских санкций. Также российская сторона заинтересована в привлечении японского бизнеса на Дальний Восток страны, и данный проект мог способствовать приходу японских инвесторов и бизнеса в этот регион. Однако интерес японской стороны к налаживанию отношений с Россией связан, прежде всего, с созданием благоприятной для решения территориальной проблемы атмосферы. В любом случае оказалось, что улучшение отношений выгодно и России, и Японии.

В итоге, в России был проведён Год Японии в России со слоганом: «Есть Япония, которую вы не знаете», а в Японии – Год России в Японии со слоганом: «Есть Россия, которую вы не знаете». Следует отметить, что даты начала и окончания данных

перекрёстных годов оказались размытыми¹, а некоторые мероприятия, которые стартовали во время Перекрёстного года, продолжаются и после его формального завершения.

Характерной имиджевой особенностью проведённого Перекрёстного года стало то, что «дорогу в жизнь» ему в России дал президент В.В. Путин, а в Японии – премьер-министр Абэ Синдзо, которых в обеих странах считают «сильными лидерами». В этом смысле региональным властям, прежде всего в России, из Кремля был дан чёткий сигнал о необходимости способствовать проведению мероприятий в рамках данного проекта, несмотря на продолжающиеся между странами переговоры по заключению мирного договора, которые в российском обществе часто вызывают негативную реакцию из-за позиции японской стороны по «возвращению северных территорий». Возможно, что успех проведения японской стороной Года Японии в России обусловлен именно тем, что В.В. Путин чётко отделил политические вопросы от гуманитарных. Другими словами, в России Перекрёстный год воспринимался исключительно как гуманитарный проект, призванный формировать атмосферу дружбы и сотрудничества между народами двух стран.

В японском русскоязычном буклете «Год Японии в России», изданном японской стороной в 2018 г. к церемонии открытия, на первых страницах – обращение двух лидеров – Абэ Синдзо и В.В. Путина к читателям на двух языках. Как представляется, этот имиджевый ход оказал позитивное влияние на проведение мероприятий Года Японии в России не только в столице, но и во многих других регионах и городах России.

Накануне открытия Перекрёстного года чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Кодзуки Тоёхиса дал интервью журналу «Огонёк». Он, в частности, сказал: «Японо-российские отношения имеют длинную историю, но до сих пор мы многого не знаем друг о друге. Желание двух лидеров – чтобы перекрёстный год послужил дальнейшему углублению взаимопонимания между нашими народами. Мы намерены знакомить россиян с самым широким спектром японской культуры – от традиционной до современной. Мероприятия охватят очень многие сферы, в том числе политику и экономику» [Есть Япония...]. В то же время российская сторона видела в данном проекте в основном культурную составляющую.

На церемонии открытия Перекрёстного года, которое состоялось 26 мая 2018 г. в Большом театре (рис. 1) и демонстрировалось по телеканалу «Россия – Культура», президент России В.В. Путин, в частности, отметил: «Российско-японские перекрёстные годы проводятся впервые. С инициативой их организации выступили наши японские коллеги, и мы эту инициативу, разумеется, поддержали. Российские министерства, общественно-политические и деловые круги в сотрудничестве с партнёрами из Японии сделали всё необходимое, чтобы идея проведения Года России в Японии и Года Японии в России получила практическое воплощение» [Президент России, 26.05.2018].

Также В.В. Путин отметил позицию России по Перекрёстному году: «В заключение вновь подчеркну, что реализация уникального проекта перекрёстных годов будет способствовать дальнейшему укреплению отношений добрососедства и партнёрства между Россией и Японией» [Там же].

В свою очередь С. Абэ сказал: «Считается, что Япония и Россия – близкие и в то же время далёкие страны, хотя и являются соседями, а японо-российские отношения таят в

¹ Нужно учитывать, что в Японии финансовый год начинается с 1 апреля, поэтому финансирование любых мероприятий закладывается, прежде всего, на период финансового, а не календарного года.

себе большой потенциал. Сейчас этот потенциал шаг за шагом реализуется. Граждане двух стран общаются друг с другом в различных областях и понимают друг друга. Это значительно сокращает расстояние между двумя странами, рождает серьезное доверие и дружбу. К такому светлому будущему нас ведёт нынешний перекрёстный год» [Там же].

Рис. 1. Церемония открытия перекрёстных годов России и Японии в Большом театре, Москва, 26 мая 2018 г. На сцене В.В. Путин (слева) и Абэ Синдзо (справа).
Фото с сайта Президента России.

На церемонии закрытия Перекрёстного года, которое прошло 29 июня 2019 г. в г. Осака после заседания G20 (рис. 2), премьер-министр Японии Абэ Синдзо сказал, что в России в рамках перекрёстных годов прошло более 600 мероприятий, в которых приняло участие более 1,5 млн человек. Среди этих мероприятий были такие, как гастролы театра кабуки, показательные выступления по искусству стрельбы из лука верхом на коне и обмены по боевому искусству. Все они очень хорошо передавали привлекательность Японии.

И в Японии люди смогли прикоснуться к сущности русской культуры, что является гордостью всего мира, в частности, к выставке живописи из собрания Пушкинского музея и к выступлениям балета Мариинского театра в Японии.

По мнению С. Абэ, за год народы Японии и России как никогда проявили интерес друг к другу и сблизились [Президент России, 29.06.2019].

И уже на церемонии закрытия С. Абэ анонсировал начало нового двустороннего проекта: «Сегодня японо-российский перекрёстный год заканчивается, но мы с Президентом Путиным приняли решение о начале первого в истории японо-российского года межрегиональных обменов с желанием распространения двусторонних контактов по всем уголкам обеих стран. Каждый регион обеих стран имеет свою традицию и характерные черты» [Там же].

В свою очередь, президент России В.В. Путин отметил, что программа перекрёстных годов получилась действительно яркой, масштабной, насыщенной интересными событиями. И она охватила практически все направления двустороннего взаимодействия: в культуре, искусстве, образовании, туризме.

Рис. 2. Церемония закрытия перекрёстных годов России и Японии в г. Осака, 29 июня 2019 г. Фото с сайта Президента России.

В частности, он сказал: «И в России, и в Японии успешно проведено более 700 <...> самых разных мероприятий. Это художественные выставки российских и японских музеев, кино- и театральные фестивали, музыкальные гастроли, заходы парусных судов в порты двух стран. Реализованы совместные проекты в таких областях, как здравоохранение, высокие технологии, городское управление. В России с успехом прошли выступления Японского дома боевых искусств “Ниппон Будокан”. В апреле японские туристы совершили ознакомительный тур по Транссибу в рамках маршрута “Следуя за солнцем”, проехав через всю Россию: от Владивостока до Москвы. На прошлой неделе в Санкт-Петербурге организован мастер-класс по реставрации японских мечей, находящихся в музейных коллекциях в России. Это первое и во многом уникальное событие такого рода в нашей стране» [Там же].

В заключении В.В. Путин поддержал своего коллегу С. Абэ, сказав о новом двустороннем проекте: «И как сказал Синдзо только что, мы договорились запустить новый проект – Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов. Мне особенно приятно сказать об этом здесь, в Осаке, – городе-побратиме моего родного Санкт-Петербурга. Эта важная инициатива призвана придать новое качество разноплановым взаимовыгодным связям между регионами России и Японии» [Там же].

Таким образом, закрытие Перекрёстного года не привело российско-японские отношения к заметному «периоду охлаждения», а плавно подвело к периоду подготовки нового проекта по сотрудничеству между регионами России и Японии. В итоге, 2020 г. станет Годом российско-японских межрегиональных и побратимских обменов². И такого рода год также будет проводиться между странами впервые в истории.

² Ожидается, что он пройдёт не только в календарном 2020 г., но и захватит 2021 г.

Год России в Японии

Основой Года России в Японии стал Фестиваль российской культуры³, который в 2018 г. отметил 13-летнюю годовщину. Решение о проведении ежегодного Фестиваля было принято в 2006 г. президентом России В.В. Путиным и правительством страны и согласовано на высшем уровне с руководством Японии.

Целевая аудитория Фестиваля российской культуры в Японии – это срез современного японского общества, включая детей, школьников, студентов, представителей среднего, старшего и пожилого возрастов, людей самых разных профессий и интересов. По существу, это в основном средний класс, люди, начинающие и уже давно интересующиеся российской культурой и искусством. Фестиваль даёт им широкие возможности для удовлетворения своих культурных интересов, и, благодаря этому, в японском обществе формируется положительное восприятие соседней страны – России. Фестиваль не носит коммерческого характера, часть выступлений наших артистов японский Оргкомитет проводит при содействии различных муниципальных образований, в частности, для детей, людей с ограниченными возможностями и переселенцев из районов стихийных бедствий, например, после землетрясения и аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. Общее количество российских участников Фестиваля составляет ежегодно 400–500 человек. Фестиваль продолжается 7–10 месяцев в году.

По договоренности на высшем уровне, для координации деятельности, связанной с вопросами проведения фестивальных мероприятий, в обеих странах созданы Оргкомитеты. Российский Оргкомитет Фестиваля с 2016 г. возглавляет специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой. Японский Оргкомитет Фестиваля с 2016 г. возглавляет Комура Масахико – депутат парламента, заместитель председателя правящей Либерально-демократической партии Японии, известный политик, юрист, в своё время занимавший важные государственные посты министра обороны, юстиции, иностранных дел Японии. У Японского Оргкомитета Фестиваля имеется специализированный японо-язычный сайт [Россия бунка фэсутибару...].

Фестиваль с каждым годом получает всё бóльший отклик в японских СМИ, а в его проведении участвуют также волонтеры из общественных организаций, выступающих за развитие дружественных отношений с Россией. Японский Оргкомитет Фестиваля создал Клуб друзей Фестиваля российской культуры, члены которого имеют определённые льготы при посещении фестивальных мероприятий, например, возможность встречи с любимыми артистами и др. На японском сайте Фестиваля имеется блог, в котором организаторы и зрители активно делятся своими впечатлениями о фестивальных мероприятиях.

Фестиваль 2018 г. стал важнейшей частью Года России в Японии – его программа была особенно насыщена и многообразна.

Основная программа мероприятий началась 1 мая и закончилась 30 декабря. Однако по согласованию японского и российского Оргкомитетов, дополнительно в Фестиваль 2018 г. были включены также мероприятия, прошедшие до формального открытия фестивальной программы. Это связано с тем, что для многих мероприятий просто не хватило площадок для выступлений в ограниченное «договорными» рамками время. Фестиваль фактически начался

³ Начиная с 2006 г. проводится на ежегодной основе в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 1425-р.

с февраля месяца. Официальная церемония открытия Фестиваля, по просьбе руководства российского Оргкомитета и Посольства России в Японии, была назначена на 12 июня 2018 г. – в День России и совмещена с церемонией открытия Года России в Японии. Открытие прошло в концертном зале «Сантори-холл» (г. Токио) (рис. 3). Фестиваль начался концертом Российского национального оркестра под управлением народного артиста РСФСР М.В. Плетнёва (рис. 4).

В своём выступлении на открытии Фестиваля М.Е. Швыдкой ознакомил присутствующих с обращением Президента России В.В. Путина к участникам и гостям Фестиваля российской культуры в Японии – 2018. В нём, в частности, президент России выразил уверенность в том, что «столь масштабные культурные мероприятия, несомненно, придадут значительный импульс развитию российско-японских гуманитарных связей, будут способствовать расширению прямых контактов между гражданами наших государств» [Участникам и гостям...].

Рис. 3. На открытии 13-го Фестиваля российской культуры в Японии с приветственными словами выступили председатели Оргкомитетов: от России – М.Е. Швыдкой (слева), от Японии – Комура Масахико (справа). Фото Японского Оргкомитета Фестиваля.

В 2018 г. было проведено 48 мероприятий (31 мероприятие по основной программе и 17 дополнительных, добавленных в программу Японским Оргкомитетом позднее в течение года). Фестиваль 2018 г. собрал более 1,63 млн зрителей. Он прошёл в более 40 административных единицах – городах и посёлках. Всего же, по подсчётам Японского Оргкомитета, включая выступления японских и российских артистов и деятелей культуры, выставочную работу в демонстрационных залах, а также многочисленные сеансы кинопоказов, японские зрители в 2018 г. знакомились с фестивалем более 1 200 раз. Число участников из России составило 535 человек.

Работа Министерства культуры РФ, МИД России, Общества «Россия–Япония» при участии и поддержке Посольства России в Японии и ряда других государственных и общественных структур России и Японии, а также работа, проделанная российским и японским Оргкомитетами, позволили не только познакомить японских зрителей с культурными традициями России, но и наметить пути к дальнейшему укреплению добрососедских и дружественных отношений с Японией.

Однако помимо культурных мероприятий, в Японии прошли и мероприятия, ориентированные на развитие бизнес-контактов двух стран. Например, 24 мая 2019 г. в г. Токио в зале приёмов Федерации японского бизнеса (*Кэйданрэн*) открылся форум «Транссиб для Японии», организатором которого выступили ОАО «Российские железные дороги» (РЖД). По сообщению российской стороны, с июля по декабрь 2018 г. в рамках совместной программы тестовых перевозок, разработанной ОАО «РЖД» и Минтрансом Японии, «РЖД Логистика» организовала ряд отправок из Японии в Россию. Срок доставки по железной дороге от портов Дальнего Востока до Москвы составил 7 суток. В целом предлагаемый российской стороной сервис будет интересен японским компаниям, предпочитающим доставку just-in-time, в первую очередь, осуществляющим перевозку товаров с ограниченным сроком годности – новой техники, пищевых продуктов, сезонных товаров, косметики и других, а также для грузов с незначительной транспортной составляющей в цене. Сегодня сроки доставки от портов Японии до портов Европы составляют до 50 суток, в то время как по железной дороге в рамках проекта Trans-Siberian Landbridge гарантируется движение строго по расписанию с временем в пути от порта в Японии до точки в Европе от 19 суток [Холдинг РЖД представил...].

Рис. 4. Постер выступления Российского национального оркестра под руководством М.В. Плетнёва на открытии Фестиваля. Из открытых источников.

Год Японии в России⁴

«Мягкая сила» Японии успешно реализуется в России особенно после распада СССР, когда идеологическое противостояние между странами осталось в прошлом, Россия признала наличие с Японией территориальной проблемы, а Япония по разным каналам стала более активно продвигать свою позицию по мирному договору и «возвращению северных территорий». Для создания благоприятной для ведения переговоров атмосферы, создания положительного имиджа страны и увеличения количества японофилов в России Япония проводит, например, ежегодные фестивали «Японская осень» (проводится с 1995 г.) и «Японская весна» (проводится с 2000 г.). Их организацию осуществляет

⁴ В данной главе автор не ставит целью оценивать деятельность российских регионов в проведении Года Японии в России – регионы и организации упоминаются лишь в качестве примеров.

координационный комитет, в состав которого входят представители Посольства Японии в России, Japanese Business Club и Японского центра МГУ.

Поскольку проведение Года Японии в России координировало Посольство Японии в России, и именно на сайте Посольства была размещена программа Года, то основной интерес представляет позиция Посольства по данному вопросу. По информации японской стороны, Год Японии в России был разделен на несколько периодов, или «волн».

Первая волна – подготовительный период и майская церемония открытия, призванные предоставить широкой общественности информацию о предстоящем Годе.

Вторая волна – сезон летних каникул в июле и августе, когда трудно обеспечить посещаемость мероприятий. Для привлечения посетителей была организована «Неделя Японии в Москве». В её рамках прошёл летний фестиваль J-FEST и показательные выступления по *ябусамэ* (рис. 5), в результате которых более 100 тыс. человек приняли участие в J-FEST, а 12 тыс. человек посмотрели *ябусамэ*. Мэр Москвы С.С. Собянин прорекламирал J-FEST в социальных сетях за день до фестиваля, что дало дополнительный эффект и обеспечило широкое участие россиян в японском фестивале.

Рис. 5. Плакат одного из наиболее массовых и ярких мероприятий в г. Москве.

Ябусамэ – это японское традиционное искусство стрельбы из лука на скаку.
Из открытых источников.

Третья волна – сентябрь, когда в России начинается сезон культуры. В дополнение к гастролям театра Кабуки, которые прошли в Москве и Санкт-Петербурге при содействии Театрального фестиваля им. Чехова, была проведена «Выставка живописи эпохи Эдо» в Пушкинском музее. На ней были представлены экспонаты со статусом национальных

сокровищ или важного культурного достояния, которые почти никогда не бывают за пределами Японии. Экспозиция продлилась 8 недель, её посетило более 120 тыс. человек. Эти мероприятия стали без преувеличения легендой Года Японии: они познакомили россиян с лучшими образцами японской культуры, по достоинству привлекли внимание истинных ценителей искусства.

Четвёртая волна прошла с октября по декабрь: в этот период с целью охвата Годом всех регионов были проведены фестивали «Японская осень в регионах», что укрепило связи Посольства с региональными правительствами. Прошло много средне- и крупномасштабных японских фестивалей. Крупномасштабные японские фестивали прошли в г. Екатеринбург и г. Казань совместно с местными областным и республиканским правительствами. Некоторые регионы сами составили годовой план мероприятий по Японии. В Красноярском крае в такой план вошло 20 мероприятий, в Нижегородской области – около 60. С учётом этих годовых планов Посольство добавило свои кинофестивали и другие мероприятия, и в итоге были проведены «Дни японской культуры в Красноярском крае» и фестиваль «Японская осень в Нижнем Новгороде».

Также состоялись среднемасштабные фестивали, в которых мероприятия региональных отделений Общества «Россия – Япония» (ОРЯ) сочетались с мероприятиями Посольства. Например, «Месячник Японии в Новосибирске», в который вошли организованный местным отделением ОРЯ фестиваль «Японская осень в Сибири» и ряд мероприятий Ассоциации японо-российских обменов. В г. Челябинск к мероприятиям, подготовленным местным отделением ОРЯ, была добавлена передвижная выставка японских кукол, показ фильма «Война цветов» и другие мероприятия. Таким образом прошли «Дни Японии в Челябинске». Были также проведены 15-е «Дни Японии в Оренбурге». В Ульяновской области успешно прошёл III Международный форум «Японская весна на Волге». В Алтайском крае активную работу провёл клуб «Клан Такеда».

Пятая волна – это период с января 2019 г.: учитывая уже достигнутые результаты, были реализованы проекты, которые могли бы заинтересовать Японией тех, кто раньше ею не интересовался. Состоялся фотоконкурс в социальных сетях. В 10 городах были установлены инсталляции, на фоне которых могли фотографироваться все желающие. Эти фотографии затем выкладывались на специальном сайте, где проводилось голосование. В этом фотоконкурсе приняло участие более 70 тыс. человек, а количество просмотров превысило 450 тыс. человек. В Ботаническом саду при МГУ была создана японская чайная комната, где прошла «Большая чайная церемония в Москве».

Отзвуки Перекрёстного Года оставались и после его завершения: в июле была проведена «Неделя Японии в Москве» – как неофициальное закрытие Перекрёстного Года. После чего началась «Японская осень – 2019».

В июльском 2019 г. интервью «Российской газете» Посол Японии в России Кодзуки Тоёхиса сказал о прошедшем Гode Японии в России: «Японская культура очень разнообразна, поэтому трудно выделить что-то одно, что привлекает россиян больше всего. Но девиз “Есть Япония, которую вы не знаете” обязывал нас искать новые и свежие формы.

Попробую привести несколько конкретных примеров. В сентябре состоялись гастроли театра Сётику Гранд Кабуки. Осенью в Государственном музее изобразительных искусств (ГМИИ) имени А.С. Пушкина прошла выставка “Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо”. В рамках экспозиции было представлено 135 экспонатов, из которых два произведения со

статусом национального сокровища, девять со статусом особо ценного объекта культуры и шесть со статусом особо ценных предметов искусства. За два месяца выставку посетили более 120 тыс. человек. В январе этого года была показана хореографическая драма-экшн “Самурай Нобунага” с элементами традиционного японского танца и русского балета – замечательное соединение культур двух стран на одной сцене.

В рамках Года Японии в России уже состоялось около 600 различных мероприятий, в них приняли участие более 1,6 млн человек. Перекрёстный год оставил значительный след в истории японо-российских отношений. Хочу поблагодарить всех участников и тех, кто помогал нам в организации этого мероприятия» [По-русски говоря...].

По информации японской стороны, в Год Японии в России пришлось: на сферу культуры – около 60 % мероприятий; сферу образования – более 7 %; спортивных, молодёжных и других гуманитарных обменов – более 15 %; научную сферу – более 8 %.

В целом можно констатировать, что хотя Год Японии в России закончился, но мероприятия по ознакомлению россиян с Японией продолжают в старых и новых форматах.

Некоторые организационные вопросы

Базовая финансовая поддержка проведению Года Японии в России принадлежит Японскому фонду (ЯФ, Japan Foundation), а Года России в Японии – Министерству культуры Российской Федерации.

Японский фонд является одним из ключевых финансовых инструментов «мягкой силы» Японии. Это единственная в Японии организация, осуществляющая всестороннюю деятельность по культурным обменам между Японией и другими странами по всему миру. ЯФ ставит своей целью внести вклад в дело построения фундамента гармоничного сосуществования народов Японии со странами мира. Финансирование ЯФ осуществляется правительственными капиталовложениями (правительственные субсидии), а также пожертвованиями со стороны компаний и частных лиц. ЯФ имеет главный офис в Токио и филиал в Киото, две подчинённые структуры в Японии (Институт японского языка в Урава и Институт японского языка в Кансай), а также 24 зарубежных отделения в 23 странах мира, включая Россию, Китай, Республику Корея, Вьетнам и другие страны АСЕАН [Японский фонд...].

Однако помимо ключевых финансовых «игроков», за которыми стоит, прежде всего, государство, реализующее свои проекты в формате «мягкой силы», в организации и проведении мероприятий Перекрёстного года приняли участие и другие структуры, как благотворительные, так и коммерческие.

Например, в последние годы в российско-японских отношениях стал значительную роль играть Международный фонд Шодиева (МФШ, International Chodiev Foundation) – неправительственная благотворительная организация, созданная в 1996 г. бизнесменом и филантропом Фаттахом Каюмовичем Шодиевым. МФШ организует и финансирует мероприятия, как на территории России, так и на территории Японии [Международный фонд Шодиева...].

В 2019 г. деятельность Фонда была заслуженно оценена сразу в двух странах. За активную работу по развитию отношений между Японией и Россией Международный фонд Шодиева был награждён почётной грамотой министра иностранных дел Японии.

Церемония награждения была проведена в Москве в резиденции посла Японии в сентябре 2019 г. В то же время 15 ноября 2019 г. в рамках VIII Санкт-Петербургского международного культурного форума в шестой раз прошло награждение премией «Меценат года». В главной номинации победителем стал основатель МФШ Фаттах Шодиев. Премию, которая была присуждена за генеральное спонсорство гастролей труппы театра Кабуки в России, вручил Ф.К. Шодиеву министр культуры России В.Р. Мединский [Владимир Мединский...].

Отметим, что награды японцам со стороны России и награды россиянам со стороны Японии также являются частью «мягкой силы» каждой из стран. Такая практика существует ещё со времён Советского Союза: даже в расколотом на два лагеря (социализма и капитализма) мире велась работа по награждению граждан другой страны, внёсших значительный вклад в развитие дружеских и добрососедских отношений между народами двух стран.

В разных мероприятиях Перекрёстного года также участвовали некоммерческие организации России и Японии. Так, Год Японии в России во многом прошёл успешно благодаря некоммерческим организациям, работающим с Японией. Доминирующую роль в этом сыграли региональные отделения Общества «Россия–Япония», действующие более чем в половине регионов Российской Федерации [Общество «Россия – Япония»...]. Именно они стали региональными точками опоры для проведения мероприятий, выполняя также организационно-технические функции взаимодействия между региональной российской властью и японской стороной. Практика подобного взаимодействия способствует созданию устойчивой системы продвижения в регионах России проектов, знакомящих граждан страны с Японией.

Такая связка – государственные федеральные и региональные структуры, коммерческие фирмы и некоммерческие организации – приводит к своеобразному синергетическому эффекту, выражаемому в вовлечении в проект широких слоёв граждан двух стран, что во многом является залогом успеха проводимых мероприятий.

Опросы общественного мнения в России зафиксировали, что одним из эффектов проведённого Года Японии в России стало улучшение отношения россиян к Японии, что, вероятно, привело и к появлению новых японофилов. Однако, по данным 2018 г., проведение Года России в Японии к заметному количественному результату не привело: доля симпатизировавших в 2018 г. России японцев остаётся на уровне 18 % (негативно относятся порядка 80 %) [Казаков О.И., 2019]. Возможно, что дальнейшее развитие российско-японских отношений в практических плоскостях сотрудничества улучшат данные показатели Японии.

Заключение

Опыт проведения Перекрёстного года России и Японии в 2018–2019 гг. требует дополнительного изучения. Однако уже сейчас можно сформулировать некоторые выводы.

1. Перекрёстный год России и Японии стал уникальным гуманитарным проектом, успешно проведённым на территории двух стран. Причём лидеры России и Японии наметили продолжение двусторонних отношений на государственном уровне, согласившись провести в 2020 г. Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов с целью сохранить позитивный настрой в отношениях.

2. Одной из основных целей Перекрёстного года ставилось создание благоприятной атмосферы, способной создать почву для дальнейшего развития отношений во всех сферах сотрудничества. Но несмотря на позитивный эффект от его проведения, он, например, не привёл к подписанию мирного договора с решением территориальной проблемы. В настоящее время японская сторона продолжает предпринимать дальнейшие дипломатические усилия по продвижению к подписанию мирного договора. Тем не менее улучшение климата в отношениях в целом способствует развитию экономики и бизнеса, науки и образования, культуры, спорта и туризма. И в этом заинтересованы обе страны.

3. Для улучшения отношения японцев к России, очевидно, требуются дополнительные усилия российской стороны. Вероятно, необходимы реальные подвижки по проблемным вопросам, например, в вопросе совместного экономического освоения южных Курильских островов. А учитывая прагматический характер японцев, успешные совместные проекты в разных областях сотрудничества будут способствовать появлению в Японии новых русофилов.

4. Несмотря на не всегда совпадающие интересы России и Японии в вопросах сотрудничества (прежде всего в сфере обеспечения безопасности), проведение широкомасштабных культурных мероприятий в рамках «мягкой силы» двух стран является взаимовыгодными проектами. Такие проекты должны опираться не только на государственные структуры, но и на коммерческие компании и общественные организации, участвующие в развитии двусторонних отношений. Данная практика может быть применима и в отношении России с другими странами.

5. Следует отметить, что заявления некоторых российских деятелей о целесообразности отказа от «мягкой силы» в пользу более жёстких, прежде всего силовых мер в отношении Японии, несомненно, не решит никаких проблем, а только ухудшит двусторонние отношения и может серьёзным образом подорвать позиции России на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Владимир Мединский вручил премии «Меценат года» // Министерство культуры РФ. 15.11.2019 11:24. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/vladimir_medinskiy_vruchil_premiyu_metsenat_goda/ (дата обращения: 15.11.2019).

Есть Япония, которую вы не знаете // Огонёк. № 14. 16.04.2018. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3598626> (дата обращения: 06.11.2019).

Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров // Президент России. 16.12.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474> (дата обращения: 06.11.2019).

Казаков О.И. Об отношении японцев к другим странам и россиян к Японии в 2018 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 24–36.

Международный фонд Шодиева (англ. International Chodiev Foundation). URL: <https://internationalchodievfoundation.com/> (дата обращения: 15.11.2019).

Общество «Россия–Япония» (англ. “Russia-Japan” Society). URL: <http://russiajapansociety.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

Открытие перекрёстных годов России и Японии // Президент России. 26.05.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57567> (дата обращения: 06.11.2019).

По-русски говоря // Российская газета. 09.07.2019 18:49. URL: <https://rg.ru/2019/07/09/kodzuki-v-2018-godu-iaponiiu-posetilo-rekordnoe-kolichestvo-rossiiian.html> (дата обращения: 15.11.2019).

Участникам и гостям «Фестиваля российской культуры в Японии – 2018» // Президент России. 12 июня 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/57728> (дата обращения: 15.11.2019).

Холдинг РЖД представил грузоотправителям проект «Транссиб для Японии» // Российские железные дороги. 24.05.2019 14:51. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&id=93839 (дата обращения: 15.11.2019).

Церемония закрытия перекрёстных годов России и Японии // Президент России. 29.06.2019 12:40. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60858> (дата обращения: 06.11.2019).

Россия бунка фэсутибару : [Фестиваль российской культуры в Японии]. URL: <http://www.russian-festival.net/> (дата обращения: 15.11.2019). (На яп.).

Японский фонд (англ. Japan Foundation). URL: <http://www.jpf.go.jp/> (дата обращения: 15.11.2019). (На яп. и англ.).

REFERENCES

Est' Yaponiya, kotoruyu vy ne znayete [There is Japan you do not know], *Ogonyok*, No. 14, 16 April 2018. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3598626> (accessed: 6 November 2019). (In Russian).

International Chodiev Foundation. URL: <https://internationalchodievfoundation.com/> (accessed: 15 November 2019).

Japan Foundation. URL: <http://www.jpf.go.jp/> (accessed: 15 November 2019). (In Japanese and English).

Kazakov O.I. (2019). Ob otnoshenii yapontsev k drugim stranam i rossiyan k Yaponii v 2018 godu [The attitude of the Japanese to other countries and the Russians to Japan in 2018], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 1: 24–36. (In Russian).

Kholding RZHD predstavil gruzootpravitel'nyam proyekt "Transsib dlya Yaponii" [Russian Railways Holding presented shippers the Transsiberian for Japan project], *Rossiyskiye zheleznyye dorogi*. 24 May 2019 14:51. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&id=93839 (accessed: 15 November 2019). (In Russian).

Obshchestvo "Rossiya-Yaponiya" ["Russia-Japan" Society]. URL: <http://russiajapansociety.ru/> (accessed: 15 November 2019). (In Russian).

Otkrytiye perekryostnykh godov Rossii i Yaponii [Opening of the Cross-Years of Russia and Japan], *Prezident Rossii* [President of Russia], 26 May 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57567> (accessed: 6 November 2019). (In Russian).

Po-russki govorya [In Russian speaking], *Rossiyskaya gazeta*, 9 July 2019, 18:49. URL: <https://rg.ru/2019/07/09/kodzuki-v-2018-godu-iaponiiu-posetilo-rekordnoe-kolichestvo-rossiiian.html> (accessed: 15 November 2019). (In Russian).

Roshia bunka fesutibaru [Festival of Russian Culture in Japan]. URL: <http://www.russian-festival.net/> (accessed: 15 November 2019). (In Japanese).

Tseremoniya zakrytiya perekryostnykh godov Rossii i Yaponii [The closing ceremony of the Cross years of Russia and Japan], *Prezident Rossii* [*President of Russia*], 29 June 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60858> (accessed: 6 November 2019). (In Russian).

Uchastnikam i gostyam “Festivalya rossiyskoy kul’tury v Yaponii – 2018” [To participants and guests of the “Festival of Russian Culture in Japan – 2018”], *Prezident Rossii* [*President of Russia*], 12 June 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/57728> (accessed: 15 November 2019). (In Russian).

Vladimir Medinskiy vruchil premii “Metsenat goda” [Vladimir Medinsky presented the “Patron of the Year” Prize], *Ministerstvo kul’tury RF* [*Ministry of Culture of the Russian Federation*]. 15 November 2019 11:24. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/vladimir_medinskiy_vruchil_premiyu_metsenat_goda/ (accessed: 15 November 2019). (In Russian).

Zayavleniya dlya pressy i otvety na voprosy zhurnalistov po itogam rossiysko-yaponskikh peregovorov [Press statements and answers to journalists' questions following Russian-Japanese talks], *Prezident Rossii* [*President of Russia*], 16 December 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474> (accessed: 6 November 2019). (In Russian).

Для цитирования: Казаков О.И. Перекрёстный год России и Японии (2018–2019): достижения и неудачи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 83–97. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10013

For citation: Kazakov O.I. (2019). Perekryostnyy god Rossii i Yaponii (2018–2019): dostizheniya i neudachi [Cross-Year of Russia and Japan (2018–2019): achievements and failures], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2019, 2: 83–97. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10013

DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10014

Вьетнамская каллиграфия: прошлое и настоящее

А.И. Донченко

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу возникновения и развития искусства каллиграфии во Вьетнаме, а также истории культурного влияния Китая на появление нового и самобытного направления в мировом искусстве – современной вьетнамской каллиграфии. В статье проводится сравнительный анализ некоторых норм китайской каллиграфии и современной вьетнамской каллиграфии. История вьетнамской письменности прошла долгий и сложный путь, перейдя после длительного периода использования китайской иероглифики к созданию собственной письменности на основе латинского алфавита. В настоящее время искусство красивого письма во Вьетнаме претерпевает большие изменения, но уже с уверенностью можно сказать, что появление современной вьетнамской каллиграфии стало новым этапом развития национального искусства этой страны. Совместив в себе культуру Запада и Востока, современная вьетнамская каллиграфия стала гармоничным продолжением культурных традиций.

Ключевые слова: Вьетнам, каллиграфия, искусство, культура, современное искусство, вьетнамская каллиграфия.

Автор: Донченко Анна Ильинична, переводчик Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.com

The Vietnamese calligraphy: the past and present

A.I. Donchenko

Abstract. This article is devoted to the emergence and development of the art of calligraphy in Vietnam and how the long history of the cultural influence of China has affected the appearance of a new and distinctive trend in the world art - the contemporary Vietnamese calligraphy. A comparative analysis of some norms of Chinese calligraphy and contemporary Vietnamese calligraphy is also carried out. The history of Vietnamese writing has come a long and difficult way, having passed, after a long period of using the Chinese character, to the creation of their own writing based on the Latin alphabet. Currently, the art of beautiful writing in Vietnam is undergoing major changes, but it can already be stated with confidence that the appearance of the modern Vietnamese calligraphy has become a new stage in the development of the national art of this country. Combining the culture of West and East, modern Vietnamese calligraphy has become a harmonious continuation of cultural traditions.

Keywords: Vietnam, calligraphy, art, culture, contemporary art, Vietnamese calligraphy.

Author: Donchenko Anna I., translator of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.com

Более тысячи лет Вьетнам находился под властью Китая, длительное время испытывая сильное культурное влияние Поднебесной. На протяжении этого периода происходил постоянный синтез двух культур, и в результате этого процесса в конце XX в. появилось уникальное для мирового искусства явление – современная вьетнамская каллиграфия, сочетание «души» Востока с латинским алфавитом Запада. Понимание процесса развития и формирования вьетнамской каллиграфии является частью подтверждения давних, разнообразных и уникальных традиций вьетнамской культуры.

Развитие письменности и каллиграфии во Вьетнаме

После объединения Китая в 221 г. до н. э. империя Цинь под лозунгом «всеобщего умиротворения» начинает проводить политику территориальных захватов и направляет свои войска на завоевание южных земель. Первые военные походы не принесли желаемого результата. Только предположительно в 179 г. до н. э. циньскому чиновнику Чжао То, захватившему три южнокитайских округа и создавшему на их территории государство Намвьет, удалось захватить древнее вьетское государство Аулак [История Вьетнама, 1983, с. 42]. Государство Аулак располагалось в основном на территории нынешнего Северного Вьетнама и северной части Центрального Вьетнама. На захваченные территории были направлены китайские чиновники и войска, основавшие военные поселения. Таким образом, была принесена во Вьетнам и стала использоваться для осуществления государственного управления и торговли китайская иероглифическая письменность. В 111 г. до н. э. в результате военного вторжения ханьской армии государство Намвьет было ликвидировано, и вся территория перешла в руки династии Хань [Китай и его соседи в древности и средневековье, 1970, с. 60]. В целях подготовки преданных кадров местной администрации, а также для распространения китайской идеологии и морали было основано несколько школ. Этим целям полностью соответствовало обучение молодёжи китайской иероглифике и соблюдение ритуалов и обычаев Ханьского двора. Также на земли вьетов переселяли китайское население и вместе с распространением китайской письменности, распространялась китайская культура, в результате чего изменялись обычаи местного населения. С конца II в. н. э. на земле вьетов начинает распространяться конфуцианство. Классические конфуцианские труды преподавались в учебных заведениях, основанных китайскими властями. В этих школах учились дети китайских чиновников, ханьской знати и представителей верхушки вьетского общества. Наряду со знанием конфуцианских канонов, овладение искусством красивого письма – китайской каллиграфией имело чрезвычайную важность для будущих чиновников и знати. Первый конкурсный экзамен с целью отбора лучших кандидатов для управленческой работы был проведён ещё в 1075 г. при дворе независимого феодального государства при династии Ли. В число сдаваемых предметов входило письмо, счёт, знание законов. Экзамены сдавались на китайском языке. Во время правления династии Тан китайская культура переживала период расцвета. Это не могло не оказать ещё более глубокого влияния на все страны Дальнего Востока. В этот период было расширено обучение китайскому языку представителей высших слоёв вьетнамского общества, которые получили право участвовать в конкурсных экзаменах в самом Китае.

Однако китайский язык и письменность не могли вытеснить или заменить вьетнамский язык, так как ими владела только верхушка общества. Вьетнамский язык сохранился и вобрал в себя многое из китайского языка, появилось много заимствованных слов, в ряде случаев с изменённым произношением и способом использования. По мнению большинства исследователей, в период существования государства Аулак у вьетов ещё не было своей письменности. С III в. до н.э. вьеты использовали древнекитайскую письменность с вьетскими чтениями *ханван* [Познер, 1980, с. 84].

С III в. до н.э. до XIX в. н.э. наряду с китайской письменностью употреблялась специфическая вьетская иероглифическая письменность *тьином*. В настоящее время наиболее ранним и достоверным свидетельством использования письменности *тьином* является стела в Баоян (пров. Виньфу), датируемая 1209 г. [История Вьетнама, 1983, с. 146]. В начале XVII в. появляются литературные произведения, написанные на *тьином*.

Рис. 1. Нгуен Зу. Поэма о Кьеу (отрывок). Рукопись выполнена письмом *тьином*.
Источник: [Поэма о Кьеу]

С середины XVI в. во Вьетнам начинают прибывать торговые суда из Португалии [История Вьетнама, 1983, с. 203]. Португальские торговцы начинают использовать латинские буквы для записи вьетнамского языка. В XVII в. Голландская ост-индская компания занимает главенствующее положение в торговле с Востоком и приступает к торговле с Вьетнамом. Позднее, с середины XVII в. Английская и Французская ост-индские компании также вступают в торговые отношения с Вьетнамом и образуют фактории на севере и юге страны. Усиление торговых связей с Западом способствует прибытию большого количества европейских миссионеров, которые распространяли христианство. В 1668 г. во Франции официально было образовано Общество иностранных миссий, что позволило

французским миссионерам занять главенствующие позиции в миссионерской деятельности во Вьетнаме. Для того чтобы проповедовать христианство, европейские миссионеры изучали вьетнамский язык и использовали латинский алфавит для его фонетической передачи. Проживший около 30 лет во Вьетнаме французский миссионер Александр де Род систематизировал транскрипцию вьетнамской иероглифической письменности и составил систему тонов. В 1649–1651 гг. он издал в Риме вьетнамо-португальско-латинский словарь и полный катехизис на вьетнамском языке. Многие исследователи считают Александра де Рода создателем современной вьетнамской письменности на основе латинского алфавита [Тришина, 2009, с. 222].

Латинизированная письменность отвечала всем языковым законам, была проще и удобнее, однако лишь в начале XX в. она полностью заменила иероглифическую письменность в системе административных конкурсных экзаменов во Вьетнаме и была официально введена в использование. После образования в 1945 г. Демократической Республики Вьетнам латинизированная письменность *куокнгы* становится государственным официальным письменным языком. Как самостоятельный вид искусства национальная каллиграфия появилась во Вьетнаме в 1950–1960-х гг.

Во второй половине XX в. из-за влияния войны и спада экономики многие виды искусства, в том числе и каллиграфия, не развивались. С 1990 г. в результате проведения политики обновления экономика страны постепенно восстанавливается и развивается. Вслед за этим стал расти интерес к каллиграфии. В ряде крупных городов было создано много клубов каллиграфии, проводятся выставки национальной каллиграфии. В частности, весной 2000 г. в Ханое прошла первая национальная выставка каллиграфии. Эта выставка собрала 98 работ 28 авторов со всей страны [Тхы фап – нэт ван хоа чуен тхонг куа Вьетнам].

Национальная вьетнамская каллиграфия была возрождена после полувекового перерыва. За последние 10 лет в процессе развития, интеграции и международных обменов во Вьетнаме сформировалось поколение современных каллиграфов, готовых изучать и вносить новые формы в национальную каллиграфию. Сейчас существуют и развиваются два направления каллиграфии во Вьетнаме: одно – это классическая каллиграфия, написанная китайскими иероглифами, а другое – каллиграфия, написанная на национальном языке. В то время как каллиграфия китайскими иероглифами имеет глубокую историю, придерживается строгих стандартов и находится на необыкновенно высоком уровне своего развития, национальная вьетнамская каллиграфия только начала формироваться и развиваться.

Отличительные черты национальной вьетнамской каллиграфии

Стремительное развитие в последние годы национальной каллиграфии во Вьетнаме привело к тому, что её можно встретить практически во всех сферах жизни: в книгах и журналах, в рекламных роликах и на этикетках всевозможных товаров, на одежде, вышивке и т. д. Несмотря на то, что этот вид искусства ещё достаточно молод, он в полной мере передаёт традиционные культурные ценности и имеет тесную связь с историей и художественными традициями Вьетнама. Национальная каллиграфия во многом заимствовала эстетические принципы китайской каллиграфии, и, по сути, стала её органичным продолжением. Наследие китайской традиции заключается в форме и

содержании каллиграфического произведения. Так же, как и раньше, для его создания используются кисть, тушь и бумага, прежним остаётся и способ держания кисти.

Выбор текста является важным этапом в подготовке к созданию работы: для вьетнамской каллиграфии подходят короткие, ясные и лаконичные тексты, чтобы достигнуть максимального эстетического эффекта и показать красоту работы кистью. Если выбрать длинный текст с большим количеством слов, то может пропасть лёгкость и целостность восприятия каллиграфического произведения, сложно будет соблюсти баланс и взаимосвязь между словами.

Для национальной вьетнамской каллиграфии характерны следующие черты [Тхы фап – нэт ван хоа чуен тхонг куа Вьетнам]:

1. Гибкость, которая традиционно присутствует и во вьетнамской культуре в целом. Не существует строгих норм и ограничений в написании, автор сам выбирает, каким образом он напишет слово. Главным принципом является уважительное отношение к самовыражению автора и к его творческому поиску.

2. Выразительность и лиричность. Слова должны легко читаться и нести понятный смысл.

3. Гармония. Это один из важнейших элементов идеальной каллиграфической работы. В отличие от китайской каллиграфии, где каждый иероглиф вписывается в квадрат или прямоугольник, слова имеют различную длину. К тому же, система диакритических знаков, которая применяется в письменном вьетнамском языке, значительно усложняет задачу написания красивой и гармоничной каллиграфии.

4. Синтез восточной и западной традиций. В качестве примера: кисть является продуктом восточной культуры, а слово, написанное латинскими буквами, рождено западной.

В современной вьетнамской каллиграфии можно выделить несколько стилей [Тхы Фап Вьет Нам]:

Стиль Тянь Фыонг Châp Phuong, называемый еще Тянь Ты Châp Tұ (рис. 2). Представляет собой наиболее чёткий и разборчивый способ написания текста, который легко читается.

Рис. 2. Слово Tâm «Душа», написанное стилем Тянь Фыонг.
Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Стиль *Кать Зьеу Cách Diệt* или *Бьен Ты ВиёнТұ* (рис. 3.1, 3.2). В отличие от стиля *Тян Фыонг Chân Phương* буквы имеют измененную форму, которая позволяет создать свой собственный стиль письма.

Рис. 3.1. Слово *Tâm* «Душа», написанное стилем Катъ Зьеу.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Рис. 3.2. Слово *Tâm* «Душа», написанное стилем Катъ Зьеу.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Ка Бьет Cá Biệt или *Куонг Тхао Суонг Thảo* (рис. 4). Это стиль каллиграфии, который наиболее полно отражает личность каллиграфа и его индивидуальность, позволяя зрителю определить автора не читая подпись к работе. Надписи, выполненные данным стилем, пишутся как единое целое, что зачастую затрудняет чтение и понимание такого текста.

Рис. 4. Надпись, выполненная стилем Ка Бьет.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Стиль *Мо Фонг Mô Phòng* (рис. 5.1, 5.2, 5.3). Стиль – имитация, когда пишут на одном языке, а создаётся иллюзия другого языка. Например, надпись латинскими буквами будет напоминать иероглиф.

Рис. 5.1. Слово Tâm «Душа», написанное стилем Мо Фонг.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

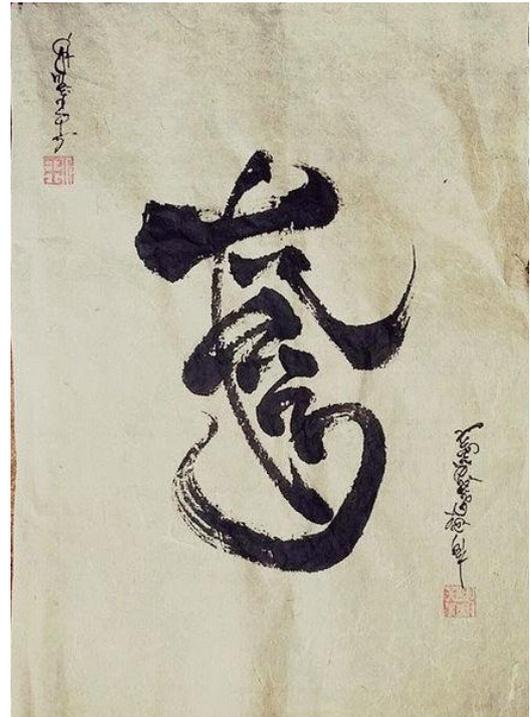

Рис. 5.2. Слово Tâm «Душа», написанное стилем Мо Фонг.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

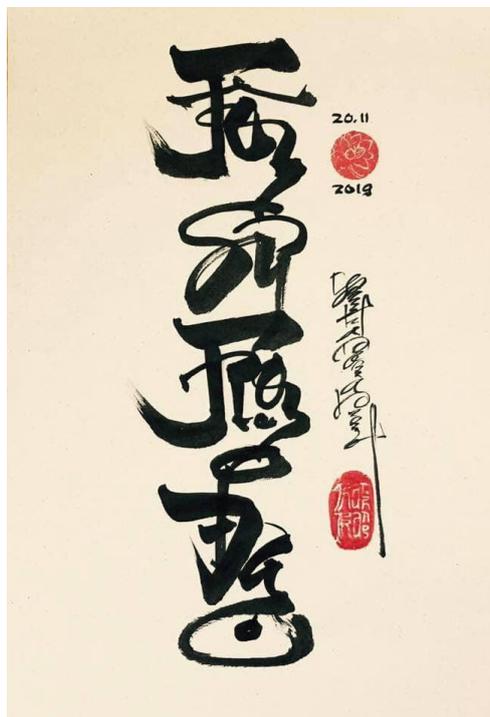

Рис. 5.3. Надпись, выполненная стилем Мо Фонг.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Также на многих работах вьетнамских мастеров помимо каллиграфии присутствует живописное изображение, которое может занимать достаточно много места (рис. 6.1, 6.2, 6.3).

Рис. 6.1. Пейзаж, выполненный в традиционном для стран Дальнего Востока стиле, дополненный национальной вьетнамской каллиграфией.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Рис. 6.2. Изображение двух цапель и лотосов, выполненных в технике «тщательной кисти», дополненное национальной вьетнамской каллиграфией.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

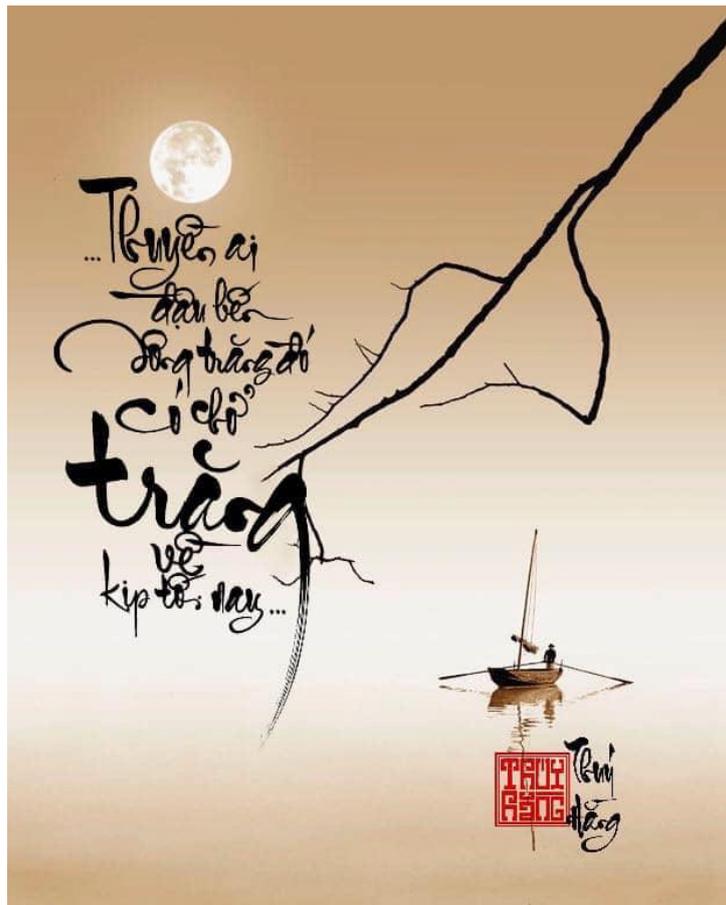

Рис. 6.3. Картина с традиционным для стран Дальнего Востока сюжетом – рыбак в лодке, где национальная вьетнамская каллиграфия помимо текста является также частью рисунка.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Среди мастеров, пишущих каллиграфию, много художников, поэтому достаточно часто они превращают буквы в изображение (рис. 7.1, 7.2, 7.3).

Рис. 7.1. Слово Tâm «Душа», написанное в виде дракона.

Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Рис. 7.2. Слово Phật «Будда», написанное в виде фигуры сидящего святого.
 Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

Рис. 7.3. Слова "Lê rơi" «Слёзы падают».
 Источник: [Тхы Фап Вьет Нам]

В современной вьетнамской каллиграфии можно выделить четыре основные формы надписей: вертикальный прямоугольник, горизонтальный прямоугольник, квадрат, форма веера.

Так же, как и в китайской каллиграфической традиции, в современной вьетнамской каллиграфии мастера на своих произведениях ставят печати. Печать является важным элементом каллиграфического произведения и подтверждением его подлинности. Правильное и гармоничное расположение печати добавляет ценность работе. Печати могут быть трёх видов: белые буквы на тёмном фоне, тёмные буквы на белом фоне, комбинация из приведённых выше двух видов.

В настоящее время для надписей на печатях вьетнамские мастера, как правило, используют латинские буквы, в то время как в Китае до сих пор основная часть печатей вырезается древним стилем написания иероглифов *чжуань*.

В китайских трактатах о каллиграфии описываются общепринятые места расположения печатей на работе, такие как: справа вверху и справа посередине – здесь ставят печати, поясняющие или дополняющие смысл каллиграфической надписи. В левом нижнем углу – обычно в этом месте располагается печать с именем или псевдонимом каллиграфа. В зависимости от размера и стиля надписи подбирается размер и форма печатей: большие или маленькие, длинные или короткие, одна, две или три печати и т. д. Расположение печатей имеет своё значение. Мастера национальной вьетнамской каллиграфии отошли от общепринятых норм китайской традиции и придерживаются следующей практики:

1. Когда мастер каллиграфии также является автором текста (стихотворения или фразы) или на этот текст не распространяется авторское право, то именная печать ставится в правом нижнем углу, можно ещё добавить печать вверху слева, как висящий знак.

2. В случае если мастер пишет принадлежащие другому человеку стихи или фразы без разрешения, внизу справа помещается печать каллиграфа, а внизу слева пишется имя писателя, чьё произведение было использовано, перед именем которого пишется слово «писатель» или «написано».

3. Если произведение написано с согласия автора, то каллиграф ставит свою печать в правом нижнем углу, а в левом верхнем углу пишется имя автора текста, перед которым пишется слово «писатель» или «написано».

В ситуации, когда форма каллиграфического произведения не позволяет расположить печати и надписи указанными выше способами, каллиграф должен в любом другом выбранном им месте чётко указать имя автора текста.

Таким образом, несмотря на глубокое проникновение китайской каллиграфической традиции в культуру красивого письма Вьетнама, национальная вьетнамская каллиграфия, помимо использования латинских букв, имеет целый ряд существенных отличий и особенностей, позволяющих назвать её уникальным и самобытным явлением мирового искусства.

Каллиграфия в современном вьетнамском обществе

В настоящее время развитие каллиграфии во Вьетнаме получило государственную поддержку. Ежегодно в рамках празднования Тэта – Нового года по лунному календарю проводятся фестивали каллиграфии по всей стране, количество участников в которых растёт из года в год. В 2016 г. в Фестивале каллиграфии, организованном департаментом культуры г. Ханоя в Храме литературы, приняло участие около 140 мастеров из разных уголков Вьетнама.

В государственных научных учреждениях также проводят работу по изучению истории каллиграфии и её современного положения. В феврале 2017 г. в Хошимине состоялась презентация книги «История вьетнамской каллиграфии», которая была написана коллективом специалистов. Книга объёмом 300 страниц, состоит из двух частей. В первой части представлен общий обзор истории каллиграфии в таких странах как Китай, Япония и Корея. Вторая часть посвящена развитию вьетнамской каллиграфии. Книга представляет собой процесс изучения исторических материалов Вьетнама, Китая, Японии и Кореи, и сравнения их с тем, что сохранилось в пагодах, храмах, каменных стелах, горных стенах и пещерах [New book tells history of Vietnamese calligraphy].

В настоящее время в крупных городах создано и действует большое количество клубов по изучению национальной каллиграфии, а также проводится много выставок всевозможных форматов по всей стране. В 2004 г. в Ханое был открыт Клуб каллиграфии Вьетнама ЮНЕСКО. В настоящее время в клубе насчитывается более 40 членов [CLB тхы фап UNESCO вьет там бут].

Вьетнамский клуб каллиграфии Дворца труда города Хошимина начал проводить регулярные мероприятия по популяризации искусства каллиграфии. Ежегодно этот клуб организует Улицу каллиграфии – это проявление традиционной культуры, когда мастера каллиграфии выходят на улицу, чтобы написать всем желающим добрые пожелания во время празднования вьетнамского нового года [Calligraphy street opens in Ho Chi Minh city].

Рис. 8. Работы вьетнамских каллиграфов к празднику.

Источник: [Юэнань шуфацзя хуэйхао помо инцзе нунли синьянь, даньши се дэ бин буши ханьцзи]

Заключение

Если рассматривать культуру как целый комплекс способов сохранения и передачи исторического наследия, то письменность является наиболее важной и значительной частью процесса формирования человеческого общества. Мастера каллиграфии чутко реагируют на все изменения, происходящие в обществе на каждом историческом этапе, и отражают это в своих произведениях. Первые письменные памятники во Вьетнаме были созданы на китайском языке, и на протяжении длительного периода китайская иероглифика была официальной вьетнамской письменностью. Именно поэтому китайская каллиграфическая традиция оказала большое влияние на развитие и формирование национальной каллиграфии, которая только к середине XX в. оформилась в самостоятельное и самобытное направление мирового искусства. Сейчас перед вьетнамскими каллиграфами стоит задача создания новых принципов и стандартов, подходящих для развития национальной каллиграфии в долгосрочной перспективе. Совместив в себе культуру Запада и Востока, современная вьетнамская каллиграфия отразила типичные черты вьетнамского народа, такие как гибкость, лиричность и эмоциональность, а также стала гармоничным продолжением культурных традиций. Сегодня большинство молодых вьетнамцев не понимает китайские иероглифы и не интересуется китайской культурой, поэтому появление каллиграфии на вьетнамском языке стало большим вкладом в развитие национального искусства в новых условиях, это отвечает современным потребностям вьетнамского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

История Вьетнама / пер. с вьетнамского, ред. В.Н. Кюзаджан. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 302 с.

Китай и его соседи в древности и средневековье / ред. О.Л. Горбунова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. 275 с.

Никулин Н.И. Вьетнамская литература. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 344 с.

Познер П.В. Древний Вьетнам. Проблема летоописания. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 183 с.

Поэма о Кьеу // Национальная библиотека Вьетнама. URL: <https://www.wdl.org/ru/item/14382/> (дата обращения: 17.10.2019).

Тришина Ю.А. Деятельность Александра де Рода во Вьетнаме: создание вьетнамской версии катехизиса и роль де Рода в рождении письменности QUỐC NGŨ / Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Сер. 9. 2009. Вып. 1. Ч. II. С. 215–224.

Чешков М.А. Очерки истории феодального Вьетнама (по материалам вьетнамских хроник VIII–XIX вв.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967. 250 с.

CLB тхы фап UNESCO вьет там бут : [Клуб каллиграфии Вьетнама ЮНЕСКО]. URL: <http://sovhtt.hanoi.gov.vn/clb-thu-phap-unesco-viet-tam-but-gin-giu-net-van-hoa-viet/> (дата обращения: 07.08.2019).

Мот кай нин ве нге тхуат тхы фап вьет тхой хьен дай : [Взгляд на современное искусство вьетнамской каллиграфии]. URL: <http://redsvn.net/mot-cai-nhin-ve-nghe-thuat-thu-phap-viet-thoi-hien-dai/> (дата обращения: 03.06.2019).

Тхы фап – нэт ван хоа чуен тхонг куа Вьетнам : [Каллиграфия – традиционная культура Вьетнама (часть II)]. URL: <https://tamnhin.net.vn/thu-phap-net-van-hoa-truyen-thong-cua-viet-nam-phan-ii-66313.html> (дата обращения: 10.08.2019).

Тхы фап Вьет Нам : [Каллиграфия Вьетнама]. URL: <https://www.facebook.com/thuphapVietNam1/> (дата обращения: 10.11.2019).

Тхы фап Вьет Нам : [Вьетнамская каллиграфия]. URL: http://nguyentl.free.fr/html/sujet_thu_phap_1_vn.htm (дата обращения: 03.06.2019).

Юэнань шуфацзя хуэйхао помо инцзе нунли синьянь, даньши се дэ бин буши ханьцзы : [Вьетнамские каллиграфы написали каллиграфию в канун Нового года по лунному календарю, но не китайскими иероглифами]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1623985773197632481&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.11.2019).

Calligraphy fest to run during Tet. URL: <https://vovworld.vn/en-US/news/calligraphy-fest-to-run-during-tet-406038.vov> (дата обращения: 10.11.2019).

Calligraphy street opens in Ho Chi Minh city. URL: <https://vovworld.vn/en-US/spotlight/calligraphy-street-opens-in-ho-chi-minh-city-210500.vov> (дата обращения: 07.08.2019).

New book tells history of Vietnamese calligraphy. URL: <https://vovworld.vn/en-US/news/new-book-tells-history-of-vietnamese-calligraphy-512005.vov> (дата обращения: 07.08.2019).

REFERENCES

Calligraphy fest to run during Tet. URL: <https://vovworld.vn/en-US/news/calligraphy-fest-to-run-during-tet-406038.vov> (accessed: 10 November 2019). (In English).

Calligraphy street opens in Ho Chi Minh city. URL: <https://vovworld.vn/en-US/spotlight/calligraphy-street-opens-in-ho-chi-minh-city-210500.vov> (accessed: 7 August 2019). (In English).

Cheshkov M.A. (1967). Ocherki istorii feodal'nogo V'yetnama (po materialam v'yetnamskikh khronik VIII–XIX vv.) [Essays on the history of feudal Vietnam (based on materials from the Vietnamese chronicles of the 8th – 19th centuries)], Moscow: Nauka, 250 p. (In Russian).

CLB thu phap UNESCO Viet Tam But [UNESCO Vietnam Calligraphy Club]. URL: <http://sovhtt.hanoi.gov.vn/clb-thu-phap-unesco-viet-tam-but-gin-giu-net-van-hoa-viet/> (accessed: 7 August 2019). (In Vietnamese).

Istoriya V'yetnama. (1983). Perevod s v'yetnamskogo [History of Vietnam], ed. V.N. Kyuzadzhan, Moscow: Nauka, 302 p. (In Russian).

Kitay i ego sosedi v drevnosti i srednevekov'ye (1970), ed. O.L. Gorbunova [China and its neighbors in antiquity and the Middle Ages], Moscow: Nauka, 275 p. (In Russian).

Mot cai nhin ve nghe thuat thu phat Viet thoi hien dai [A look at the contemporary art of Vietnamese calligraphy]. URL: <http://redsvn.net/mot-cai-nhin-ve-nghe-thuat-thu-phap-viet-thoi-hien-dai/> (accessed: 6 June 2019). (In Vietnamese).

New book tells history of Vietnamese calligraphy. URL: <https://vovworld.vn/en-US/news/new-book-tells-history-of-vietnamese-calligraphy-512005.vov> (accessed: 7 August 2019). (In English).

Nikulin N.I. (1971). V'yetnamskaya literature [Vietnamese literature], Moscow: Nauka, 344 p. (In Russian).

Poema o K'yeu. Natsional'naya biblioteka V'yetnama [A poem about K'yeu. V'ietnam National Library]. URL: <https://www.wdl.org/ru/item/14382/> (accessed: 17 October 2019). (In Russian).

Pozner P.V. (1980) Drevniy V'yetnam. Problema letoopisaniya [Ancient Vietnam. Chronology problem], Moscow: Nauka, 183 p. (In Russian).

Thu phap – net van hoa truyen thong cua Viet Nam [Calligraphy – The Traditional Culture of Vietnam (Part II)]. URL: <https://tamnhin.net.vn/thu-phap-net-van-hoa-truyen-thong-cua-viet-nam-phan-ii-66313.html> (accessed: 10 August 2019). (In Vietnamese).

Thu phap Viet Nam [Calligraphy of Vietnam]. URL: <https://www.facebook.com/thuphapVietNam1/> (accessed: 10 November 2019). (In Vietnamese).

Thu phap Viet Nam [Vietnamese calligraphy]. URL: http://nguyentl.free.fr/html/sujet_thu_phap_1_vn.htm (accessed: 3 June 2019). (In Vietnamese).

Trishina Yu.A. (2009). Deyatel'nost' Aleksandra de Roda vo V'yetname: sozdaniye v'yetnamskoy versii katekhizisa i rol' de Roda v rozhdenii pis'mennosti QUYC NGŨ [The activities of Alexander de Roda in Vietnam: the creation of a Vietnamese version of the catechism and the role of de Roda in the birth of the QUỐC NGŨ script]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/v/deyatelnost-aleksandra-de-roda-vo-vietname-sozdanie-vietnamskoy-versii-katehizisa-i-rol-de-roda-v-rozhdenii-pismennosti-quuc-ng> (accessed: 17 October 2019). (In Russian).

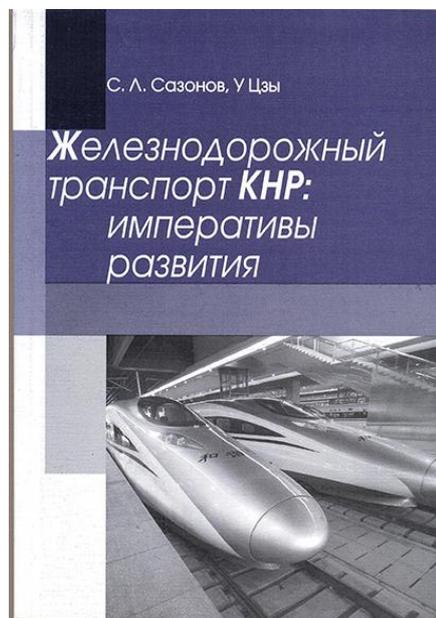
Yuenan shufa jia huihao pomo yingjie nongli xinnian, danshi xie de bing bushi hanzi [Vietnamese calligraphers wrote calligraphy on New Year's Eve according to the lunar calendar, but not in Chinese characters]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1623985773197632481&wfr=spider&for=pc> (accessed: 10 November 2019). (In Chinese).

Для цитирования: Донченко А.И. Вьетнамская каллиграфия: прошлое и настоящее // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 98–112. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10014

For citation: Donchenko A.I. (2019). V'etnamskaya kalligrafiya: proshloe i nastoyashchee [The Vietnamese calligraphy: the past and present], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2019, 2: 98–112. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10014

Новые книги

New books

Железнодорожный транспорт КНР: императивы развития

Железнодорожный транспорт КНР: императивы развития: монография / С.Л. Сазонов, У Цзы. М.: ИДВ РАН, 2019. 408 с. ISBN 978-5-8381-0351-2

Аннотация. В монографии проанализированы внутриотраслевые и структурные параметры железнодорожного комплекса Китая, проведен анализ соответствия его инновационного и пространственного развития запросам технологически зависимых от него отраслей экономики и всего народного хозяйства КНР в целом. Основное внимание уделено определению отраслевых приоритетов в отраслевом развитии – ключевых для укрепления и развития китайской экономики, среди которых были выявлены такие факторы, как мультипликативный и экстернальный эффекты, генерируемые в смежных отраслях промышленности, расширение занятости, активизация как внутреннего спроса, так и спроса на внешних рынках на китайскую транспортную продукцию. В монографии обобщены конкретные предложения по формированию конфигурации российско-китайской приграничной железнодорожной интеграции, от возможности присоединения к которой и использования ее синергетического эффекта потенциальную выгоду смогут получить все участники евразийского транзитно-транспортного проекта. Реализация конкретных предложений по развитию железнодорожной сети ДФО РФ и формированию новых конфигураций совместной российско-китайской приграничной железнодорожной интеграции, обобщенных в монографии, позволит увеличить уровень надежности транспортного сообщения между РФ и КНР, заинтересовать и побудить Китай к императивному транзиту грузов из стран АТР в Европу через территорию РФ по российским железнодорожным маршрутам.

Ключевые слова: железнодорожный комплекс КНР, отраслевое развитие, российско-китайское сотрудничество.

Railway Transport of China: Imperatives of Development

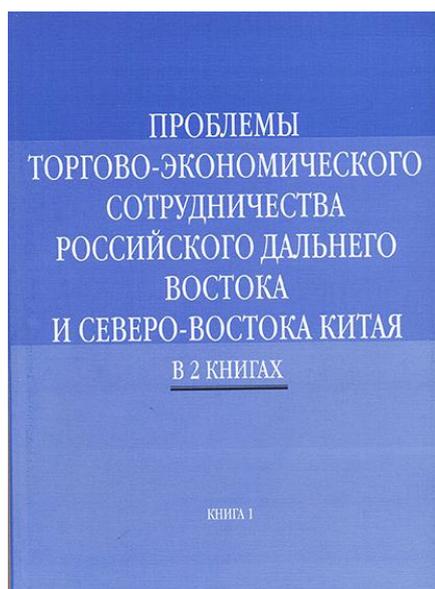
Railway Transport of China: Imperatives of Development: Monograph / S.L. Sazonov, Wu Zi. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. 408 p. ISBN 978-5-8381-0351-2

Abstract. The monograph analyzes sectorial and structure parameters of the railway complex of China, reveals the correspondence of its innovative and spatial development

to the needs of technologically dependent sectors of the economy and the entire national economy of China as a whole. The main attention is paid to the definition of sectorial priorities in a sectoral development – a key for the strengthening and development of the Chinese economy, among which such factors as multiplicative and external effects generated in related industries, employment expansion, activation of both domestic demand and demand in foreign markets for Chinese transport products were identified. The monograph summarizes specific proposals for the formation of the configuration of the Russian-Chinese border railway integration, from the possibility of joining which and using its synergistic effect, all participants of the Eurasian transit transport project will be able to benefit. The implementation of specific proposals for development of railway network in the Far Eastern Federal district of the Russian Federation and formation of new configurations of joint Russian-Chinese border railway integration, generalized in the monograph will increase the level of reliability of the transport message between Russia and China, to engage and encourage China to mandatory transit of goods from Asia Pacific to Europe via the territory of the Russian Federation on Russian rail routes.

Keywords: railway complex of China, industry development, Russian-Chinese cooperation.

* * *

Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая (в 2 книгах)

Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2019. В 2-х кн.: кн. 1. 432 с. ISBN 978-5-8381-0352-9; ISBN 978-5-8381-0353-6; кн. 2. 224 с. ISBN 978-5-8381-0352-9; ISBN 978-5-8381-0354-3

Аннотация. Последние два десятилетия отмечены крупными достижениями российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической сфере; объем торговли между двумя странами увеличился в 14 раз, с 6 млрд долл. в 1991 г. до 84 млрд долл. в 2017 г. Сотрудничество распространяется на другие сферы. Например, приграничная торговля постепенно становится заметной частью общей торговли; формы торговли изменяются от бартера до спотовой торговли; постепенно реализуются проекты сотрудничества между двумя странами в нефтяной и газовой сферах; находится в стадии строительства мост через пограничную реку Амур, что позволит заметно улучшить инфраструктуру приграничной торговли.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, торгово-экономические отношения, инфраструктура, приграничная торговля, инициатива «Один пояс – один путь».

Problems of Trade and Economic Relations between the Russian Far East and North East China (in two volumes)

Problems of Trade and Economic Relations between the Russian Far East and North East China /Ed. in Chief A.V. Ostrovskii, Ed. P.B. Kamennov. Moscow: IFES RAS, 2019. In Two Volumes: Vol. 1. 432 p. ISBN 978-5-8381-0352-9; ISBN 978-5-8381-0353-6; Vol. 2. 224 p. ISBN 978-5-8381-0352-9; ISBN 978-5-8381-0354-3

Abstract. During the past two decades, great achievements have been made in the Sino-Russian economic and trade cooperation, with the trade volume between the two countries increasing by 14 times, from 6 billion US dollars in 1991 to 84 billion US dollars in 2017. Cooperation has been extended into other sectors. For instance, border trade gradually evolves to be formal general trade; trade settlement changes from barter trade to spot trade; cooperation projects in oil and natural gas between the two countries are on the schedule; and the boundary river bridge, a hot issue for many years, is under construction, which will significantly improve border trade infrastructure.

Keywords: Sino-Russian economic and trade cooperation, economic and trade relations, infrastructure, border trade, Belt and Road Initiative.

* * *

70 лет современному китайскому государству

Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года)

70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). М.: ИДВ РАН, 2019. 448 с. ISBN 978-5-8381-0356-7

Аннотация. В сборнике опубликованы статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук, состоявшейся в марте 2019 г. и посвященной 70-летию годовщине образования КНР. В статьях содержится анализ актуальных вопросов внутренней и внешней политики, политической системы и права КНР, а также некоторых аспектов социально-экономического развития. Особое внимание уделено истории формирования органов государственной власти и

начальному этапу государственного строительства Китайской Народной Республики, эволюции политической системы и права с 1949 по 2019 гг., характерным чертам общественного строя Китая в новую эпоху.

Ключевые слова: КНР, КПК, внутренняя политика, политическая система, право Китая, внешняя политика, экономическое развитие, Си Цзиньпин, реформы.

70 years of Modern Chinese State

The Proceedings of the Annual Conference of the Center for Political Studies and Forecasting IFES RAS Moscow, 20th and 22th March 2019

70 years of Modern Chinese State. Moscow, IFES RAS, 2019. 448 p. ISBN 978-5-8381-0356-7

Abstract. This volume contains articles prepared on the basis of reports presented at the Annual scientific conference at the Center for Political Studies and Forecasting of the Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, held in March 2019 and dedicated to the 70th anniversary of the PRC. The articles contain an analysis of topical issues of domestic and foreign policy, the political system and law of the PRC, as well as certain aspects of socioeconomic development. Particular attention is paid to the history of the formation of state bodies and the initial stage of the state building of the People's Republic of China, the evolution of its political system and law from 1949 to 2019, and distinctive features of Chinese social system in the new era.

Keywords: China, PRC, CPC, domestic policy, political system, Chinese law, foreign policy, economic development, Xi Jinping, reforms.

* * *

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы V Всероссийской
научной конференции
Центра новейшей истории Китая
и его отношений с Россией
Института Дальнего Востока
РАН

Москва, 30 – 31 октября 2019 г.

Исторические события в жизни Китая и современность

Материалы V Всероссийской научной
конференции Центра новейшей истории
Китая и его отношений с Россией
Института Дальнего Востока РАН

Москва, 30-31 октября 2019 г.

Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы V Всероссийской научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. Москва, 30–31 октября 2019 г. М.: ИДВ РАН, 2019. 352 с. ISBN 978-5-8381-0360-4

Аннотация. Сборник материалов V Всероссийской научной конференции «Исторические события в жизни Китая и современность» (30–31 октября 2019 г.) подготовлен Центром новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. В нем представлены такие тематические направления, как новая и новейшая история Китая, в том числе история международных отношений и внешней политики, внутренней политики, включая проблемы управления.

Положительной тенденцией последних лет, отразившейся в докладах участников конференции, стало привлечение и введение в научный оборот новых документов центральных и местных архивов, материалов региональных СМИ, новых китайских источников, а также устных интервью, позволяющих специалистам по Китаю и широкой общественности, интересующейся проблемами Китая, углубить знания о стране, получить более полную информацию.

Заслуга конференции состоит в том, что она предоставляет возможность китаеведам из разных регионов России – Москвы, Томска, Иркутска, Перми, Кунгура, Кяхты и др. – на площадке ИДВ РАН обменяться мнениями и обсудить общие проблемы, что в конечном итоге способствует развитию российского китаеведения.

Ключевые слова: история Китая, чайный путь, государственное управление, международные отношения.

Historical Events in the Life of China and Modernity

Materials of the All-Russian Scientific Conference of the Center of Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of Far Eastern Studies of the RAS

Moscow, October 30–31, 2019

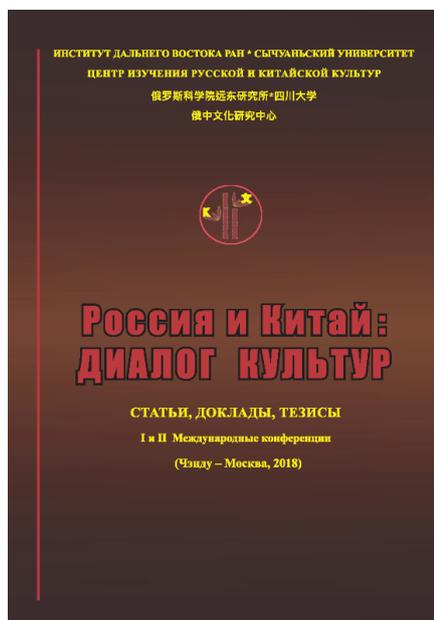
Historical Events in the Life of China and Modernity. Materials of the All-Russian Scientific Conference of the Center of Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of Far Eastern Studies of the RAS. Moscow, October 30–31, 2019. M.: IFES RAS, 2019. 352 p. ISBN 978-5-8381-0360-4

Abstract. Collected articles were prepared on the basis of the materials of the 5th All-Russian Scientific Conference “Historical Events in the Life of China and Modernity”, held in October 30–31, 2019, by the Center of Contemporary History of China and its Relations with Russia of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences and include such topics as modern and contemporary history of China: history of international relations and foreign policy, domestic policy, problems of management. A positive trend of recent years, reflected in the papers of the Conference participants, was involvement, research and introduction of new documents from central and local archives, materials from regional media, new Chinese sources, and oral interviews. That enables sinologists and the general public interested in China's problems to deepen knowledge about the country, to obtain more information about China. The accomplishment of the Conference is that it provides an opportunity for sinologists from different

regions of Russia: Moscow, Tomsk, Irkutsk, Perm, Kungur, Kyakhta etc. to use the platform of the IFES RAS for exchanging views and discuss different problems, thus contributing to the development of the Russian sinology.

Keywords: history of China, tea road, public administration system, international relations.

* * *

Россия и Китай: диалог культур

Статьи, доклады, тезисы. I и II Международные конференции (Чэнду – Москва, 2018)

Россия и Китай: диалог культур. М.: ИДВ РАН; СЫЧУАНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2019. 412 с.: ил. ISBN 978-5-6042708-0-6

Аннотация. В сборник вошли материалы докладов, сделанных китайскими и российскими учеными на I и II Международных конференциях «Россия и Китай: диалог культур» (Чэнду – Москва, 2018). Конференции организованы Центром изучения русской и китайской культур ИДВ РАН и Сычуаньского университета. В докладах отражены актуальные темы межцивилизационного и культурного сотрудничества Китая и России.

В докладах отражены актуальные темы межцивилизационного и культурного сотрудничества Китая и России.

Ключевые слова: диалог культур, геополитическое сотрудничество, традиции и современность.

Russia and China: A Dialogue of Cultures

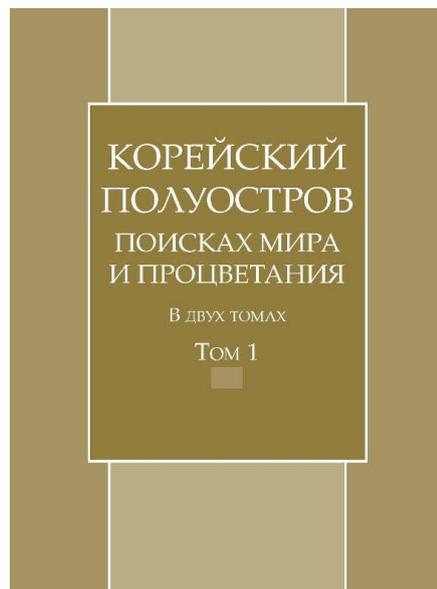
Articles, Reports, Abstracts. I and II International Conferences (Chengdu – Moscow, 2018)

Russia and China: A Dialogue of Cultures. M.: IFES RAS; SICHUAN UNIVERSITY, 2019. 412p. ISBN 978-5-6042708-0-6

Abstract. The digest includes articles and abstracts of reports by Chinese and Russian scientists presented at the International Conferences “Russia and China: A Dialogue of Cultures” (Chengdu – Moscow, 2018). The Conferences are organized by the Center for the Study of Russian and Chinese Cultures, IFES RAS and Sichuan University. The reports presented at the conferences touched upon the urgent problems of inter-civilization and cultural cooperation.

Keywords: dialogue of cultures, geopolitical cooperation, traditions and modernity.

* * *

Корейский полуостров в поисках мира и процветания

Корейский полуостров в поисках мира и процветания. М.: ИДВ РАН, 2019. В 2-х том.: т. 1. 352 с. ISBN 978-5-8381-0357-4; ISBN 978-5-8381-0358-1; т. 2. 224 с. ISBN 978-5-8381-0357-4; ISBN 978-5-8381-0359-8

Аннотация. В сборнике статей российских корееведов основное внимание уделено позитивным переменам на Корейском полуострове, произошедшим в течение 2018 г. Анализируются итоги состоявшихся саммитов лидера КНДР с руководителями КНР, США и Южной Кореи. Рассматривается влияние этих встреч на перспективы урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. Исследуются проблемы создания нового механизма поддержания мира на полуострове с учетом обеспечения интересов безопасности России. Рассматриваются вопросы отношений двух корейских государств с их соседями в регионе СВА. Большое внимание уделено состоянию и перспективам торгово-экономических связей Республики Корея с Россией, анализу некоторых аспектов опыта экономического развития РК в плане использования его в РФ. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического и культурного наследия и его связи с современностью, в частности 100-летию Первомартовского движения 1919 г. за независимость Кореи. В основу книги легли материалы 23-й конференции корееведов России и стран СНГ, проведенной 28–29 марта 2019 г. при содействии Академии корейских исследований Республики Корея.

Ключевые слова: безопасность, ядерная проблема, международные отношения, Корея, колониализм, история Кореи, культурное наследие, искусство Кореи, корейская литература.

The Korean Peninsula in Search for Peace and Prosperity

The Korean Peninsula in Search for Peace and Prosperity. Moscow, IFES RAS, 2019. In two volumes: Vol. 1. 352 p. ISBN 978-5-8381-0357-4; ISBN 978-5-8381-0358-1; Vol. 2. 224 p. ISBN 978-5-8381-0357-4; ISBN 978-5-8381-0359-8

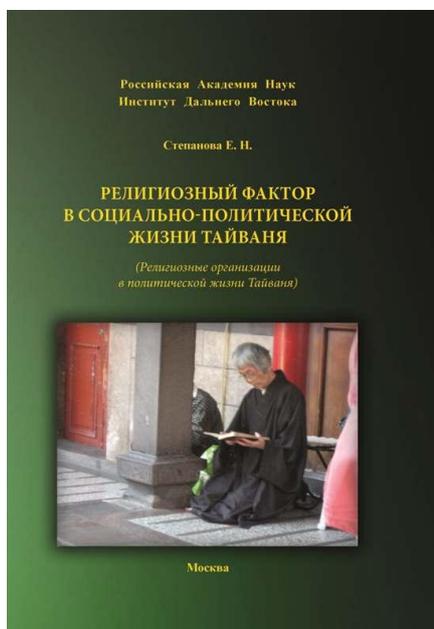
Abstract. The collection of articles by Russian scholars focuses on the positive changes on the Korean Peninsula that occurred during 2018. The results of the North Korean leader's summits with the leaders of China, the USA and South Korea held in 2018 are analyzed. The impact of these meetings on the prospects of resolving the nuclear issue of the Korean Peninsula is considered. The problems of creating a new mechanism for maintaining peace on the peninsula, taking into

account the security interests of Russia, are studied. The issues of relations between the two Korean states and their neighbors in the NEA region are considered. Much attention is given to the state and prospects of trade and economic relations between the Republic of Korea and Russia, the analysis of some aspects of the experience of economic development of the ROK in terms of its use in Russia. Separate chapters are devoted to the issues of Korean historical and cultural heritage and its connection with the modern days, in particular, to the 100th anniversary of the March 1st movement of 1919 for the independence of Korea. The book was prepared on the basis of papers presented at the 23rd Conference of Russia and CIS Koreanists, held on March 28–29, 2019 in Moscow with the support of the Academy of Korean Studies, the Republic of Korea.

Keywords: security, nuclear problem, international relations, Korea, colonialism, history of Korea, cultural heritage, Korean art, Korean literature.

* * *

Религиозный фактор в социально-политической жизни Тайваня (Религиозные организации в политической жизни Тайваня)

Религиозный фактор в социально-политической жизни Тайваня (Религиозные организации в политической жизни Тайваня) / Е.Н. Степанова. М.: Ваш Формат, 2019. 248 с. ISBN 978-5-00147-101-1

Аннотация. Монография представляет собой исследование влияния религиозно-политического фактора на отношения между двумя берегами Тайваньского пролива. В книге анализируется системообразующий (религиозно-мифологический) источник власти,

переживающий в настоящее время свой ренессанс. Автор определяет основную цель исследования, как возможность взглянуть на Тайвань с точки зрения его особенностей: недавно обретенной и еще неустойчивой демократии (не углубляясь в вопросы становления демократии на Тайване, поскольку эта проблема уже обсуждалась в работах других российских и зарубежных авторов), и поисков Тайванем своей идентичности «новыми силами». Автор ставит задачу представить будущее Тайваня в контексте нерешенной проблемы межбереговых отношений и новый способ ее решения надлежащими средствами (посредством религии в том числе). В монографии демонстрируется новый подход Тайваня в определении путей своего развития на фоне материкового Китая и Японии с точки зрения дополнительного неиссякаемого потенциала, также учитывается присутствие гендерного фактора в религиозно-политической и социально-политической жизни острова, поскольку, как показывает исследование, женщины более религиозны, чем мужчины.

Ключевые слова: Тайвань, проблема межбереговых отношений, Тайваньский пролив, религия, социально-политическая жизнь Тайваня.

Religious Factor in Taiwan Social-Political Life (Religious Organizations in Taiwan Political Life)

Religious Factor in Taiwan Social-Political Life (Religious Organizations in Taiwan Political Life) / E.N. Stepanova. M.: Vash Format, 2019. 248 p. ISBN 978-5-00147-101-1

Abstract. The monograph represents the research of the religious-political factor influence on across Taiwan Strait relations. In the book, there is analyzed a system-organizing (religious mythological) resource of power enduring its renaissance at present. The author determines the research main task as the possibility to look at Taiwan from the point of view of its peculiarities: recently found and still unsteady democracy (without deepening into the questions of democracy formation in Taiwan as this problem has already been discussed in the works of Russian and foreign authors), and also from the point of view of Taiwan search for its identity by the “new forces”. The author sets herself a task of imagining Taiwan’s future in the context of the undecided problem of across-strait relations and a new way of its decision by appropriate means (religion is one of their number). In the monograph, there is demonstrated Taiwan new approach to defining the ways of its development at the background of Japan and South Korea from the standpoint of their inexhaustible potential. Besides, the presence of a gender factor is taken into consideration in the religious-political and social-political life of the island, as the research shows, that women are more religious than men...

Keywords: Taiwan, problem of across-strait relations, Taiwan Strait, religion, social-political life in Taiwan.

Составитель: Пржежецкая Н.В.

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 2, 2019

Редактор:	Богданова А.Н.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Надточенко Б.Я.
Редактор:	Потапова В.А.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Компьютерная вёрстка:	Потапова В.А.
Редактор сайта:	Казakov О.И.
<hr/>	
Дата публикации:	24.12.2019

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН, Центр научной информации и документации
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 2, 2019

Editor:	Bogdanova A.N.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Nadtochenko B.Ya.
Editor:	Potapova V.A.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Layout:	Potapova V.A.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.
<hr/>	
Date of issue:	24 December 2019

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13 (Center for Scientific Information and Records, IFES RAS)

www.eastasiajournal.ru

